

"Тайна двух сердец"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

ПРОЛОГ

Сколько же гадостей натворил Рой! Даже мысль об отчине заставляла Бет содрогаться.

Пять лет назад, после возвращения из Испании, переполненная болью, Элизабет Харди не имела представления, чем ей заняться. Когда подруга спросила, не хочет ли она поработать летом в небольшом манхэттенском ресторанчике, специализирующемся на устройстве конфиденциальных деловых обедов и семейных торжеств, девушка с благодарностью приняла предложение. Она была рада заняться чем угодно, лишь бы заполнить пустые дни и отвлечься от мрачных мыслей о своем первом и таком быстротечном любовном романе, казавшемся сном. Дурным сном, потому что роман закончился позорным фиаско.

Узнав, что падчерица работает в столь любимом бизнесменами заведении, Рой подбросил несколько заказов на обеды. Бет была благодарна ему. Ей не хотелось обострять с ним отношения, особенно после того, что случилось в испанском городе Малага. Они с подругой обслужили несколько деловых обедов к полному удовлетворению клиентов.

Затем отчим организовал обед членов совета директоров одной небольшой компании и сказал, что Бет не останется в обиде, если только сделает все как надо. Когда она спросила, что он имеет в виду, Рой заговорщически подмигнул и показал ей маленький магнитофон, предложив спрятать его где-нибудь под столом незадолго до прихода гостей.

- Компания созрела для того, чтобы ее перекупили, - объяснил он.- Кое-кому интересно узнать, о чем люди будут говорить за обедом.

Бет с отвращением покачала головой.

- Вы хотите, чтобы я шпионила?

- Не шпионила, а зафиксировала разговоры, - без тени смущения поправил Рой.

- С магнитофоном? Это незаконно. Я не сделаю этого.

Отчим пришел в ярость:

- Ты глупа как пробка! Это - бизнес! Все так делают.

- Но не я! - яростно запротестовала Бет.

И тут Рой со всего размаху залепил ей пощечину.

Потом он неуклюже извинялся за то, что вышел, дескать, из себя. Но за то, что пытался втянуть ее в такое грязное дело, прощения ему не было. Вот тогда у девушки и зародилось неясное подозрение, что Рой сыграл какую-то роковую роль в ее отношениях с Эрнаном Дуаресом.

Вскоре после того скандального случая, связанного с магнитофоном и подслушиванием, Бет съехала из дому и сняла квартиру на паях с Дорианом, приятелем еще со школьных времен. Спустя какое-то время острота отношений между нею и отчимом немного сгладилась, но

прежнего доверия к нему уже не было.

Хозяин манхэттенского ресторана, видя сколь старательна и любезна с посетителями Бет, направил ее на краткосрочные курсы кулинарии и ресторанного сервиса. Увлечшись неожиданно приобретенной профессией, девушка неожиданно почувствовала тягу и к другому занятию – стала пописывать статейки о нью-йоркских рестораторах, застольях знаменитостей и секретах кулинарного мастерства. Неожиданно ее пригласили работать репортером в известном специализированном издании – журнале «Кухня народов мира». Но самым неожиданным было другое. Однажды ответственный редактор отдела, увядающая, но еще полная сексуального запала рыжекудрая красавица Маргарет Милтон, вызвала Бет к себе.

- Что-то ты грустна в последнее время, недотрога ты наша. Все то же затишье на любовном фронте? – Редакторша игриво взглянула на зардевшуюся младшую коллегу. – Не пора ли подбавить в пресное блюдо личной жизни немного перчику?

Бет смущенно насторожилась: что там еще на уме у этой неугомонной почитательницы сильного пола? Но Маргарет уже сделала серьезное лицо, уставившись на подчиненную.

- Мы давно не писали о национальной кухне Испании. Они там организовали в Малаге международные курсы кулинаров. Слетай-ка проветрись и подготовь несколько отчетов в очередной номер.

Потерявшая дар речи, Бет немо открыла рот, но рыжекудрая уже не смотрела на нее. Она плотоядно закатила глаза к потолку:

- Ах, какие в Андалусии мужчины!

1

Бет вошла в гостиничный лифт. Старомодно вычурный, украшенный позолотой, он являл собой образчик типично европейской конструкции начала века. А главное – так напоминал лифт на вилле Сан-Рокес, что у девушки забегали мурашки по спине.

- Не беспокойтесь, милочка. Может, этот агрегат и выглядит допотопным, но я уверена, что он совершенно безопасен.

Молодая американка удивленно моргнула, внезапно поняв, что успокоительные слова адресованы ей. Еще одной пассажиркой была дама неопределенных лет.

- Простите, что? – очнулась Бет. Незнакомка доброжелательно улыбнулась.

- Я не могла не заметить, с каким страхом вы осматривались, – прямо-таки посерели. Если вы страдаете клаустрофобией, вам лучше пользоваться лестницей – будете чувствовать себя уверенней.

Наверное, я чувствовала бы себя уверенно, если бы вообще не приезжала больше в Испанию, уныло подумала Бет. Она оценила заботу женщины, однако ее обеспокоило вовсе не замкнутое пространство или ненадежность лифта. Дело было в другом: она снова оказалась в Малаге – том самом городе, где жил Эрнан Дуарес. Воспоминания о нем до предела натягивали нервы. Здесь все, на что обращался ее взгляд, напоминало об этом человеке. Щемящее чувство тревоги появилось еще в аэропорту.

Совершила ли она ошибку, согласившись лететь сюда по заданию редакции? Бет думала, что сможет безболезненно посетить эту страну пять лет спустя после первого визита, но, похоже, недооценила силу своей памяти. Казалось, что она была здесь не много лет назад, а вчера. Впрочем, даже если и совершила ошибку, жалеть о ней теперь слишком поздно.

Американка сглотнула комок.

- Со мной все в порядке... Спасибо вам. Видите, мы уже в полной безопасности, на первом этаже.- Она отступила в сторону, пропуская женщину в холл. Та вышла и протянула руку:

- Нэнси Мур.

- Бет... Элизабет Харди.

- Вы тоже посещаете кулинарные курсы? - спросила Нэнси, когда они направились в одну сторону.- В некотором смысле. Я пишу о них для журнала, в котором работаю... Он называется «Кухня народов мира», - объяснила Бет, радуясь, что может сосредоточиться на настоящем, а не на прошлом.

- Правда? Как интересно! Я отлично знаю ваш журнал, покупаю его каждый месяц. Это просто очаровательно - встретить кого-то, кто работает в нем. Элизабет Харди... Мне кажется, я читала ваши статьи. Так вы журналистка?

- Я пишу очерки.

- И вы здесь для того, чтобы написать об этих курсах?

Бет кивнула:

- Да, нам кажется, что они заинтересуют многих наших читателей.

- Конечно, в этом нет никаких сомнений. Я люблю испанскую кухню, но меня привлекло то, что здесь будут не только занятия по кулинарии, но и экскурсии. Ведь Испания - такая красивая страна, не правда ли?

Несколько ужасающе долгих мгновений Бет боролась со своим голосом.

- Да... Красивая...

Как же трудно далось ей это признание, - несмотря на неоспоримость истины. Пять лет назад Эрнан безжалостно разрушил все, что у нее было связано с Испанией. В девятнадцать лет она оставалась наивным подростком, все еще переживавшим крах брака родителей, впечатлительным и очень ранимым. А этот испанец казался мужчиной ее мечты... мужчиной мечты любой женщины, до тех пор, пока... Бет потрянула головой и оборвала цепочку болезненных мыслей. Возвращение в Малагу замышлялось ею как своеобразный экзорцизм, этакий акт изгнания духов, способ доказать самой себе, что она похоронила часть своего прошлого раз и навсегда. И оно не должно больше беречь ее душу.

Краем глаза она увидела свое отражение в зеркале, мимо которого проходила, и невольно вскинула голову. В свободном льняном костюме, с золотисто-каштановыми волосами, модно уложенными кольцами, и неброским, но выигрышным макияжем Бет выглядела зрелой и опытной женщиной. Каковой и считала себя.

Сейчас ей двадцать четыре, и она стала куда мудрее, чем была в первый приезд в Испанию. Может, и не пополнила за последние пять лет свои познания в том, что касается мужчин, но уж точно приобрела большой жизненный опыт. И не позволит какой-то дурацкой подростковой выходке, как бы мучительно она ни закончилась, преследовать ее всю жизнь.

- Ну, вы видите блюда? - спросила Нэнси, когда они вошли в большой гостинный зал. - Стол выглядит просто восхитительно.

Работа курсов только началась. В день их открытия организаторы устроили вечерний прием. Его гвоздем была дегустация испанских вин и угощение яствами национальной кухни. Столы гнулись под тяжестью множества блюд в нежных мясных и овощных соусах. Здесь были и эстремадурские колбаски, и рыба по-астурийски, и клецки из лангуста по-валенсийски. И уж, конечно, такие популярные блюда, как олья подрига, паэлья, пучеро, андалусское гаспаччо, чанфайна. Бет глубоко вдохнула и, заставив себя расслабиться, принялась за еду. Она намерена насладиться пребыванием в этой сказочной стране и никто и ничто, в том числе и мысли об Эрнани Дуаресе, не испортят ей предстоящие дни.

- Простите, милочка. Мне нужно сказать несколько слов во-о-он той паре. Я познакомилась с ними в самолете по дороге сюда. Мы еще увидимся, - извинилась Нэнси.

Оставшись одна, Бет взяла стакан холодного белого вина, предложенного официантом, и сделала глоток. Очень неплохо, одобрила она про себя ароматный напиток.

- О, мисс Харди! Как вы устроились? Я надеюсь, ваша комната вам понравилась. По-моему, она одна из лучших в отеле.

Бет ответила улыбкой на приветствие Мигеля Родригеса. Он был главным организатором и распорядителем курсов. Массивное телосложение при весьма тонкой талии и добродушное лицо делали его идеальной рекламой испанской кухни.

- Комната превосходна, мне она очень нравится, - заверила его Бет.

- Отель недавно перестроен. Это одна из старейших гостиниц города, однако дела шли все хуже и хуже, пока один местный бизнесмен не купил ее в прошлом году. Он истратил на ремонт огромные деньги, - горделиво сообщил Мигель.

- Все здесь в прекрасном состоянии, так что, уверена, вложение больших средств окажется выгодным, - вежливо ответила Бет.

- Я думаю, да, - согласился испанец.- Хозяин проницательный человек и не из тех, кто тратит время на пустые дела. Думаю, что он может появиться здесь. Во всяком случае, был намерен посетить отель сегодня вечером, и я, естественно, предположил, что он смог бы присоединиться к нам и попробовать некоторые блюда. Кстати, вы знаете, что первый практикум начнется завтра ровно в девять тридцать утра?- спросил он, меняя тему.

Бет кивнула:

- Я получила полную программу еще до отъезда из Америки. С девяти тридцати до двенадцати тридцати каждый день, не так ли?

- Именно так. Это оставляет часовой перерыв на обед и всю вторую половину дня на осмотр города. Надеюсь, на экскурсиях вы тоже присоединитесь к нам?

Бет сделала еще глоток вина и покачала головой, стараясь говорить спокойным деловым тоном:

- Едва ли. Мой журнал все-таки посвящен кулинарии, и это то, на чем я намерена сосредоточиться.

- Что ж, это понятно. Хотя вы, несомненно, не увидите некоторые из наших прекрасных сокровищ. Мы планируем провести по несколько экскурсий в Малаге и Севилье, - уговаривающим тоном произнес Мигель.

Держащая бокал рука Бет едва заметно дрогнула, когда слова собеседника оживили воспоминания о днях, проведенных в этих городах с Эрнаном. Побывала она и в Кордове, и в Кадисе. А в Малаге, одном из самых древних городов мира, основанном финикийцами за много веков до нашей эры, они с Эрнаном бродили по развалинам древнего римского театра, побывали в арабском дворце Аль-Касаба, в замке-маяке «Хибральфаро». На старых улочках города множество прилавков было завалено сувенирами для туристов. Она примерила огромную соломенную шляпу, и Эрнан немедленно купил ее, объявив лучшим образчиком высокой моды из всех, какие ему когда-либо приходилось видеть...

- Я уже бывала в вашей стране, - сказала Бет, пытаясь затолкать тоскливые воспоминания назад, на отведенное им в самом дальнем уголке памяти место.

Глаза Мигеля загорелись - как у любого истово любящего свою страну. Для таких людей нет большего наслаждения, чем обмен восторженными замечаниями о предмете собственной любви с приезжими:

- Правда? Когда?

- Д-давно, - ответила Бет, с ужасом слыша дрожь в своем голосе.

Она разозлилась на себя за это проявление слабости. Сколько женщин так расстраиваются из-за мужчин, которые бессердечно отвергли их много лет назад? Да ни одна! Если не считать дамочек, сходящих с ума и превращающихся в поклонниц мазохизма, безжалостно заметила она себе. Большинство постарались бы познакомиться с кем-нибудь другим и полюбить его. Так какого же черта она не может этого сделать?

Молодая женщина яростно заморгала, заставив отступить казавшиеся неизбежными слезы. Это просто смехотворно. Почему она продолжает думать об Эрнано? В конце концов, нет ни малейшей опасности встретить его здесь. Если только придерживаться своего плана и посещать занятия по кулинарии по утрам, избегая экскурсий после обеда, то никогда и не натолкнешься на старого знакомца где-нибудь в городе.

Кроме того, ему сейчас должно быть тридцать два... или тридцать три? Он, скорее всего, женат! На душе заскребло. Ну почему эта мысль так смехотворно болезненна?

В зал приемов вошли еще несколько человек, и теперь помещение было заполнено небольшими группками болтающих людей. Усилием воли Бет заставила себя улыбаться, переводя взгляд с компании на компанию. Внезапно она окаменела, сердце буквально остановилось.

Ее глаза встретились с глазами некоего испанца, и она поняла, что это он. Эрнан был здесь, всего в нескольких шагах от нее. Кровь отхлынула от лица. Комната начала вращаться вокруг своей оси - все быстрее и быстрее.

- О, я вижу сеньор Дуарес прибыл. Разрешите мне познакомить вас. - На ее локте была рука Мигеля, и эта рука вела ее, как овцу под нож, прямо туда, где стоял Эрнан.- Мисс Харди, разрешите представить вам сеньора Дуареса.

Бет подняла ошеломленный взгляд на стоявшего перед ней высокого широкоплечего мужчину.

- Представления излишни, Мигель. Мисс Харди и я уже знакомы, - твердо сказал Эрнан. В его голосе не было ничего, кроме обычной вежливости, а смотревшие на нее глаза казались кусочками черного льда.

Мгновенно потеряв дар речи, гостя беспомощно смотрела на Эрнана. Иногда память может выкидывать разные фокусы, искажая или приукрашивая чей-либо облик, и он вовсе перестает отражать реальность. Порой Бет спрашивала себя - не разочаруется ли она, если ей придется когда-нибудь вновь встретить Эрнана. Сейчас она с испугом поняла, что нет. Он был так же неотразим и привлекателен, как и тогда. Поколениям своих испанских предков он был обязан тем породистым видом, который не оставит равнодушной ни одну женщину. Его густые волосы были иссиня-черными, глаза темными и сверкающими как маслины, черты лица чеканными, а рот - безжалостным и чувственным одновременно. Каждая линия фигуры была безупречной.

Наконец Бет смогла заставить заработать остатки разума, почти полностью сокрушенного появлением этого испанца.

- Эрнан... Вот это неожиданность! - Неожиданность ли? Что за слово, совершенно не отражающее состояние! От потрясения она почувствовала озноб. - Да, много времени прошло. Должно быть, лет...

- Пять, - холодно подсказал он.

- Н-неужели д-действительно так много?

- А ты забыла?

Ладони Бет стали мокрыми от пота. Конечно же, она не забыла. И не пять лет. Последний раз они виделись четыре года, десять месяцев и двадцать шесть дней назад. Интересно, может ли он продемонстрировать такую точность своей памяти?

- Нет... я не забыла, - возразила она, заставляя себя улыбнуться какой-то неживой улыбкой.

Он не улыбнулся в ответ. Его безжалостный взгляд не отпускал ее.

- Да и как ты могла! Как я понимаю, ни одна женщина не забудет - вне зависимости от неприятных обстоятельств, своего первого...

- ...Путешествия за границу, - поспешно перебила Бет. На ее лице, только что белом, мгновенно появились пунцовые пятна. Не собирался же этот человек сказать то, что она думала, ведь нет? Господи Боже! Наверняка он не стал бы так бессердечно унижать ее в присутствии Мигеля Родригеса!

Глаза Эрнана на мгновение сузились, их черные зрачки отреагировали на ее восклицание, давая понять, что испанец по-прежнему может нанести смертельный удар, которого она боялась, - если только он решит сделать это.

В ожидании ответа Бет до боли в легких задержала дыхание, ее зеленые глаза невольно

расширились в немой мольбе.

- В общем, да, - наконец согласился Эрнан, хотя даже малейший проблеск сочувствия, к ее ужасу, не смягчил жесткого выражения его лица. - Насколько я помню, это были твои первые каникулы за границей.

К облегчению от того, что казнь отложена, примешивалась злость. Как мужчина посмел поставить ее в такое жуткое положение - пусть и не вслух, угрожая облечь в словесную форму эти болезненно-унизительные воспоминания?

- Каникулы - едва ли самое подходящее слово. Большую часть времени я работала на своего отчима, - твердо сказала она.

Его глаза гневно вспыхнули:

- Большую часть? Ты преуменьшаешь - Он зло усмехнулся. - Не будет ли честнее сказать, что ты работала на своего отчима круглые сутки?

Бет непонимающе сдвинула брови. О чем Эрнан говорит? И почему его тон и вид выражают такое отвращение?

- Я р-работала на Роя так, как была способна, - сказала она неуверенно.

- Да неужто? - презрительно усмехнулся испанец.

Бет уловила скрытое осуждение и ощутила, как ее ногти впиваются в ладони. Она провела с Эрнаном всего несколько минут, и они оказались хуже, гораздо хуже всего, что ей когда бы то ни было рисовало воспаленное воображение. Как он может заставлять ее чувствовать себя жалкой лгуньей? Что бы там ни произошло между ними пять лет назад, это не дает ему права на такое жесткое обращение.

Мигель Родригес явно чувствовал себя не в своей тарелке, его взгляд метался от американки к сеньору Дуаресу.

- Когда вы сказали, что уже бывали в Испании, мисс Харди, я и представления не имел, что у вас такие блестящие знакомства, - бодро заметил он.

Бет с усилием перевела взгляд со стального лица Эрнана на круглую и лучащуюся теплотой физиономию распорядителя, пытаясь собрать последние остатки самообладания.

- Я не думала, что это необходимо. У меня не было причин думать, что Эр... сеньор Дуарес будет здесь сегодня вечером.

- Но разве я не упоминал, что владелец появится здесь?

- Владелец отеля - да, но при чем здесь...- Бет перевела растерянный взгляд на Эрнана.- Ведь ты же не?..

Холодная улыбка приподняла уголки его рта:

- Да. Боюсь, что я. Ты - гостя моего отеля.

Вторая волна шока накрыла Бет с головой. Дуарес - владелец прекрасной «Звезды Андалусии», где она остановилась! Какая жестокая судьба сотворила этот ужасающий набор совпадений?

- Но все твои другие отели - современные. Они не похожи на этот.

- Ты права, - согласился он. - У тебя просто уникальная память.

Скрытый в его словах сарказм отвергал любые предположения о намерении сделать комплимент, а сопровождавший слова взгляд был настолько пронзительным, что Бет почувствовала себя покрытой ледяной коркой.

- Едва ли уникальная. Если ты помнишь, мне приходилось бывать в некоторых из них, - бесцветным голосом сказала американка.

- Я помню, - ответил Эрнан с обезоруживающей быстротой. - Однако же у тебя было так много других обязанностей. А ведь все трудно упомнить.

Почему он так смотрит на нее? Слово хочет убить. Если кто и имеет право на такие взгляды, то не этот испанец, а она. И почему он говорит какими-то загадками?

- Это единственный принадлежащий мне отель в центре Малаги. У меня были особые причины купить его, - коротко объяснил он.

«Все можно купить, но не любовь...» Строчка из популярной песенки какой-то эстрадной звезды пришла ей на ум, и Бет еле сдержала истерический смех.

Взяв себя в руки, она расслабила мышцы лица.

- Мне показалось, что я узнала лифт. Он ведь с виллы Сан-Рокес?

Темная бровь Эрнана цинично приподнялась.

- Хотел бы я знать, чем вызвано это воспоминание? Особенности конструкции лифта или связанными с ним ассоциациями?

Кровь вновь бросилась Бет в лицо. Однажды Эрнан поцеловал ее в этом лифте. Поцеловал? Какое восхитительное преуменьшение! Он каким-то образом сумел опустошить все ее тело, не снимая рук с ее плеч и не отрывая от нее губ.

Она стиснула зубы, пытаясь прогнать возникший перед глазами образ двух людей, ставших единым целым. Как бы ей хотелось сорвать с мужского лица маску самодовольства и наглости!

- Его конструкция кажется мне совершенно уникальной, - парировала она. - Так что вовсе не удивительно, что я запомнила ее.

- И, без сомнения, ты смогла отправить связанные с ним ассоциации на свалку истории.

- Без сомнения, - твердо согласилась Бет.

Взгляд Эрнана скользнул поверх ее головы и вернулся к лицу.

- И что же еще раз привело тебя в Малагу? Ты записалась на эти курсы кулинарии?

- Нет. Я пишу о них для моего журнала.

- Твоего журнала?

- В сущности, не моего. Для ж-журнала, в котором я работаю. - Язык Бет стал вялым и непослушным, ей приходилось бороться с ним за каждое слово.

Темные глаза Эрнана изучали ее.

- И что же это за журнал?

Бет чуть повысила голос.

- Ты, скорее всего, не слышал о нем. Он называется «Кухня народов мира». И мы публикуем обзоры с подобных курсов для наших читателей. Я не должна была ехать, но, когда одна из моих коллег сломала ногу, мне пришлось в последнюю минуту заменить ее.

Она нервно болтала, пытаясь унять поднимающуюся в ней волну паники. Ей трудно было поверить в то, что она ведет с Эрнаном бессмысленный разговор о журналах и кулинарных курсах. Какие же нервы, должно быть, у него, если он может стоять сейчас перед ней, холодный и равнодушный, после всего, что случилось пять лет назад.

- Как же ты безотказна. Хотя ты всегда была очень сознательным сотрудником, не правда ли? - заметил Эрнан с ноткой цинизма. - Я бы сказал, что твоя преданность работе неизменно простиралась за пределы служебных обязанностей.

И вновь ему удалось каким-то образом заставить комплимент звучать хуже ругательства. Что он имеет в виду?

- Как давно ты работаешь в этом журнале?

Внезапно заданный вопрос напугал ее, но она ответила немедленно:

- Более четырех лет.

- Следовательно, ты больше не служишь у своего отчима?

Бет нахмурилась:

- Я никогда и не работала на Роя. Секретарские обязанности, которые я выполняла, были лишь временны. И ты это прекрасно знаешь.

Холодная улыбка изогнула его губы.

- Это не совсем то, что я имел в виду.

- Не понимаю.

- Да неужто? Я имел в виду не совсем стандартные методы ведения дел, которыми пользовался Рой.

Молодая женщина продолжала непонимающе таращиться на испанца, но тот уже не замечал ее.

- Простите, я увидел кое-кого, с кем мне нужно переговорить. - И с явным облегчением ушел.

Бет смотрела ему вслед, конвульсивно вздрагивая. Если она не выберется отсюда немедленно, то совершит что-нибудь совсем безумное - например, бросится на пол и закричит. Гостья

повернулась к распорядителю:

- Сеньор Родригес...

- Пожалуйста, зовите меня Мигель.

Бет глотнула, вовсе не чувствуя себя в состоянии заниматься обменом любезностями.

- Мигель, простите, Бога ради... Я знаю, что мы еще не поели, но, я боюсь, что у меня начинается мигрень... Наверное, это из-за перелета и вообще... Я думаю, что мне сегодня лучше пораньше лечь.

- Мегрен? - вопросительно повторил Мигель.

Бет лихорадочно напрягла память, ища испанские слова:

- Dolor de cabeza!

- А, головная боль, - сочувственно произнес собеседник. - Но не хотите ли вы съесть что-нибудь? Разве это не помогает?

При одной мысли о еде тошнота скрутила желудок Бет. Она затрясла головой.

- Нет, спасибо. Я думаю, что лечь спать - единственный способ прийти в себя. Надеюсь, вы извините меня. До завтра.

Не дожидаясь ответа, она повернулась и, не замеченная занятыми разговорами людьми, выскользнула из зала.

2

Придя в свой номер, Бет швырнула сумку на кровать и вышла на балкон, нависавший над садом на заднем дворе гостиницы. Серо-желтая луна висела в чистом ночном небе, озаряя призрачным сиянием видневшееся вдаль море. Откуда-то издали доносился городской шум, но разум молодой женщины отвергал все, кроме только что пережитого страшного потрясения. После всего того, что было пять лет назад, она вновь встретилась с Эрнаном.

Элизабет Харди не произносила перед ним пышных восторженных речей, она не смогла оттолкнуть его, даже не смогла холодно проигнорировать. В сущности, не сделала ничего из того, что навоображала себе на случай, если немыслимое все же произойдет и они встретятся. Она откровенно запаниковала, обменялась с ним несколькими бессодержательными, глупыми фразами, стерпела его осуждающие взгляды и оскорбительные намеки, даже не попытавшись достойно ответить.

Неужели так лучше? Бет не ощущала этого. Напротив, она чувствовала себя одуроченной, обманутой в своих ожиданиях. Ее лишили даже шанса излить злость и боль за унижение, что копилась в ней почти пять лет.

Душистая жимолость вилась по решетке на стене рядом с балконом, запах распустившихся розовато-белых цветов будил ее память. Жимолость росла вокруг окон спальни и на вилле Сан-Рокес.

Бет зло вздохнула. Долгое время она не позволяла себе думать об этом месте, и вот сегодня

видения прошлого возвращаются уже в третий раз. Она заставила себя оторваться от мучительных воспоминаний и зажмурилась, пытаясь не видеть картины, которые угодливо рисовала память, – и все-таки не смогла избавиться от них полностью.

Так долго подавлявшиеся образы просачивались сквозь воздвигнутые ею защитные стены – как будто чьи-то дразнящие пальцы распутывали клубок. Сан-Рокес... похожая на маленький замок вилла Эрнана... Место, где они впервые встретились.

Сейчас это казалось сном. Когда Синди, ее мать, предложила ей поехать с Роем в Испанию, она не хотела, но заставила себя. А потом, разумеется, хотела, но запрещала себе и думать об этом.

Бет вздохнула. Если бы платили по доллару каждый раз, когда она произносила слова сожаления, она давно была бы миллионершей. Та поездка, строго говоря, не была каникулярной, а всего лишь деловой – для переговоров между ее отчимом и Дуаресом. Да и переговоры о создании совместного предприятия по строительству ряда отелей для курортников на средиземноморском побережье Испании были почти закончены. Рой должен был провести в этой стране пару недель, осматривая места и уточняя некоторые пункты контракта, перед тем как поставить на нем свою подпись.

За два дня от отлета Роя в Испанию его секретарша заболела, и он остался без помощника. Когда мать предложила Бет заменить секретаршу, дочь запротестовала. Отношения с отчимом у нее не клеились, и перспектива провести в его компании две недели вовсе не казалась ей привлекательной. Да и особых способностей к секретарской работе она у себя тоже не обнаруживала, хотя и прошла курс стенографии и машинописи в школе. Но печатала она страшно медленно, а стенографировала не намного лучше. Бет даже не понимала, чем сможет помочь Рою, если поедет. В качестве «персонального ассистента она была скорее обузой, чем помощью.

– Не мог бы он найти временную замену? – с надеждой спросила она.

– Ты же знаешь, он не любит работать с посторонними людьми, – возразила мать. – Да и как он сможет ввести совершенно нового человека в курс дела за такое короткое время?

– Но ведь и я незнакома с делами, – заметила Бет. – Так что наверняка будет лучше взять кого-нибудь, кто, по крайней мере, является профессиональным секретарем.

Синди фыркнула. Ей было явно неудобно.

– Дорогая, я не хотела говорить тебе об этом, но дела Роя в последнее время идут не слишком хорошо. И поэтому он так хочет сотрудничать с этим Дуаресом. А нанимать временного секретаря для зарубежной поездки – довольно дорогое удовольствие, и едва ли он может себе сейчас это позволить.

Эта новость потрясла Бет. Она не знала, что у отчима какие-то финансовые проблемы.

– Именно Рой подумал о тебе, – продолжила Синди. Ее руки ни мгновение не оставались неподвижными, порхая с места на место. – Он особо просил меня поговорить с тобой.

Почему-то это сделало нежелание Бет ехать еще более сильным. Она и Рой были в довольно натянутых отношениях. Почему он предлагает это ей? В ее ушах зазвенели предупредительные колокольчики.

– Но, может быть, кто-нибудь из его служащих...

Мать промокнула платком глаза.

- Знаешь, Бет, я думала, что могу немного больше рассчитывать на твою поддержку.

Неужели мы хотим от тебя слишком много? И ты не занята ничем другим. Экзамены ты уже сдала и говорила, что надеешься найти себе работу на лето.

- Но я договорилась...

Бет умолкла, увидев, как слезы собираются в глазах матери.

- После всего, что Рой сделал для нас, как ты можешь быть такой неблагодарной и отказываться оказать ему эту маленькую услугу? - Синди всхлипнула. - Бог знает, быть может, сейчас мы были бы без денег и, возможно, без жилья, если бы не Рой.

Бет знала, что это преувеличение. Может, они и не были бы богачами, но ее отец оставил им достаточные средства. Достаточные по меркам большинства людей. Они не предусматривали ежегодные поездки Синди на курорты и покупку платьев у модельеров в начале каждого сезона.

Бет пожалела тогда об этой безжалостной мысли и преисполнилась раскаяния из-за того, что не смогла стать более сговорчивой. Ее мать была симпатичной женщиной и заслуживала того, чтобы выглядеть хорошо, особенно после всего, через что ей пришлось пройти за последние несколько лет.

Бет было пятнадцать, когда отец ушел от них. Синди плакала на плече дочери и снова и снова спрашивала ее, почему это случилось. Почему муж ушел к другой женщине, даже не моложе и не красивее ее? Случись так, Синди смогла бы понять. Но его уход к женщине ее возраста и совсем не красавице был выше ее понимания. И понимания Бет тоже. Мать была такой красивой, как... как яркая экзотическая бабочка. Какие же причины могли побудить отца оставить ее?

Прошли годы, прежде чем Бет поняла, какой была созданная этой бабочкой тепличная атмосфера в доме.

Когда через шесть месяцев после развода мать вышла замуж за Роя, Бет всеми силами старалась скрыть уныние. Отчим был наглым, самоуверенным, склонным блефовать - короче говоря, полная противоположность ее отцу, открытому и интеллигентному мужчине. Девушка даже представить себе не могла, чем Рой привлек ее мать. Он никогда не нравился Бет, но она пыталась смириться с ним - ради матери. После всех выпавших на долю Синди испытаний дочь чувствовала, что обязана сделать для нее хотя бы это.

Точно так же Бет чувствовала, что ради матери должна поехать с Роем в Испанию. Если это действительно означало для Синди так много, как она могла отказать ей?

В качестве спутницы отчима, Бет была приглашена Дуаресом остановиться в его родовом гнезде, на вилле Сан-Рокес в пригороде Малаги. И даже сейчас, несмотря на все болезненные ассоциации, Бет считала виллу одним из самых красивых домов, которые ей довелось видеть.

Они приехали туда ранним вечером. Лучи заходящего солнца заливали стены густой охрой. Десятки окон зажглись золотыми отблесками, словно приветствуя гостей. Множество башенок, шпилей, балконов этой маленькой цитадели медленно утопали в розовых сумерках, напоминая замок прекрасного принца из волшебной сказки.

Впрочем, принц не вышел их встретить. Возникшие в последнюю минуту неувязки на одной из строительных площадок задержали хозяина. Экономка передала его извинения и заверила, что к ужину, в восемь, он придет. Его отсутствие не трогало Бет. Она и не стремилась познакомиться с ним. Он был деловым партнером Роя – и все. Если она и думала о нем, то представляла себе человека, похожего на отчима: слегка располневшего бизнесмена средних лет, в очках и с животиком. Разве могла она вообразить, какого мужчину увидит?!

Жимолость оказалась мощным средством для пробуждения памяти, аромат будоражил, оживляя воспоминания Бет. Он переносил ее в прошлое, к тому моменту, когда в свой первый вечер в Испании она стояла у окна спальни, вдыхая запах цветов и слушая трели провожавших день птиц.

Она уже переделалась к ужину – в изысканное черное платье, купленное ей матерью. Одежда подчеркивала стройную девичью фигуру, делая ее почти совершенной. Платье акцентировало линии груди и бедер, было достаточно коротким и не скрывало красивых длинных ног, обтянутых черными чулками.

Маленький жемчужный кулон, ее единственное украшение, пристроился в ложбинке между грудями.

Она взглянула на часы, увидела, что уже почти восемь, вышла из комнаты в коридор и постучалась в дверь к Рою.

- Да, пожалуйста, – отозвался отчим.

Бет заглянула в комнату и увидела, что тот с еще влажными волосами и в рубашке пристегивает подтяжки.

- Уже почти восемь, – напомнила она.

Оценивающий взгляд Роя скользнул по ее стройной фигуре. Он пожал плечами:

- Я спущусь через несколько минут. Если ты уже готова, почему бы тебе не пойти вниз и не составить мистеру Дуаресу компанию?

- Я лучше подожду вас, – возразила Бет, разволновавшаяся из-за перспективы разговора с незнакомым человеком.

- Ерунда! – настаивал Рой. – Это будет просто невежливо, если никто из нас не спустится вовремя. – Отчим подмигнул – именно так, как Бет не любила. – Знаешь, он тебя не укусит.

В конце концов девушка с неохотой спустилась по широкой витой лестнице, гадая, в какую из множества выходящих в холл дубовых дверей ей следует войти. Пробы ради она открыла одну из них.

Множество портретов украшало стены огромной комнаты. Бет с благоговением озиралась, пытаясь понять, сколько же здесь картин. Она настолько засмотрелась, что сначала не заметила стоявшего у громадного камина мужчину. Увидев его, она вздрогнула.

- Кто вы? – резко спросила она. Темная бровь поднялась в недоумении.

- Я – Эрнан Дуарес. А вы?

Не может быть! Глаза Бет метались по лицу и фигуре незнакомца, отказываясь верить тому, что видели. Где брюшко, багровые жилки на лице, где дряблость мускулов? Где бизнесмен средних лет, которого она ожидала увидеть? Какая фея подменила этим прекрасным принцем оплывшего жирком коммерсанта?

Мужчина был высоким – более шести футов, и ни единой унции лишнего веса не портило его стройное тело, которое великолепно подчеркивал черный вечерний костюм. И выглядел он не более чем на тридцать лет... Определенно, этот человек не из поколения Роя.

Его цветом, без сомнения, был черный. Она ожидала этого, но никак не была готова увидеть гриву волос цвета воронова крыла, густых и вьющихся, как у цыгана, и глаза, непроницаемые, как ночь.

Несмотря на лето, в камине горел огонь. Пляшущие языки пламени отбрасывали отсветы на лицо мужчины, такое же красивое и привлекательное, как и все остальное в нем.

- Вы Эрнан Дуарес? – Потрясение от этого открытия начисто лишило Бет самообладания. Все, что она могла сейчас сделать, – это с выражением недоумения на лице переспросить хозяина.

- Вы ожидали увидеть здесь кого-нибудь другого? – В голосе испанца едва заметно проскальзывали нотки веселья.

- Д-да... Нет! – поправилась Бет, подумав, что она-то ожидала увидеть кого-то совершенно другого, хотя и не в том смысле, который он вложил в свой вопрос.

- А вы, насколько я понимаю, приемная дочь Роя? – Вопрос был задан по-английски каким-то шелковым, почти медоточивым тоном.

- Да... Я Элизабет Харди... но все зовут меня Бет... и вы тоже можете меня так звать, если хотите, – предложила она, все еще обескураженная столь неожиданным знакомством.

- Бет? Гм... Мне нравится это имя. Оно подходит вам, – задумчиво и мягко произнес он.

Бет всегда считала свое имя довольно-таки простецким, но сейчас, произнесенное испанцем с весьма заметным оксфордским акцентом, оно казалось самым романтическим именем на свете.

Она заставила слушаться ставшие ватными ноги, подходя к камину. Горевший в нем огонь заливал комнату потоками тепла, но Бет могла бы поклясться, что было что-то неестественное в том обжигающем жаре, который пронизал ее, когда она подошла поближе к Эрнану.

Девушка почувствовала, как взгляд его темных глаз скользнул по ней, – ласковый и соблазнительно теплый, как луч солнца. Этот луч на секунду деликатно остановился на ее высокой груди и затем заскользил вниз, к плавной линии бедер и еще ниже – к длинным ногам, обтянутым шелком.

Помимо воли пальцы Бет нервно скользнули к жемчужному кулону. Странная летаргия сковала ее, заставив легкие замедлить работу почти до удушья. Вдох остановился в горле, а тело повиновалось настолько неохотно, что казалось чужим.

- Вы вовсе не такой, как я думала, – честно призналась Бет.

- Да и вы тоже, – сухо произнес Эрнан, хотя и не стал объяснять почему.

- Я думала, вы старше, - простодушно сказала Бет.

Она с робостью поймала его взгляд. В глубинах глаз испанца плясали огоньки, и на какое-то мгновение Бет поверила в собственное безумное предположение: в этих глазах отражаются сполохи бушующего в ней пожара.

Эрнан пошевелился, и огоньки исчезли, уступив место бархатной черноте. Утонуть в ней, панически осознала Бет, может оказаться очень нехитрым делом.

- Могу ли я предложить вам что-нибудь выпить? - спросил Эрнан.

- Благодарю.- Бет была потрясена хрипотой, неожиданно появившейся в ее голосе. Она чувствовала, что нужно что-нибудь плеснуть в горло, чтобы вывести мышцы из странного состояния пассивности, заставить их наконец работать. - Я бы предпочла белое вино.

Хозяин подошел к стоявшему к углу комнаты небольшому столику с напитками и наполнил бокал вином. Затем налил себе.

- Попробуйте. - Он протянул ей бокал.

Бет взяла его, старательно избегая прикосновения к сильным загорелым пальцам мужчины. Она сделала маленький глоток.

- Что это за сорт?

- Вернассио светлое. - Прочитав на лице гостьи удивление, вызванное незнакомым и странно звучащим названием, Эрнан добавил: - Это одно из местных андалусских вин. Мы производим не так уж много сортов белого вина, но этот один из самых редких. А конкретно - оно с моих виноградников.

- Мне нравится, - сказала Бет. И это было правдой, вино и впрямь нравилось ей. Но она знала, что сказала бы то же самое, даже если бы вино по вкусу походило на уксус.- А это все портреты членов вашей семьи? - спросила Бет, показывая на ряды картин.

- Несколько поколений. Хотите, я представлю вам своих предков? - предложил Эрнан, подводя гостью к первому портрету. - Вот этот был большим любителем приключений.

Бет поразило сходство между Дуаресом и изображенным на портрете молодым человеком. Без сомнения, он был красив, обольстителен и пользовался успехом у женщин.

- И что же он сделал? - спросила девушка, подумав, что на самом деле ей гораздо интереснее узнать, сколько женских сердец он разбил.

- Этот сеньор был бунтарем. Он отказался участвовать в семейном бизнесе и уехал в Америку. - Голос Эрнана звучал так, словно он втайне одобрял поступок предка.

- И он преуспел?

- В зависимости от того, что считать преуспеванием. Миллионером он не стал. Зато стал ловким игроком и хорошо жил с карточных доходов. Я думаю, он был вполне счастлив.

- Это звучит увлекательно.

- Видимо, игра влекла его гораздо больше, чем управление виноградниками, которое в те

времена было главным делом семьи.

- Он выглядит в точности, как вы... или, скорее, вы выглядите в точности, как он.

- Я не уверен, что это комплимент. - Эрнан засмеялся и перешел к следующему портрету. - Это моя прабабушка. Она была англичанкой. Приехала в Испанию изучать живопись, встретила моего прадеда в кафедральном соборе - и все было решено в мгновение ока. Любовь с первого взгляда.

- Как романтично!

- Да, пожалуй, - согласился Эрнан.

- Были ли они счастливы? - Бет подумала, что ответа «нет» она просто не перенесет.

- Я уверен. Они произвели на свет пятерых детей, так что счастья им хватало. Мой дед был их старшим сыном.

- Как это, должно быть, замечательно - чувствовать себя частью истории... частью такой огромной семьи, - сказала Бет, обводя рукой портреты и не замечая тоскливой зависти в собственном голосе.

- Лучше вы расскажите о своей семье. Grimasa боли на мгновение исказила ее лицо.

- Боюсь, что в моей жизни нет ничего похожего на вашу. У меня нет деда с бабкой, нет тетушек и дядюшек, нет даже братьев и сестер. В сущности, моя семья - это моя мать и... и, разумеется, Рой. М-мой отец два года назад погиб в... в автокатастрофе.

Внезапно Эрнан поднял руку и провел пальцем по дрожащим девичьим губам.

- Простите меня, - прошептал он мягко, поняв, какую боль до сих пор вызывает у нее мысль о смерти отца. - Должно быть, вам его очень не хватает.

Бет чувствовала себя пойманной в силки, была растеряна от охватившей ее дрожи и могла только пристально смотреть на Эрнана широко раскрытыми глазами. Никто, ни один мужчина, никогда не оказывал на нее такого магического воздействия. Она поблагодарила собеседника за сочувствие беззвучным кивком, пораженная собственной реакцией на мужское прикосновение, лишившее ее дара речи.

Девушка нервно отошла от Эрнана, поднесла бокал к губам и сделала большой глоток, в смятении пытаясь сдержать бушующий в ней огненный поток.

- И где будет висеть ваш портрет? - спросила она, возвращаясь к первоначальной теме беседы и стараясь говорить спокойно. Посмотреть на испанца она не осмелилась.

Тот показал на дальний конец стены:

- Здесь.

- О, здесь очень много свободного места.

- Я планирую иметь много детей, вот и заполню его.

- А ваша будущая жена знает об этом? - спросила Бет, понимая, что сознательно вытягивает из

Эрнана информацию, и все же не в силах остановить себя. Внезапно самой важной вещью на свете для нее стал вопрос: есть ли у этого человека невеста?

Эрнан взглянул на гостью с улыбкой:

- Поскольку я еще не встретил ее, сомневаюсь, что знает. А если знает, то, должно быть, ясновидящая.

Сердце Бет подпрыгнуло, жар прихлынул к ее щекам. Она не успела произнести и слова, как услышала:

- Впрочем, я полагаю, что мне не стоит более тянуть с этим делом, если я собираюсь побить рекорд моего деда.

В мерцающем свете камина лицо Эрнана казалось каким-то таинственным. В глазах его, словно в черных зеркалах, отражались языки пламени, жесткий рот слегка приоткрылся в улыбке, обнажая ровные белые зубы. В этот момент Бет поняла, что пропала. За несколько минут она влюбилась - глубоко, безумно • влюбилась в Эрнана Дуареса.

Вырванная из задумчивости стуком в дверь, Бет резко повернулась. Луна скрылась в облаках, и небо стало непроглядным, зловеще-черным.

- Кто там?- спросила молодая женщина, хотя и так прекрасно знала кто.

Конечно, это был Эрнан, но намерения говорить с ним у нее не было.

- Уходи, уже поздно...

Она еще не закончила фразу, как дверь открылась. Бет забыла запереть ее.

- Я сказала - уходи! - зло повторила она. Будто не слыша обращенных к нему слов, Эрнан вошел в комнату и закрыл за собой дверь.

От света настольной лампы высокая фигура испанца отбрасывала на стену неестественно большую тень. В его присутствии просторная и полная красивых безделушек комната стала казаться маленькой, тесной. Сердце Бет отчаянно забилося, словно у почувствовавшей опасность газели. Держась ближе к стене, чтобы избежать соприкосновения с Эрнаном, женщина направилась к двери, однако все-таки задела нежданного визитера. Этого легкого касания оказалось достаточно, чтобы ощутить нечто похожее на удар электрическим током. Кровь прихлынула к ее лицу.

О Боже! Она не должна испытывать сексуального влечения к нему. Не смеет- после всего, что произошло. Но как предательски непослушно тело.

- Прошу тебя... уходи.- Бет широко распахнула дверь.

Рот испанца искривился в улыбке, в которой не было и тени каких-либо эмоций.

- Успокойся. Уверю тебя, я ни на что не претендую. Просто хочу поговорить с тобой... И я принес тебе вот это. - Он достал маленькую склянку с таблетками из кармана пиджака.

Бет мучительно вздохнула. Он, видите ли, ни на что не претендует! Да как бы он посмел после всего случившегося! Не желая показывать, как она уязвлена, женщина опустила глаза и

посмотрела на склянку в его руках.

- Что это?

- Болеутоляющее. У тебя ведь мигрень, разве нет?

- Кто тебе это сказал?

- Мигель Родригес спросил у управляющей, нет ли у нее каких-нибудь таблеток для тебя. Он очень озабочен. - Приторная усмешка на губах Эрнана лучше любых слов говорила, что он не разделяет беспокойства Мигеля.

- Это очень любезно с его стороны, - дрогнувшим голосом произнесла Бет. - Но при чем здесь ты? Разве тебе не все равно, болит у меня голова или нет? Зачем ты принес таблетки?

- Я предложил отнести их тебе.

- С какой стати?

- Я хотел поговорить с тобой, - холодно ответил Эрнан и перевел взгляд на так и оставшуюся открытой дверь в коридор. - Ты собираешься предоставить возможность послушать наш разговор всем желающим?

Бет постаралась придать голосу твердость:

- Никакого разговора не будет. Я сказала тебе - у меня болит голова. Я хочу остаться одна.

- Как монашка-затворница? - сардонически ухмыльнулся Эрнан. - Ты можешь придумать что-нибудь получше. Я не намерен уходить из этой комнаты, пока не услышу ответа на несколько вопросов. Уж по крайней мере это ты должна для меня сделать.

Должна? Как он посмел? Она не должна ему ничего, абсолютно ничего! Бет вызывающе выпятила подбородок.

- Не разделяю твоего мнения по поводу этого воображаемого долга. Я ничего тебе не должна. Кроме того, мы уже поговорили. Нам больше нечего сказать друг другу.

- Ты прекрасно понимаешь, что наша короткая трогательная беседа внизу не была настоящим разговором, - возразил Эрнан.

- Для тебя, может, и трогательная, но для меня беседа была чертовски неприятной, - ответила Бет. Злость волнами захлестывала ее. - Как ты посмел так унижить меня перед Мигелем?

Глаза Эрнана сузились в две черные щелки.

- Поверь мне, если бы я пытался унижить тебя, мне бы это удалось. Можешь считать, что тебе посчастливилось: я решил не делать этого.

- Посчастливилось? Быть мишенью для твоих, грубостей?

- От сдержанности до грубости один шаг. Бет замолчала, пораженная явной угрозой, прозвучавшей в словах Эрнана. Она облизнула внезапно пересохшие губы:

- Но о чем еще мы можем говорить? - Ее пульс участился до такой степени, что она уже не

различала отдельных ударов, и все-таки старалась говорить спокойно: – Как ты любезно напомнил мне, прошло пять лет с тех пор, как мы виделись в последний раз. И твоя, и моя жизнь изменилась. Мы оба изменились.

– Да неужели?

– Разумеется, изменились, – быстро произнесла Бет, как будто считала, что от этого слова будут убедительнее. Она стыдилась сама себя. Стыдилась, потому что совсем не находила в себе гордости, чувствовала, что ее можно уязвить легко и безответно.

Эрнан скрестил руки на груди и медленно смерил Бет с головы до ног насмешливым взглядом.

– Ну так расскажи мне, как ты изменилась. Интересно будет тебя послушать. Ты по-прежнему очень красива, но это я и так вижу. Внешние эффекты тебе удаются просто блестяще.

Не находя ответа, Бет мучительно тяжело хватала пересохшим ртом воздух. Она была оскорблена комплиментом, который прозвучал с обидным подтекстом.

– Это просто смешно, – наконец пробормотала она. – Я не намерена выслушивать твою болтовню и разговаривать о своей нынешней жизни. Она тебя не касается.

Иссиня-черная бровь испанца приподнялась:

– Это едва ли дружелюбно, – с укором произнес он.

Бет взялась за дверную ручку и так сжала пальцы, что костяшки побелели.

– Тебе не хватает дружелюбия? Но разве мы можем претендовать на то, чтобы считаться друзьями?

Эрнан пожал плечами, словно уступая, и с ехидцей ответил:

– Нет. Мы были больше чем друзья, ты права. Возможно, ты предпочитаешь, чтобы я использовал слово «любовники»?

Щеки женщины сделались алыми.

– Не смей говорить так!

– Почему? Разве мы ими не были?

Бет покрылась испариной. Еще секунда, и волна ненависти вырвется наружу. Глаза ее в страхе метались: не дай Бог кто-нибудь услышит слова Эрнана. Она инстинктивно толкнула дверь – язычок замка щелкнул. Оставалось только надеяться, что теперь ничего не просочится сквозь дубовую дверь.

– Нет! – стиснув зубы, прохрипела Бет. Она прислонилась спиной к двери, чувствуя, что ей необходимо обо что-нибудь опереться – иначе просто упадет.

К ее смятению, Эрнан шагнул к ней. Он остановился так близко, что была видна чуть отросшая щетина на его щеках.

– Ты можешь отрицать все, что хочешь. Тем не менее это правда. Мы были любовниками! – с ухмылкой заявил он.

Все сжалось внутри у Бет. Конечно же, данное Эрнаном обидное определение вполне точное: они были любовниками. Мучительные воспоминания вновь захлестнули женщину.

- Были. Когда-то давно, - преодолевая боль, согласилась она. - Теперь все кончено.

Рот Эрнана искривился в глумливой улыбке:

- Может, и давно. Но для тебя это было впервые, *quirida*. Не говоря уже обо всем остальном, стоит помнить хотя бы по этой причине, ведь верно?

Даже нежное испанское слово «дорогая» прозвучало с жестоким ледяным цинизмом. Бет и представить себе не могла, что этот лохотный испанец способен на такое бессердечие. Перед ней был совсем не тот человек, которого она полюбила пять лет назад. Что сделало его таким язвительным, желчным? Она уставилась на Эрнана полными боли глазами, не понимая, что с ним случилось.

- И даже это не заставит меня вспоминать о прошлом, - бесцветным голосом сказала она. - Единственное, чего я хочу, - вообще забыть, что мы когда-то встречались.

- Но ведь не можешь, а?

Их взгляды встретились. Бет поняла, что бессильна отвести глаза в сторону, и покачала головой.

- Нет, - срывающимся голосом призналась она. - Я не могу.

Выражение мрачного удовлетворения скользнуло по лицу испанца. Сердце Бет пропустило несколько ударов: рот Эрнана внезапно оказался в опасной близости от ее рта. Она знала, что должна отстраниться, но... но не могла и только смотрела на него загнипнотизированная четкими очертаниями его губ, все ближе приближающихся к ее губам.

Поцелуй Эрнана, словно взрыв, снес плотину, сдерживавшую чувства, освободил от оков тело, не знавшее пять лет прикосновения мужчины. Последние остатки разума покинули Бет. Губы, которые она попыталась было сжать, потянулись навстречу поцелую, как у погибающего от жажды странника в пустыне они тянутся к холодному, чистому роднику. Содрогаясь, женщина утоляла желание.

Силы почти оставили ее, ноги, казалось, вот-вот подогнутся, когда в коридоре послышались шаги. Поцелуй прервался столь же внезапно, как начался. Шаги смолкли в отдалении, и только прерывистое дыхание мужчины и женщины нарушало звенящую тишину комнаты. Они смотрели друг на друга.

Бет была потрясена, почти уничтожена. Что чувствовал Эрнан, она не могла сказать. Если и он был потрясен, то сумел сразу же спрятать это под маской безразличия. Отступив на шаг, он поднял ничего не выражающие глаза.

- А теперь давай не будем притворяться, будто нам не о чем поговорить. Внизу мы занимались пустой болтовней, - жестко сказал Эрнан и, подняв руку, пригладил непокорные черные волосы, словно уничтожая последние следы всплеска страсти.

Что-то блеснуло на пальце испанца, и все поплыло перед глазами Бет. Она увидела обручальное кольцо.

Бет приходилось выталкивать из себя слова, застревавшие в горле.

- И что же ты хочешь обсудить? Может, твой брак... или поговорить о жене?

- О чьей?

- Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю. Я полагаю, что у тебя на пальце обручальное кольцо.

Он бросил короткий взгляд на свою руку, а затем засунул ее в карман брюк, пряча обвиняющее его вещественное доказательство. Однако в голосе Эрнана не было ни стыда, ни раскаяния - лишь горечь и злость:

- Ты правильно полагаешь. Это обручальное кольцо. Но я не имею ни малейшего желания обсуждать с тобой мой брак.

Раскаленная игла вонзилась в сердце Бет. И так, этот человек женат. Конечно, она знала, что подобное возможно, даже вероятно. Но это знание, как оказалось, вовсе не подготовило ее к раздирающей боли от ставшего реальностью предположения. Женская гордость требовала скрыть от Эрнана истинные чувства. Бет вздернула подбородок.

- Что ты там хочешь обсудить, не имеет никакого значения. Насколько я понимаю, тебе не следовало приходить сюда и уж тем более - прикоснуться ко мне. Я хочу, чтобы ты ушел.

Эрнан сложил руки на груди.

- Как это прекрасно - узнать, что у тебя есть какие-то остатки морали. Жаль, что пять лет назад на это и намека не было.

- Пять лет назад ты не был женат.

- Моя женитьба никого, кроме меня, не касается. И не пытайся делать вид, что это не так.

Бет вздрогнула. Несмотря на тепло испанского лета, пальцы ее были ледяными. Наверное, брак Эрнана и впрямь не ее дело. Только это никак не уменьшает боль от того, что он женат, и чувство вины от того, что она только что целовалась с женатым мужчиной.

- Ты что же, - зло заговорила она, - думаешь, что можешь вот так запросто прийти сюда и пуститься в воспоминания о далеком прошлом... целовать меня?.. И после этого утверждать, что твой брак никого не касается?

- Я могу делать все, что мне заблагорассудится, - холодно заявил Эрнан. - Не забывай - это моя гостиница.

- Да уж, как я могу об этом забыть! И как часто ты являешься без приглашения в номера постоялиц и делаешь их жертвами твоего настырного внимания?

- Ни с кем из них я не был в интимных отношениях, как с тобой.

- Ну, хватит! - почти закричала Бет. - Я не знаю, в какие игры ты тут играешь и почему продолжаешь напоминать о том, что случилось пять лет назад...

- Я уже говорил тебе. Полагаю, что ты должна кое-что объяснить, - резко прервал ее Эрнан.

Вспышка гнева ослепила Бет.

- Объяснить? Какого рода объяснения ты хотел бы услышать? Что я могу сказать? Что была молодой, наивной, неопытной дурочкой? Но это никак не повлияло на твое обхождение со мной.

Глаза Эрнана сузились.

- Обхождение с тобой?- повторил он, словно не веря своим ушам. - Боже мой! А чего еще ты ожидала? Наверняка моя реакция не была для тебя неожиданной!

Решимость Бет дать отпор мгновенно увязла в новом унижении, словно в зыбучем песке. Слова Эрнана прозвучали прямым обвинением, на которое было трудно возразить.

Конечно же, в тот день она чувствовала себя оглушенной, сбитой с толку - это, пожалуй, точное определение ее тогдашнего состояния. Ну а каково женщине, когда человек, которого она любит, первый и единственный любовник, считает ее полной бестолочью во всем, что касается постели, и ждет не дождется, чтобы она избавила его от своего присутствия?

Бет покачала головой и произнесла безжизненным голосом:

- Я знаю. Ты был разочарован во мне.

- Разочарован! - проскрежетал зубами Эрнан. - И ты думаешь, это единственное, что я тогда чувствовал?

Бет зажмурилась изо всех сил, пытаясь сдержать слезы. Ну как он может быть таким жестоким?

- Н-наверное, «разоч-чарован» - не совсем подходящее слово, - запинаясь, проговорила она.

- Дьявольски правильно. Оно просто никуда не годится.

Волна холода обдала ее с головы до ног. Каждой клеточкой Бет чувствовала, что еще чуть-чуть, и ее начнет трясти. Она отвернулась от Эрнана, пытаясь сохранить контроль над собой.

- Я уже сказала тебе. Это все было и прошло. Какой смысл все время ковыряться в старых ранах? - Она вздохнула и заставила себя солгать: - Я даже и не думаю об этом больше.

Он скептически хмыкнул.

- Счастливица. Теперь ты, наверное, с легкостью ложишься с мужчиной в кровать. - Увидев, как Бет покраснела, он добавил: - О, неужели я задел тебя за живое? Вероятно, это не слишком удачное выражение.

Бет сжала кулаки, едва удерживаясь, чтобы не залепить ему пощечину.

- Я не стала бы называть его не слишком удачным, а назвала бы отвратительным, - звенящим голосом произнесла она.

Эрнан уставился на собеседницу. Глаза его были черны как уголь, тяжелый взгляд обжигал.

- Отвратительным? - тяжело задышал он. - После всего, что ты сделала, еще смеешь говорить мне это?

Бет молча смотрела на Эрнана. Ее разум бился над разгадкой смысла последней фразы. Что он

имеет в виду? Говорит так, словно она причинила ему какое-то зло. Но это же безумие!

Стук в дверь заставил Бет вздрогнуть. Кого еще, черт возьми, принесло? Она не была уверена – то ли ей следует быть благодарной за новое вторжение, то ли стыдиться того, что Эрнан будет обнаружен в ее спальне. Она открыла дверь. В коридоре стояла сеньора Карреньо, управляющая гостиницей.

- Простите, мисс Харди. Я лишь хотела убедиться, что с вами все в порядке. Сеньор Дуарес понес вам таблетки, и, поскольку он не вернулся, я забеспокоилась – быть может, вам хуже?

Бет раскрыла дверь шире, так, чтобы Эрнан был виден.

- Я... Спасибо вам. Вы так заботливы. Сеньор Дуарес еще здесь.

Глаза управляющей слегка сощурились. В ее поведении было что-то неестественное.

- Эрнан! Я вижу, ты заботишься о наших гостях.

Да, заботится, подумала гостя. Так заботится, что чуть не довел меня до инфаркта. А вслух, как бы оправдываясь, заявила:

- Сеньор Дуарес как раз уходил.

- Не хотите ли, чтобы я вызвала врача? – заботливо спросила испанка.

Бет покачала головой.

- Нет... Это всего лишь головная боль. К утру она пройдет.

Сеньора Карреньо посмотрела на хозяина.

- Что ж... Если вы уверены, что мы ничего больше не можем сделать для вас...- Она отступила на шаг и остановилась, всем своим видом показывая, что ждет, когда Дуарес последует за ней.

- Да, мне уже лучше, – твердо сказала Бет. – Зачем вы ушли с приема? Из-за меня вы теряете такое удовольствие.- Она открыла дверь шире, давая понять Эрнану, что ему пора последовать за управляющей.- До свидания, – твердо сказала Бет.

- Доброй ночи, – вяло отозвался Эрнан.

3

«Взбейте масло, сахар и желтки. Бананы очистите и раздавите вилкой. Подлейте лимонный сок или сок ананаса... Панировочные сухари и тертый шоколад добавить в общую массу...»

Американка изо всех сил старалась сосредоточиться на рассказе шеф-повара о том, как готовить банановый пудинг. Рецепт звучал изысканно и аппетитно, но сегодня утром Бет явно была неспособна думать о кулинарии. Она уставилась в свои заметки, надеясь, что все же успела записать достаточно, чтобы сочинить удобоваримое сообщение о первом дне занятий.

А если не успевает записывать, – что ж, это только ее вина. Все еще полностью погруженная в события вчерашнего вечера, Бет обнаружила, что даже простая запись рецептов под диктовку требует от нее нечеловеческих усилий.

С оживленного уличного рынка в помещение проникал мягкий и слитный шум множества голосов, смешиваясь с изысканными ароматами фруктов и овощей, сыра разных сортов, салами и копченой свинины. Будоражащие запахи оживляли в памяти Бет картины, которые она предпочла бы забыть. Воспоминания о ее последней поездке в Малагу и идиллических днях, которые она тогда провела здесь, не давали покоя.

Идиллия! Это не была идиллия, это был самый настоящий рай для дурочек. И этой дурочкой была она. Девушка действительно верила, что Эрнан любит ее столь же сильно, как она его. Какая же это была ошибка! Если бы он любил ее хоть немного, то никогда бы не поступил с ней грубо и жестоко. Бет вздрогнула, вспомнив, как отчим передал ей слова Эрнана, потребовавшего, чтобы она покинула его дом немедленно. Тошнотворное чувство беспомощности накатывало на нее каждый раз, когда она пыталась позвонить Дуаресу из Нью-Йорка и всегда слышала холодный и вежливый ответ: «Он не хочет говорить с вами».

И вот прошлой ночью выясняется: она должна еще что-то объяснить ему! Словно не он отверг ее. Это было совершенно бессмысленно. Особенно сейчас, когда он женился. Карандаш задрожал в руке. Почему случившееся пять лет назад до сих пор занимает его?

К половине первого участники кулинарного семинара отправились на автобусе в подземную галерею андалусских вин, а Бет осталась в гостинице. Она собиралась пообедать, а потом подняться в свой номер и уж там, полностью изгнав Эрнана из своих мыслей, всецело сосредоточиться на материале об утренних занятиях. Но едва она успела усесться за столик и заказать салат и рыбу в креольском соусе, как заметила Дуареса. Он сидел за столиком в углу и казался полностью погруженным в разговор с сеньорой Карреньо. Та улыбалась, слушая хозяина.

Один лишь взгляд на Эрнана полностью выбил Бет из колеи. Она была уже готова встать и забыть об обеде, но тут появился молодой официант с заказом. Растерянно озираясь, женщина увидела сквозь большое французское окно нескольких посетителей ресторана, которые предпочли устроиться не в зале, а на террасе. Если она пересядет туда, то не будет выглядеть странно, а вероятность того, что Эрнан заметит ее, станет гораздо меньше.

- Я думаю, что в такой прекрасный день лучше обедать на воздухе, - с напускной легкостью сказала Бет официанту.

На террасе она быстро нашла небольшой свободный столик и села; не спеша разложив свои заметки вокруг тарелки, уставилась в них, заставляя себя сосредоточиться на работе. Однако ничего не вышло: записи сливались в неразличимую мешанину закорючек, и трудно было разобрать слова.

Последние пять лет отступили куда-то в сторону, как будто их и не было. Память упорно возвращала Бет к той самой первой поездке в Малагу. Насколько же иным был тогда Эрнан...

На второй или третий день пребывания в Испании у отчима что-то случилось с желудком. Он предположил, что это та же болезнь, которая незадолго до отъезда уложила в постель его секретаршу. Рою тоже пришлось лежать. Отчим предложил Бет вместе с Дуаресом осмотреть намеченные под строительство участки и составить о них первое впечатление. А через день-другой, когда ему, станет лучше, он сделает уже окончательный осмотр.

Почти не имея представления о том, чего от нее ждут, Бет полностью зависела от Дуареса. Они проводили вместе много времени, и пробудившееся физическое влечение стало катализатором их отношений. Работа вскоре стала неотделимой от различных маленьких

удовольствий. Уже в первый день утренний осмотр строительной площадки продолжился осмотром старинного замка-маяка «Хибральфаро» и увенчался обедом. Так появился своего рода эталон времяпровождения.

Сначала Бет опасалась, что Рой будет против того, что она проводит с Дуаресом слишком много времени и из-за этого не успевает должным образом заниматься делами. В конце концов, если этот контракт был так важен для него, как говорила мать, он был обязан побеспокоиться о том, чтобы обеспечить его подписание. Но отчим воспринимал ее сообщения о том, что испанец приглашает ее куда-нибудь, с нескрываемым удовольствием. Он широко улыбался и советовал ей постараться получить удовольствие от таких встреч. Бет даже начала чувствовать себя немного виноватой из-за того, что раньше так плохо о нем думала.

Сегодня Бет почти не помнила всех мелочей их с Дуаресом отношений. Время сжалось, и теперь те дни казались сверкающим калейдоскопом больших и маленьких открытий, освященных все сильнее разгоравшейся любовью.

Она знала всего нескольких мужчин и ни одного – по-настоящему. Ей было пятнадцать, когда отец внезапно ушел от матери. Не было ни выяснений отношений, ни объяснений, ни скандалов – ничего, он просто ушел. В то время даже трудно было поверить в это. Ее обожаемый отец, так внезапно уходящий из семьи, – это было просто за пределами понимания. Неизбежно она начала обвинять себя и в конце концов уверовала, что, должно быть, каким-то образом отец разочаровался в ней. Бет никак не могла набраться смелости и высказать свои опасения вслух, а потом было уже слишком поздно. Отец погиб в автокатастрофе, когда ей было семнадцать. Она так и не получила ответа на свои вопросы, так и не удалось высказать ему, как она любит его.

Время смягчило боль утраты, но где-то глубоко в ней жила боязнь быть отвергнутой. Когда отец внезапно и без объяснений уходит от своего ребенка, скрытый ужас, оттого что кто-то может поступить так же, подсознательно присутствует в отношениях с окружающими. Даже подростком она опасалась сближаться с людьми, всегда боялась, что в конце концов ее отвергнут.

Так было до встречи с Дуаресом. Испанец отличался от других – во всех смыслах. Он был интеллигентным, занимательным, невероятно уверенным в себе и сексуальным. В присутствии этого молодого человека буйным цветом расцвела и уверенность Бет. Он заставил ее чувствовать себя привлекательной и желанной... Женщиной, способной любить и заслуживающей того, чтобы ее любили.

В последний вечер в Малаге они обедали в каком-то роскошном ресторане на берегу Средиземного моря. Этот вечер был самым романтичным в ее жизни, и, когда они ехали назад на виллу Сан-Рокес в открытом «ситроене» Дуареса под небом, усеянным миллионом звезд, она чувствовала себя невероятно счастливой и была слегка пьяной от шампанского, но гораздо больше – от любви... Когда Эрнан обнял ее и привлек к себе, она растаяла, как мороженое в жаркий летний день...

- Боже! Я хочу тебя, – прошептал Эрнан, прикинув губами к пульсирующей жилке на шее девушки.

- И я хочу тебя, – отозвалась Бет, прижимаясь к возлюбленному и мучаясь от обжигающего желания, которое было для нее лишь синонимом слова «любовь».

Каждый пройденный по лестнице и коридору шаг они отмечали поцелуями и

прикосновениями, которые становились все смелее. Когда влюбленные наконец добрались до спальни, девушку охватил озноб – настолько сильным было ее желание.

Он раздевал Бет так медленно и чувственно, что ее кровь становилась горячее и горячее с каждым снятым с нее предметом одежды. Она отчаянно хотела сделать все возможное и невозможное, чтобы ему было так же хорошо с ней, как ей – она знала это – будет с Эрнаном. Бет неистово отвечала на его горячие поцелуи, застенчиво старалась откликнуться на все более откровенные ласки, прижимаясь к нему всем телом столь же пылко, как и он.

Несмотря на невероятный эмоциональный подъем, она не смогла удержаться от внезапного протестующего вскрика, ощутив, как Эрнан вошел в нее. Бет сжалась, услышав глухой стон, который вырвался у него, когда он понял, с кем имеет дело. Но она уже была ко всему готова, выгибаясь навстречу ему. Неискушенное тело Бет жаждало, чтобы он пробудил чувства, которые она еще никогда не испытывала, чтобы показал ей тот вожденный мир любви, о существовании которого она только догадывалась... Чтобы он научил ее достигать вершины чуда, неведомого до сих пор...

Позже, открыв глаза, она увидела, что Эрнан задумчиво смотрит на нее. Бет инстинктивно прижалась к нему.

- Что-то не так?- нежно спросила она, пребывая в любовной истоме.

- Почему ты не сказала мне, что у тебя это впервые?

Мрачный тон заставил ее почувствовать себя так, словно она сделала что-то нехорошее. Бет сжалась, приятная истома внезапно исчезла. Близость не принесла ему удовлетворения? Она нахмурилась.

- Разве это что-то меняет? Эрнан шумно выдохнул.

- Я не представлял, что ты столь... неискушенна.

Бет почувствовала, что краснеет.

- Ты хочешь сказать – неумела?

- Не в этом дело. Тебе следовало быть откровеннее.

А что бы это изменило? Бет готова была расплакаться: прекрасная мечта, которую сотворила ее фантазия, рухнула. Громко шлепнулась в грязь. На душе было скверно, очень скверно. Но почему?

Ее мысли прервал голос Эрнана:

- Ты так молода. Боже! Сколько тебе? Восемнадцать?.. Девятнадцать? Ты еще подросток. Ты ничего не знаешь о мужчинах.

Или о том, что мужчинам нужно? Он мог бы и не произносить этого вслух – и так ясно, о чем идет речь. Все только что пережитое ими могло быть вершиной наслаждения для нее, но, очевидно, не для него.

- Тебе было плохо со мной, да?- тихо спросила она.

Из горла Эрнана вырвался крик:

- Боже! Дорогая, я не говорю об удовольствии.

- Но тогда о чем?- настаивала Бет.- Если беспокоишься о контрацепции...

Она собралась сказать ему, что принимает противозачаточные, чтобы регулировать месячные, но Эрнан прервал ее:

- Да нет же! Я не допустил бы, чтобы ты забеременела. Да такой опасности и не было.

- Как ты можешь быть уверен?

Эрнан повернулся и долго смотрел на нее, как будто хотел прочитать что-то по глазам. Потом провел пальцем по контуру ее лица и мягко спросил:

- Ты действительно настолько невинна, Бет? Неужели мужское тело является тайной для тебя?

Она нахмурилась: о чем это он говорит? И вдруг истина поразила ее в самое сердце: все, что было так прекрасно для нее, не принесло Эрнану никакого удовлетворения. Как же она не заметила, что на вершину наслаждения взошла одна, оказавшись никуда негодной женщиной?

- Прости меня, - прошептала Бет едва слышно.

- Не извиняйся, - с шумом вздохнул Эрнан.- Извиняться должен я. Даже не поинтересовался, спала ли ты когда-нибудь с мужчиной.

- И если бы знал, ничего бы не произошло? Ты это хотел сказать?

- Спи, - глухо обронил он.

Теперь все ясно, опустошенно подумала Бет. Если бы он знал, что имеет дело с девственницей, то не стал бы заниматься любовью. А сейчас жалеет об этом.

Она лежала без сна наедине со своими мыслями, слишком меланхолическими и мучительными, чтобы позволить забыться сном. Бет чувствовала себя так же, как в пятнадцать лет, когда часто лежала ночью в кровати с широко открытыми глазами и пыталась придумать нечто такое, что помешало бы отцу уйти от них с матерью.

Горячие слезы наполнили ее глаза, когда в голову пришла мысль, которую она избегала, - что и Эрнан может поступить так же, как и отец: возьмет да и уйдет. Нет, он не сделает этого! А почему, собственно? - спрашивал злой, гнусавый голосок где-то внутри. Она ведь разочаровала его, разве нет?

Ей казалось, что она долго-долго не могла заснуть, но в конце концов сон сморил ее, а когда проснулась, Эрнана рядом уже не было. Чувствуя себя одинокой, как никогда в жизни, она скользнула в махровый халат, собрала свою разбросанную одежду и вышла из комнаты.

По несчастливому стечению обстоятельств, отчим вышел из своей комнаты как раз в тот момент, когда Бет закрывала за собой дверь спальни Эрнана. Девушка остановилась, не понимая, как Рой может не замечать ее. То ли на самом деле он ничего не видел, то ли из чувства такта отчим прошел по коридору и стал спускаться по лестнице.

Бет с облегчением выдохнула. Она совершенно не думала о моральных оценках, которые мог бы сделать Рой, но не была уверена, что сможет разговаривать с кем бы то ни было, не рискуя разреветься.

До девяти она оставалась в своей комнате, надеясь, что Эрнан зайдет к ней. С утра он и Рой должны были ехать в город. Переговоры близились к завершению, и ее участие в них не требовалось. Бет не оставалось ничего другого, как одолеть свое отчаяние и молиться, чтобы Эрнан дал ей еще один шанс.

Отчим совершенно ошеломил ее, вернувшись в Сан-Рокес незадолго до полудня. Бет была в библиотеке. Рой почти вбежал туда с грозным выражением на лице.

- На этот раз ты окончательно перепутала все на свете, - яростно заявил он вместо приветствия.

Бет воззрилась на него.

- О чем это вы говорите?

- О тебе и об этом проклятом сеньоре Дуаресе, вот о чем!

- Что о Дуаресе... и обо мне?- срывающимся голосом спросила девушка, заранее ужасаясь тому, что сейчас скажет Рой.

- Он расторг сделку, вот что. И все из-за тебя.

Кровь прилила к лицу Бет. О нет! Не мог же Эрнан отказаться от контракта с Роем из-за того, что случилось минувшей ночью?

- Что вы имеете в виду?

- То, что сказал. Сделка расторгнута. И ты очень хорошо знаешь почему.

Бет было страшно даже подумать, что она стала причиной такой катастрофы. Она знала, как много значит для бизнеса отчима заключение контракта. Но это какая-то ошибка. Эрнан не стал бы отказываться от партнерства только из-за того... из-за того, что она разочаровала его в постели.

Девушка с трудом сглотнула, подавляя саму мысль о чудовищной возможности того, что отчим прав.

- Я поговорю с Дуаресом. Должно быть, произошла...

Лицо Роя стало еще краснее, чем было, хотя секунду назад казалось, что это невозможно:

- Нет! Это не принесет никакой пользы. Фактически... - После паузы он жестко произнес: - Дуарес велел передать, что не желает больше тебя видеть. И хочет, чтобы мы оба уехали из Сан-Рокеса до того, как он сегодня вечером вернется домой. Так что иди упаковывай свой чемодан.

Бет казалось, что земля уходит у нее из-под ног. Что случилось? Эрнан не мог этого сказать.

- Упаковывать? - тупо переспросила она.

- Да. Мы должны успеть на самолет в Нью-Йорк, улетающий в час дня. Тебе лучше поторопиться, - грубо сказал он.

- Но я должна поговорить с Дуаресом. Мне необходимо увидеть его, - не трогаясь с места,

возразила Бет.

Казалось, что Роя вот-вот хватит апоплексического удара.

- Хуже того, что есть, уже и быть не может! Ты что, не понимаешь? Он не хочет тебя видеть. Пора бы повзрослеть и смотреть фактам в лицо. Тебя пару раз пригласили на прогулки, а потом в постель - и с этим покончено. Он больше не интересуется... ни тобой, ни сделкой.

Бет хотела завопить, выпустив на волю растущее в ней возмущение тем, что сказал Рой. Она не могла поверить... Этого не могло произойти!

Чувство вины вновь всколыхнулось в ней, затмевая все доводы разума и угнетая с жестокой настойчивостью: она отвергнута Эрнаном так же, как была отвергнута отцом, потому что не сумела - хотя и по-разному - удовлетворить какие-то мужские прихоти и потребности.

Словно во сне, она собирала свои вещи. Словно во сне, ехала с Роем в аэропорт. Когда они вернулись в Штаты, она попыталась связаться с Эрнаном, была готова умолять его, выпрашивая второй шанс. Но он отказался отвечать на ее телефонные звонки и дома, и на работе. В конце концов Бет признала, что отчим был хоть и жесток, но честен: Дуарес больше не хотел иметь с ней ничего общего...

- Совсем одна?

Бет вздрогнула, услышав голос Эрнана. Он отодвинул белый стул из витого металла и сел напротив нее. Она едва не поперхнулась, но сумела пробормотать «да» и постаралась загнать болезненные воспоминания, только что всецело занимавшие ее мысли, назад, в прошлое, которому они и принадлежали. Это было невероятно трудно еще и потому, что предмет воспоминаний находился сейчас перед ней и выглядел более чем привлекательно в модном светло-сером костюме и нарядной полосатой рубашке.

- Одна. И едва ли я нуждаюсь в компании.

- Тебя трудно назвать вежливой, - холодно констатировал Эрнан.

- Я почему-то думала, что в нашем случае вежливость несколько излишня, - парировала Бет, черпая душевные силы в горьких воспоминаниях, которым она предалась несколько минут назад. - Думаю, вчера вечером мы совершенно точно установили, что не выносим даже вида друг друга.

Черные брови испанца приподнялись.

- Разве мы это установили? Мое представление о вчерашнем разговоре, должно быть, отличается от твоего. Готов поклясться, что, когда я целовал тебя, твоя реакция отнюдь не была похожа на отвращение.

Бет выдержала сардонический взгляд собеседника, заставив себя не покраснеть. Это потребовало некоторых усилий, но все равно сегодня она чувствовала себя уверенной и спокойной. Вчерашняя встреча застала ее врасплох, но сегодня американка ощущала в себе больше сил, чтобы управлять ситуацией, и хотела показать, что она уже не тот наивный, доверчивый подросток, которого некогда с презрением отвергли. Она стала старше, мудрее и теперь знала: что бы ни произошло, не позволит этому сеньору обращаться с ней так, как раньше.

- Не льсти себе, Эрнан. Моей единственной, как ты говоришь, реакцией, был шок, и ничто иное. Если ты принял его за энтузиазм, то ошибся.

- Следовательно, ты останешься такой же спокойной, если я поцелую тебя еще раз?

Вкрадчивый голос прозвучал с некоторым вызовом. Густая краска залила щеки Бет. Если Эрнан и впрямь поцелует ее еще раз, сумеет ли она сохранить холодный, безразличный вид?

Вспышка злости помогла ей утвердиться в решении быть строгой и непреклонной. Господи, ведь этот человек женат! Как он смеет так бесцеремонно говорить о том, что может еще раз поцеловать ее? Одного раза хватило за глаза.

- Могу заверить, что и во второй раз моя реакция не будет иметь ничего общего с энтузиазмом, - сухо произнесла она.- Скорее всего, я отвечу пощечиной. Как и большинство женщин, я терпеть не могу неверных мужей.

Лицо Дуареса внезапно помрачнело.

- А как насчет неверных жен? - язвительно спросил он.- Их ты тоже терпеть не можешь?

Бет воззрилась на навязчивого визави, сомневаясь, что поняла его. На что он намекает? На неверность своей жены? И это дает ему право волочиться за другой женщиной? Она нахмурилась.

- Разумеется, да. Но это не дает их партнерам право поступать так же. Если твоя жена...

- Не впутывай мою жену во все это.

- Как же я могу?- искренне удивилась Бет.- Ведь ты женатый мужчина.

- Нет. Я вдовец, - натянуто произнес Дуарес. - Моя жена умерла два года назад.

Неожиданное сообщение ударило Бет словно током. Она уставилась на испанца, ошарашенная только что услышанным:

- Что-что?

- То, что слышала.

Хорошо, что она сидит, подумала американка. Если бы стояла, то ноги, возможно, отказались бы служить ей. Она не была, мягко говоря, в восторге, узнав, что Эрнан женат, но теперь, когда выяснилось, что он вдовец, ей вовсе не стало намного лучше.

- Мне жаль, - посочувствовала она.

- Правда?

- Правда. Разумеется, правда, - повторила она, и это действительно было так. Сначала какое-то странное упрямство подогревало в ней чувство протеста против того, что у Дуареса есть жена. Но Бет вовсе не желала ей зла и не хотела бы, чтобы Эрнан испытывал боль утраты близкого человека. Она слишком хорошо знала, каково это - терять.

- Почему ты не сказал мне об этом вчера? - Ее голос чуть смягчился.

- Разве это что-нибудь изменило бы?

- Я бы, по крайней мере, не думала, что ты...- Бет запнулась, опасаясь показаться слишком резкой.

- Гуляющий муж? - закончил Эрнан. - Нет. Но тогда бы у тебя не было и повода требовать, чтобы я ушел. Иначе...

- Ну-ка, стой, - оборвала его Бет, чувствуя, что их коротенькое перемирие близится к концу. - Мне не нужен повод, чтобы просить тебя уйти. Женат ты или нет, я не желаю видеть тебя в своей спальне. Мне казалось, что я ясно сказала это еще вчера. А теперь, извини...- она демонстративно стала перекладывать разложенные на столе заметки, - мне нужно еще кое-что сделать.

Дуарес не сдвинулся ни на дюйм. Его взгляд лениво опустился на бумаги.

- Такие интересные записи? Ты, наверное, уже раз десять прочитала их.

- И если мне захочется прочитать их еще столько же раз, я сделаю это.

Неожиданно Дуарес наклонился и смахнул со стола записи.

Бет была поражена.

- Ты хоть понимаешь, что делаешь?

- Ищу возможность поговорить с тобой, - ответил он.- Я наблюдал за тобой. Ты вовсе не читала эти заметки.

- Я ела, - раздраженно возразила она.

- Нет, - он посмотрел на ее тарелку. - Ты едва притронулась к еде.

Бет почувствовала, как непроизвольно сжались ее кулаки.

- Кто ты такой - Великий инквизитор? Какое тебе дело, читаю я свои записи или обедаю? Ни то, ни другое тебя не касается. Почему бы тебе не отправиться поискать сеньору Карреньо? Уверена, что она с гораздо большей благодарностью воспримет твою компанию.

Дуарес откинулся на спинку стула и спокойно посмотрел на собеседницу:

- Сеньора Карреньо - управляющая этого отеля. И у нее есть чем заняться.

- Как и у меня, - резко сказала Бет.- Сегодня к концу дня мне нужно написать репортаж. Мне платят за то, чтобы я здесь работала, а не тратила время на пустые разговоры с тобой.

Дуарес изобразил подобие улыбки.

- Мне кажется, что раньше тебе платили как раз за то, чтобы ты тратила свое время именно на меня, разве что с чуть большим шармом.

Бет нахмурилась.

- Что ты имеешь в виду?

- Как дела у Роя? - с ухмылкой спросил Дуарес, и не думая отвечать на вопрос.

Трепет охватил Бет, почувствовавшую, что в вопросе кроется некий подвох. С чего бы это Эрнан стал спрашивать о своем отвергнутом партнере?

Даже мысль о Рое заставляла ее содрогаться.

Пять лет назад он так цинично с ней поступил, подставив под удар ее отношения с Дуаресом. А вернувшись в Нью-Йорк, пытался заставить шпионить за своими клиентами, подслушивать их разговоры. Получив отказ, залепил ей со всего маху пощечину. Вот тогда-то она и поняла, какой это низкий человек. С тех пор отношения между ними окончательно охладели. Но не рассказывать же обо всем этом испанцу. Достаточно отделаться парой незначительных фраз.

- Думаю, с Роем все в порядке, - небрежно ответила Бет. - Я не слишком часто вижу с ним и мать.

- Почему же?

Она облизнула пересохшие губы.

- Просто наши пути пересекаются не так часто. Работа отнимает у меня много времени...

- А, да-да. Твоя работа. Это Рой помог тебе получить ее?

- Нет, он здесь ни при чем, - быстро и зло проговорила Бет. - Я и так была вполне достойна ее. Почему ты думаешь, что отчим как-то помогал мне?

Глаза Дуареса превратились в кусочки льда.

- Я всего лишь думал, что любезность заслуживает ответной любезности. В конце концов, ты же делала одолжение Рою.

Бет судорожно сглотнула комок. Боже, о чем говорит Эрнан? Неужели он знает, что отчим просил ее шпионить за клиентами?

- Какие еще одолжения?

Взгляд Эрнана буквально пригвоздил ее к стулу.

- Думаю, ты прекрасно знаешь, о каких одолжениях он просил тебя, дорогая. Переспать со мной, например.

Бет несколько раз ошарашенно моргнула, в полной уверенности, что ослышалась.

- Что ты такое говоришь? - прошептала она.

- Да полно тебе. Не прикидывайся святой невинностью, - жестко и язвительно произнес Дуарес. - Пять лет назад это сработало. Тебе было девятнадцать, и ты подходила на эту роль. Теперь, боюсь, ты уже не можешь претендовать на амплу наивного подростка.

Не в силах найти смысл в его словах, Бет буквально взорвалась от злости:

- Я не играю никаких ролей, тем более - наивного подростка! Боже, да не кто иной, как ты, помог мне достаточно быстро перестать быть им!

Жесткий взгляд Дуареса застыл на лице собеседницы.

- И как же мне удалось это сделать?

Бет с трудом верила, что у Эрнана хватает наглости задавать ей такие вопросы.

- С очень большой легкостью, как ты знаешь, - сказала она звенящим от боли и злости голосом.- Бессердечно отвергнуть девушку - черт побери! - лучший способ разрушить ее подростковые чувства. Твои секретарши специально обучаются говорить с совращенными тобой девушками ледяным голосом или это умение требуется уже при поступлении на работу?

Краска негодования залила лицо Дуареса.

- И после всего, что ты сотворила, у тебя хватает совести возражать?!

Бившая из испанца ярость была почти физически ощутимой. Бет побледнела. Они опять говорят о разных вещах... Это единственное, в чем она уверена... Но почему?

- Что я сотворила? - запинаясь, спросила она.

Глаза Дуареса неистово сверкнули.

- Господи милосердный! Ты по-прежнему прикидываешься, что не понимаешь, о чем я говорю! Почему ты не хочешь признать истину? Вы же с Роем сговорились обработать меня!

Сердце Бет билось так бешено, что, казалось, Эрнан слышит этот стук.

- Обработать тебя? Но как?!

Испанец яростно сжал кулаки.

- Я должен разъяснить тебе по буквам? Ты выступала в роли приманки, обеспечивая Рою контракт. Ты даже переспала со мной, чтобы быть совершенно уверенной в том, что я у вас на крючке.

- Эрнан... прошу тебя...- Оторопелая и оскорбленная, женщина ничего не могла понять. Что он говорит? Она чувствовала себя так, словно ее окунули в ледяную воду, была почти в шоковом состоянии. Бет прижала ладони к вискам.- Эрнан, пожалуйста... Что! Рой наговорил тебе? Что он мог напелсти, чтобы ты поверил, будто я...- Не в силах продолжать, она запнулась.

- Рой сказал мне правду, - резко произнес Дуарес, - твой отчим был слишком разъярен, чтобы врать.

- Какую правду?

- Он сказал, что вы сговорились обвести меня вокруг пальца. Ты согласилась переспать со мной, чтобы получить от него денежное вознаграждение, если сделка окажется успешной.

В полном смятении женщина смотрела на Дуареса. У нее не укладывалось в голове, как отчим мог опуститься до такой низкой, ужасной лжи!

- Рой сказал тебе это?

Глаза Дуареса превратились в две щелочки, сквозь которые пробивалось пламя ярости.

- Совсем не так спокойно, как я повторил это сейчас. И совсем не так вежливо. Его язык был куда более... цветистым, скажем так.

Это Бет могла представить. Она знала, каким грубым и вульгарным может быть Рой. Озлобившись, он сбрасывает все покровы цивилизованности так же легко, как змея кожу, и прибегает к такому стилю общения, который иначе как подзаборным не назовешь. Она с отвращением испытала это на себе, когда отказалась взять магнитофон и шпионить с ним. Какая-то смутная догадка всколыхнулась в голове у Бет. Однажды отчим пытался использовать ее, не скрывая своих намерений. Возможно ли, что он проделывал то же самое втемную, а она ничего и не знала об этом? Быть может, он пытался подставить ее, чтобы добиться от Дуареса более выгодных условий?

- Когда Рой сказал тебе это?

- Утром, когда мы готовились подписать контракт, - ехидно произнес Эрнан. - Все условия были уже оговорены, нам оставалось лишь поставить подписи под окончательным вариантом. Когда я приехал к себе в офис, оказалось, что Рой хочет внести в текст еще какие-то поправки. Не стоит говорить, что все они были в его пользу и отнюдь не в мою. - Испанец негодуя скривил рот. - Очевидно, он полагал, что раз уж мы с тобой насладились ночью внебрачной любви, то я просто обязан согласиться.

Кровь стучала в голове у Бет, бешено неслась по венам, подстегиваемая ударами неистово колотящегося сердца.

- Но как Рой узнал, что мы провели ночь вместе?

- Отличный вопрос, Бет. Как он об этом узнал, а?

- Я никогда ничего не говорила ему. - Женщина прижала ладони к горящим от стыда и обиды щекам.

- Да-а?

- Ну конечно же. Я бы не сказала ему ни за что на свете. Наверное, он догадался.

- Догадался?- с ухмылкой выговорил Эрнан. - Как же безошибочны его догадки!

Бет растерянно покачала головой. Она могла лишь предполагать, как Рой узнал обо всем: для человека расчетливого сложить два и два, чтобы получить четыре, не составляло труда. Он, очевидно, заметил, что Дуарес увлечен ею, а она - испанцем. Естественно, отчим предположил, что их отношения перешли в более интимную стадию. И, что вполне вероятно, он все-таки видел, как она выходила из спальни Эрнана в то последнее утро. Бет тяжело вздохнула, а Эрнан тем временем продолжал:

- Этот горе-бизнесмен недостаточно хорошо знал меня. Когда ему стало ясно, что я не изменю свою позицию, он решил, что причина моей непреклонности в тебе. Рой так и не понял, что я презираю людей, которые в последнюю минуту пытаются переиграть ранее согласованные условия, чтобы урвать лишний кусок пирога. Точно так же, как презираю и женщин, готовых переспать с мужчиной ради материальной выгоды.

Бет была близка к отчаянию и с усилием сдерживала себя, чтобы не разрыдаться.

- Но ты же не думаешь, что я могла улечься с тобой ради отчима?

- Не думаю. Не ради Роя. Но у него были затруднения в бизнесе... Я думаю, ты готова была сделать все, чтобы предотвратить его банкротство и избавить мать от новых бед и переживаний.

Под жестокими ударами слов Дуареса Бет старалась не утратить окончательно контроль над собой.

- Даже ради этого я не стала бы спать с тобой, - с болью прошептала она. - Я была... ты же знаешь...

- Девственность можно рассматривать как товар одноразового потребления.

Бет в ужасе схватилась за голову. Одноразовый товар!

- Не смей говорить мне это! Рой мог сказать тебе что угодно, и какие бы оскорбительные для меня выводы ты ни сделал из его слов, все это ложь. Если отчим использовал меня, чтобы добиться более выгодных условий, я знала об этом столько же, сколько и ты. Разве не видишь, - он использовал нас обоих! А когда понял, что у него ничего не выходит, пошел на подлость. Он хотел получить свое любой ценой. Рой знал, что заденет твою гордость, сказав, что я спала с тобой, потому что он предложил мне за это деньги. Он уязвил твое мужское самолюбие - и все. Тебе следует быть благодарным судьбе и радоваться - это было единственное, что ему удалось сделать.

С этими словами Бет встала, с шумом отодвинув свой стул. Не обращая внимания на любопытствующие взгляды посетителей, она вышла с террасы с высоко поднятой головой.

4

Бет ходила по городу, пока не выбилась из сил, и присела в одном из городских скверов. Старинный фонтан обдавал водяной пылью ее разгоряченное лицо и руки.

Когда она вернулась в гостиницу, уже почти стемнело. Взяв ключ, молодая женщина отправилась прямо в номер и через несколько минут лежала с закрытыми глазами в большой ванне с горячей водой, все еще стараясь хоть чуть успокоиться. Шокирующие обвинения Дуареса с трудом укладывались в голове.

Пытаясь добиться от партнера лучших условий контракта, Рой подставил ее, использовал как приманку, а потом, когда грязная уловка не сработала, попытался отомстить, заявив, что она участвовала в заговоре с самого начала.

И Дуарес поверил ему.

Бет содрогнулась. Почему? Почему за лживыми словами Роя он не увидел правды? Как мог поверить, что она способна на такой цинизм, чудовищный и низкий обман? Он должен был знать ее лучше!

Но почему она была так потрясена тем, что Эрнан поверил Рою - хотя должен был понять, что отчим оболгал ее? Рой не нравился ей с самого начала, но ее неприязнь основывалась исключительно на личной антипатии. Она совершенно определенно не считала его способным на столь отвратительные поступки.

Боже! Ее начинало тошнить при одной мысли о том, что сделал Рой пять лет назад.

Неудивительно, что он так радовался, когда узнавал, что Дуарес приглашает ее на прогулку. Все, что она делала, было на руку отчиму. Она точно разыгрывала придуманный им сценарий – до тех пор, пока Рой не перестарался и все его уловки не обратились против него самого.

Но, конечно же, знание этой горькой правды уже ничего не меняло. Уже не исправить того, что произошло: они с Эрнаном занимались любовью. Ее разрыв с ним был мучительно болезненным, но быстрым. Разве смогла бы она перенести боль расставания, если бы оно тянулось несколько недель или даже месяцев? В конце концов она бы все равно потеряла его.

Услышав стук в дверь номера, Бет машинально сказала «сейчас открою» и лишь потом подумала, что вовсе не обязательно стучит горничная. Это мог быть и Дуарес, а ей вовсе не хотелось, чтобы он вошел прямехонько в ванную и застал ее обнаженной. Она быстро выбралась из воды, набросила на себя купальный халат и прошла в переднюю.

- Кто там?- спросила она, уже интуитивно зная, каким будет ответ.

- Эрнан.

- Чего тебе надо?

- Поговорить с тобой. Что еще я могу делать здесь.

Ее сердце болезненно дрогнуло. Бет не была готова к этому визиту. Она узнала слишком много и слишком внезапно и не в состоянии перенести еще одну встречу с Эрнаном. Во всяком случае – не сегодня.

- Я думала, что мы уже все сказали друг другу.

Из-за двери донесся раздраженный голос:

- Ты не хуже меня знаешь, что это не так. Открой-ка все-таки дверь, или мне придется прибегнуть к более радикальным мерам.

Бет с сомнением оглядела замок и петли соображая, что может быть на уме у визитера. Надо полагать, он не станет вышибать дверь? А ведь может, предупредил ее внутренний голос. И раз уж он владелец отеля, кто посмеет, остановить его?

Дрожащие пальцы Бет медленно дотянулись до защелки замка и повернули ее, а затем метнулись к воротнику халата и накрепко вцепились в мягкую ткань. Дуарес вошел в комнату. Бет инстинктивно отступила назад.

Если он заготовил заранее какую-нибудь фразу, она осталась невысказанной из-за сбившегося дыхания. Испанец просто задохнулся, когда его взгляд упал на халат Бет и на влажные завитки каштановых волос, беспорядочно спадавших на плечи.

Бет поняла, что в последние дни Эрнан видел ее только с прической. А с распущенными волосами она выглядит иначе – беззащитной и ранимой. И это вовсе не те черты ее характера, которые уместно демонстрировать сейчас.

- Я... Я пойду и надену на себя что-нибудь.

- А стоит? Я видел тебя в более откровенных нарядах, и даже...

Бет не позволила ему договорить:

- Пять лет назад. Но я уже говорила тебе, что это было очень давно.

Оценивающий взгляд черных глаз испанца стремительно обшарил женскую фигуру.

- Ты мало изменилась. словно отборное вино, которое со временем становится только лучше. Пять лет назад ты была всего лишь хорошенькой девушкой, а сейчас превратилась в красивую женщину.

Хорошенькой? Что он имеет в виду? Радующее глаз сочетание лица с правильными чертами и пропорциональной фигуры? Пожалуй, да, и ничего более. А вот что касается прочих женских достоинств... Что же это за женщина, которая не может удовлетворить мужчину в постели?

Бет заставила себя выдержать взгляд Дуареса и не поддаваться волне мертвенного холода, накатывающего на нее всякий раз, когда она вспоминала о своей неискушенности в первую внебрачную ночь.

- Я уверена, что ты явился сюда не для того, чтобы сделать мне комплимент, Эрнан. Ты хотел поговорить. О чем?

Черные глаза остановились на ее лице.

- И ты так легко спрашиваешь об этом после нашего разговора за обедом? Неужели ты действительно думаешь, что мы просто должны все забыть?

- Да ты вряд ли веришь тому, что я сказала за обедом.

- Ну, а если не верю?

Бет с трудом подавила злость, вспыхнувшую в ней. Пять лет Эрнан считал, что она обманула его. И сейчас, без сомнения, ему было нелегко вот так, с ходу, отказаться от всего, что вызывало в нем гнев и ненависть.

- Ты можешь верить или не верить, но я и в самом деле не имела ни малейшего представления о том, что Рой пытается подставить меня. Во всяком случае, я не принимала в этом никакого участия. Боже! Если бы я знала! - Бет испытывала чувство отвращения при одной мысли о подлом замысле отчима.

Дуарес не сводил с нее пронизывающего взгляда.

- Если это действительно так, то почему ты тогда не осталась и не сказала мне правду?

Бет облизнула губы и сдавленно произнесла:

- Остаться? Ты не дал мне такой возможности. Ты же приказал убираться с виллы Сан-Рокес, помнишь?

Дуарес нахмурился:

- Приказал тебе? О чем ты говоришь?

- Когда Рой вернулся, он сказал, что ты настаиваешь на том, чтобы мы с ним немедленно уехали. Что ты не хочешь застать меня там, когда вернешься...

Испанец выругался сквозь зубы, прежде чем спросить:

- И ты поверила ему?

- Как можно было не поверить? И все же я хотела поговорить с тобой, но...

- Что «но»?

- Рой был так зол... Он настойчиво повторял, что я сорвала ему контракт, что ты требуешь нашего отъезда...- прерывающимся голосом ответила Бет. Это была правда, но не вся.

Дуарес угрюмо нахмурился.

- Ты думаешь, что, если бы я хотел выставить тебя, не нашел бы мужества сказать об этом лично? Ты действительно веришь, что я использовал Роя в качестве посыльного? - жестко спросил он.

Беспорядочные мысли метались в мозгу Бет. Если Дуарес не хотел, чтобы она уезжала, почему он отказывался говорить с ней по телефону?

- Но я пыталась дозвониться до тебя из Нью-Йорка. Ты даже не стал говорить со мной. Я постоянно наталкивалась на ледяной отказ твоих секретарш.

Дуарес покачал головой.

- Когда я узнал, что ты вовлечена в проделки Роя, я не поверил этому. Я думал, он лжет. Но ты в тот же день уехала из Малаги - вместе с отчимом! - и даже не сделала попытки связаться со мной. Оставалось единственное объяснение: ты виновна, как и сказал Рой. Поверив в это, я был так разъярен, что раз и навсегда решил прервать с тобой всякие отношения.

- О Господи! - вздохнула Бет.

Как низко и отвратительно все то, что выдвигал отчим.

- Рой хотел увезти меня до того, как я поговорю с тобой... Он знал, что если мы увидимся, его ложь неизбежно откроется.

- Похоже на то, - горько согласился Дуарес.- Но почему ты с такой готовностью приняла слова Роя на веру? Всего за несколько часов до этого ты была со мной в постели, лежала в моих объятиях. Как же могла после этого поверить, что я прогоню тебя?

Бет проглотила комок в горле:

- А тебе не приходило в голову, что я чувствовала себя просто ужасно из-за того, что случилось той ночью?

- Ужасно?

- Да, ужасно, - твердо повторила она.- Ведь ты был разочарован во мне. Я знаю, что не удовлетворила тебя как... как любовница.

Шумный выдох вырвался из горла Дуареса.

- Боже мой! И ты считала, что я не захотел видеть тебя из-за этого?!

- Именно так я и думала, - искренне ответила Бет, изумленная тем, что Эрнан даже не

допускал такой возможности.

- Неужели ты действительно так думаешь? Я не верю этому.

- Тебе легко это говорить! - выкрикнула она с яростью. - Наверное, ты просто не можешь понять, как я чувствовала себя. Не сомневаюсь, ты переспал с сотней женщин... У тебя же не было сомнений в том, что я уже не девочка. Но я никогда до того не занималась любовью, и ты очень ясно дал понять, что тебе скучно со мной в постели.

Испанец зло сверкнул глазами.

- Послушать тебя, так любовь - это что-то вроде экзамена: сдаешь и получаешь сертификат пригодности.

- А что, разве это было не так? И как опытный экзаменатор ты не оставил у меня сомнений в том, что я провалилась, - ответила Бет, испытывая боль и стыд от столь интимных воспоминаний.

- Должен разочаровать тебя. Высокая оценка моего постельного опыта, приобретенного с сотней любовниц, сильно преувеличена. - Голос Эрнана казался колючим. - Мне было двадцать семь. Конечно, я уже встречался с женщинами, но всегда моих лет, понимающими правила игры. И я никогда не испытывал судьбу с только что окончившей школу девушкой, едва вышедшей из подросткового возраста.

- Я полагаю, ты имеешь в виду меня? - напряженным голосом спросила Бет.

- Да.

- Тогда почему ты связался со мной?

Короткий взгляд Эрнана обжег ее лицо. Он помолчал и пожал плечами:

- Этого я себе не могу простить. Видя твоё состояние, я должен был сдержаться, но не сделал этого. А когда понял, что ты девственна, я возненавидел себя за то, что совратил девчонку.

- Но ты вовсе не совращал меня.

- Вот как? Может, ты и впрямь не видела все в таком свете. Ты была молоденькой девушкой и к тому же гостем в моем доме. Как бы сильно я ни хотел тебя, я не должен был позволять желанием замутить мой рассудок. В конце концов, я злился не на тебя, а на себя.

Может ли стать легче от этого признания? - вяло подумала Бет. Очевидно, Эрнан на самом деле считает, что совратил ее, хотя она ни тогда, ни потом ни о чем не жалела. Но факт оставался фактом - в постели она разочаровала его. Что бы он ни говорил, уйти от этого невозможно.

- В любом случае, - заговорила Бет, стараясь, чтобы голос звучал безразлично, - сейчас это едва ли что-нибудь меняет, правда? Ведь прошло пять лет. Я уже сказала тебе вчера: мы теперь совсем другие люди. Все изменилось. Ты был женат...

Она неожиданно умолкла. Мысль о том, что Эрнан был женат на другой женщине, казалась нестерпимой. Он, должно быть, очень любил ее, а она наверняка удовлетворяла его во всех смыслах. Стараясь скрыть слезы, Бет опустила глаза.

Тонкими и сильными пальцами Эрнан взял ее за подбородок и заставил поднять лицо.

- В чем дело? Почему ты плачешь? - требовательно спросил он, увидев в ее ресницах слезинки.

- Я не плачу, - яростно моргая, возразила Бет. Мужчина был слишком близко, волнуяще близко, чтобы она могла контролировать свои чувства.

- Успокойся. - Испанец нежно привлек ее к себе, обняв одной рукой за талию. Его рот, умелый, чувственный, нашел ее губы и обжег жарким поцелуем. Короткой лаской язык Эрнана завоевал и рот. Последняя крепость пала - Бет не могла вымолвить ни слова, да ей и не хотелось.

Кровь стучала у нее в голове, в ушах звенело. Ни один мужчина за пять лет не целовал ее так нежно и ни один не сумел пробудить в ней ничего, хотя бы отдаленно похожего на горячий отклик.

- Давай поужинаем сегодня вместе.

Уже потрясенная поцелуем и своей чрезмерно отзывчивой реакцией на него, Бет была окончательно добита его словами.

Последние остатки разума вопили: нет, нет, нет! Ты же знаешь, нужно окончательно сойти с ума, чтобы даже раздумывать над его приглашением. Ты же знаешь - продлевать общение с ним означает продлевать боль!

- Я... Я не могу.

- Не можешь или не хочешь?

- Какая разница, Эрнан? Ну правда, все, что было, так давно... Ты был женат, и я...- Бет запнулась. А что она? Она не была замужем. Последние пять лет пыталась истребить свою любовь к Эрнану, полюбить кого-нибудь другого.

Пальцы испанца сжали ее руку.

- У тебя кто-то есть? Ты это хотела сказать?

? Нет!

- А если так, что плохого в том, что мы поужинаем вместе? Ты что же, боишься меня?

- С чего бы мне бояться? - рассердилась Бет.

- Понятия не имею...

Она чувствовала себя загнанной в угол. Какая у нее причина для отказа? Она вроде бы зрелая женщина, сама распоряжающаяся своей жизнью, а не школьница.

Бет глубоко вздохнула.

- Ничего плохого в этом нет, - неохотно признала она.

- Тогда - в восемь.

Она просто не успела ничего возразить. Дуарес счел встречу назначенной и ушел. Бет уперлась лбом в закрывшуюся за ним дверь и задумалась. Почему она согласилась?! Только что позволила втравить себя в новую историю!

Меньше чем через час женщина наложила на ресницы последний мазок темно-серой туши и замерла, оглядывая свое отражение в зеркале. Рука машинально поглаживала фалды из бирюзового шелка на бедрах. Бет хорошо смотрелась в открытом платье и знала это. Оно облегалo ее стройную фигуру и подчеркивало необычные зеленые глаза и каштаново-золотистые волосы, уложенные в модную прическу.

Наверное, другая женщина на ее месте не преминула бы полюбоваться собой – отражение в зеркале было привлекательным и женственным, но Бет, пристально посмотрев на себя, с отвращением отвернулась. Образ, который явило ей зеркало, был фальшивым, приторным. О да! Она знала, что нужно сделать, чтобы хорошо выглядеть. Знала, какого цвета и фасона одежда лучше всего подходила к ее высокой, отлично сложенной фигуре, какие цвета заставляли ее глаза казаться ярче и больше, какой макияж наилучшим образом подчеркивал тонкие черты лица и какая помада делала губы влажными и чувственными. Она знала. Спасибо матери.

Синди Харди постаралась на славу. Ее дочь постигла все приемы тонкого искусства преподнести себя наилучшим образом. Еще подростком Бет стала настоящим экспертом в том, что касалось искусного использования косметики и макияжа, усвоила всю важность правильной осанки и манер. Она научилась подбирать прически так, чтобы быть привлекательной и в мгновение ока превращать себя из простой девчонки в даму из высшего общества. Синди научила ее тому единственному, чем сама владела в совершенстве, – магическому искусству уметь подать себя в любых обстоятельствах.

Но Бет знала, что ключевыми словами оставались «уметь подать». Она была... При всей внешней привлекательности и женственности, она была полным ничтожеством в постели.

Когда этот обидный факт всплыл в ее памяти, слезы чуть было не хлынули из глаз. И все же молодая женщина сумела взять себя в руки, сморгнула несколько пробравшихся таки на ресницы слезинок и, взяв маленькую вечернюю сумочку цвета персидской бирюзы, вышла из номера.

5

Бет отложила салфетку в сторону.

– Это было восхитительно. Спасибо.

Весь ужин она и Эрнан говорили о вещах личных, но отнюдь не интимных—о журналистской работе, гостиничном бизнесе, реставрации виллы Сан-Рокес. При мягком свете свечей и под приглушенные звуки музыки легкая беседа с обменом любезностями не была обременительной, хотя Бет все время ощущала какую-то необъяснимую напряженность.

С красивым выразительным лицом, широкоплечий, нарядно одетый, Эрнан был самым привлекательным мужчиной в ресторане. Бет не раз ловила любопытствующие женские взгляды, бросаемые на ее спутника, но тот, казалось, не замечал их вовсе. Подобно большинству уверенных в себе, сексапильных мужчин, ему не требовалось работать на публику, чтобы ублажить свое эго.

- Еще вина? - Он вопросительно приподнял бутылку.

Бет покачала головой. Она уже чувствовала себя слегка навеселе и не испытывала надобности добавлять еще вина к двум уже выпитым бокалам.

Эрнан наполнил свой бокал, и от пламени свечей кольцо на его левой руке ярко блеснуло.

Бет ощутила такой же всплеск боли, как и вчера, когда впервые увидела этот золотой ободок. Эрнан носил кольцо, надетое на его палец какой-то женщиной. Впрочем, сейчас он вдовец, так что нечего нервничать.

- Сколько ты был женат?- тихо спросила она.

- Два года.

Сердце Бет сжалось. Два года! И столько же лет одинок. Это значит, что Эрнан женился через год после того, как она уехала из Испании. Немного понадобилось ему времени, чтобы встретить и полюбить другую. Похоже, ты и впрямь была для него лишь игрушкой на одну ночь, мрачно подумала Бет.

Расспрашивать его дальше было пыткой, еще большей пыткой было неведение. Бет не могла остановить себя:

- Жена была испанкой?

- Да. Ты не думаешь, что теперь мы могли бы оставить эту тему?- повелительным тоном проговорил Эрнан. - Мне казалось, что я сказал о жене достаточно ясно.

Голос его был таким резким, что Бет нервно поежилась. Наверное, она поступила бестактно, спросив Эрнана о жене. Должно быть, он очень любил ее, раз его скорбь не утихла за два года.

- Извини меня, - сказала Бет. - Я вовсе не собиралась совать нос в твои дела... Если я расстроила тебя...

- Да нет, просто это не та тема, которую я хотел бы обсуждать.

- Я не могла не заметить, что ты все еще носишь обручальное кольцо, - попробовала она объяснить свой интерес.

Эрнан хладнокровно взглянул на кольцо.

- Да уж... - ухмыльнулся он. - Я считаю его полезным... Оно служит мне напоминанием.

- О твоей жене?

- О моем браке.

Здесь была какая-то тонкость, но Бет постеснялась углубляться в неприятный для Эрнана разговор. А он беззаботным тоном предложил потанцевать и, не дожидаясь ответа, взял ее за руку. Они прошли в центр зала, свободный от столиков, где несколько пар уже томно покачивались в такт медленной мелодии.

Эрнан привлек Бет к себе так, будто ничего более естественного в мире не было. Ощувив ее сопротивление, он крепче обхватил партнершу. Случилось то, чего она боялась больше всего

на свете, - их тела соприкасались. Близость Эрнана была чем-то вроде наркотика, который Бет когда-то попробовала и до сих пор не могла от него отвыкнуть. Его тело было упругим и сильным, она чувствовала это каждой своей клеточкой.

В этой близости было нечто от мазохистской пытки, которая одновременно ужасала и опьяняла женщину. Рука Эрнана легла на вырез платья на спине, это прикосновение обжигало и в то же время было невыразимо приятным.

Бет прокляла себя. Почему она не выбрала платье, которое позволило бы ей надеть бюстгальтер? Груды напряглись, а соски предательски отвердели. Ощущал ли это Эрнан?

Она рискнула поднять взгляд. Его глаза, черные и поблескивающие, изучали ее. Бет моргнула и отвела глаза, опасаясь, что по их выражению Эрнан поймет все.

Но что - все? Вряд ли она сама знала это. Внезапно окружающий мир расплылся, превратившись в скопище замысловатых и нерезких разноцветных пятен. Тело Бет откликалось на близость Эрнана с неукротимой несдержанностью, памятной по событиям пятилетней давности. Ничего не изменилось. И это ужаснуло ее.

- Я слышал, что ты жила с кем-то. Это правда?

Хладнокровный вопрос был настолько внезапным, что ноги Бет начали подгибаться. Ей казалось, что, если бы не сильные руки Эрнана, она могла бы просто упасть.

Должно быть, он имеет в виду Дориана, мгновенно догадалась Бет, думает, что они жили вместе. Как любовники!

- Кто тебе это сказал? - удивленно спросила она.

- Неважно кто. Это правда?

Ну как не возмутиться столь вопиющей несправедливостью! Эрнан задает нескромные вопросы, хотя уходит от разговора о собственной личной жизни. Бет неприязненно посмотрела на него:

- А ты не допускаешь, что я не желало обсуждать эту тему?

- Я не собираюсь ничего обсуждать. И не собираюсь вторгаться в твою интимную жизнь. Простого «да» или «нет» будет достаточно.

Как у него все просто, уныло подумала Бет. Сам он любил другую женщину и женился на ней. Стоит ли рассказывать ему, насколько эмоционально скудными были для нее последние пять лет? Да, она имеет любимую работу, самостоятельна и независима, но не было в ее жизни ни любви, ни хотя бы увлечения. Ни один мужчина не сумел добиться от нее большего, чем... Господи, да какое дело этому испанцу до того, как и с кем проводит она свое время! А что касается Дориана, то пусть считает, что она жила с ним, как с любовником.

- Я... была близка с одним человеком. Но мы больше не живем вместе, - сказала наконец Бет.

Это ведь и не ложь, твердила она себе, испытывая чувство неловкости, - всего лишь неполная правда. И по крайней мере, последняя часть абсолютно правдива. Теперь, когда Дориан переехал к Элисон, они больше не живут вместе.

- Когда вы разошлись?

- Несколько месяцев назад.

Музыка замолкла, и Эрнан отпустил Бет. Она отважилась бросить взгляд на испанца. Его лицо ничего не выражало...

Позже, когда они вышли из машины у гостиницы, Бет не смогла сдержать легкую дрожь. Ночь стояла прохладная.

- Ты замерзла?

- Немного, - кивнула она и почувствовала головокружение.

Эрнан внезапно снял пиджак и набросил ей на плечи. Ткань подкладки была согрета теплом мужского тела и полна аромата, повергшего ее в смятение.

У лифта Бет сделала движение, намереваясь снять пиджак и вернуть его Эрнану с благодарностью за ужин и приятный вечер. Однако, к ее ужасу, он стремительно вошел в лифт вслед за ней, спокойным голосом сказав, чтобы она сняла пиджак у двери номера.

Лифт показался Бет слишком маленьким для них двоих. Она ощутила нечто похожее на приступ клаустрофобии; сердце ее билось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит. Внезапно лифт лязгнул и остановился. Все погрузилось в темноту.

Бет понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что произошло. Подъемник сломался. - Господи, этого еще не хватало! - пробормотал Эрнан сквозь зубы. - С тобой все в порядке? - спросил он уже громче.

Нет! - мысленно завопила Бет. Я не в порядке, а в абсолютном беспорядке. Я застряла с тобой в этом спичечном коробке и просто в ужасе. Не от темноты - это точно. Темнота не таила ничего ужасного, ужас вселяло другое: она оказалась рядом с Эрнаном в этом замкнутом, дьявольски маленьком пространстве! Зрение было бессильным в крошечной тьме, но обоняние невероятно обострило чувства. На аромат теплого пиджака наслаивался другой, куда более волнующий запах, безжалостно терзавший ее ноздри. Она слышала дыхание Эрнана. Это ее воображение издевается над ней или оно действительно слегка прерывистое?словно ее собственное.

Пальцы Бет тянулись дюйм за дюймом, пока не дотронулись до Эрнана. Зачем она это сделала? Просто чтобы убедить себя в том, что он по-прежнему здесь, или... Или это было подсознательное желание поддаться искушению и дотронуться до него, словно прикосновение под покровом темноты чем-то отличалось от прикосновений при свете свечей на танцах?..

- Д-да, со мной все в порядке, - непослушным голосом соврала она, уверенная по крайней мере в одном - в темноте горящие щеки не выдадут ее.

- Судя по голосу, с тобой далеко не все в порядке. Звучит он довольно нервно, - мягко сказал Эрнан.

Внезапно его рука нашла в темноте ее пальцы, и Бет едва не вскрикнула.

- Что ты делаешь? - спросила она.

- Пытаюсь успокоить тебя. Иди ко мне.

Эрнан положил руки на ее плечи и привлек к себе. Это было именно то, чего она боялась: близость, которая лишала тело контроля над ним. При свете одно, и совсем другое дело в темноте, в неестественном ночном мире, где главенствовали чувства, а не холодная рассудочность дневных часов.

- Расслабься, - нежно произнес Эрнан. - Нет никаких причин так пугаться. Лифт двинется через пару минут.

Минут! Да каждая секунда тянулась для нее дольше любых часов!

Внезапно Бет осознала, что взволнована не только она. Стоя близко от Эрнана, она не могла не почувствоваться напряжения, охватившего испанца. Его пальцы сильнее сжались на ее плечах, а бедро, слегка касавшееся ее бедра, подрагивало.

Господи, подумала Бет, он чувствует то же, что и я!

- Эрнан, пожалуйста...- Ей не удалось продолжить: в темноте дыхание мужчины обожгло ей щеку, а его рот нашел ее губы.

Это не был невинный поцелуй. Словно законченный собственник, его язык ворвался во влажный тайник ее рта, и сладкая агония началась. Бет была готова к этому поцелую. Она нуждалась в нем, хотела, чтобы он разнес всепожирающее пламя страсти по всему телу, не оставляя ни одного безопасного убежища, где можно было бы скрыться от самой себя.

Ее пальцы впились в плечи Эрнана, лаская мощные мускулы сквозь шелк рубашки. Она почувствовала, что из мягкой глубины ее горла вот-вот вырвется стон изнеможения.

Хватит! Она должна немедленно прекратить это безумие. Но как это сделать, если так неистово хочется его продолжения? Это было сумасшествием, полным сумасшествием, пока поцелуй не прекратился.

- Это не сон? - простонал Эрнан, прижавшись губами к виску Бет.- Я хотел бы продолжать так всю ночь.

- И я тоже, - дрожащим голосом призналась она, осознав внезапно, что это правда, и не думая о том, что Эрнан наверняка знает, как действует на нее его близость.

Все, что имело хоть какое-то отношение к реальности, что казалось совершенно невозможным при холодном свете дня, темнота скрадывала черным бархатным покрывалом.

Руки Эрнана нашли твердые выпуклости ее сосков, туго натягивающих ткань платья. Пальцы нежно ласкали их, и Бет почувствовала, что сейчас взорвется.

Внезапно яркий слепящий свет заполнил крохотное пространство, и лифт, заскрипев, пришел в движение. Бет разочарованно замерла. Что же такое только что произошло с ней? Ее взгляд поймал глаза Эрнана и скользнул мимо. Она была так оглушена тем, что произошло, что даже не могла заговорить. Боже, да она вела себя словно распутница...

Когда лифт остановился, Бет почти швырнула спутнику пиджак и шагнула в коридор, почему-то заметив с облегчением, что он пуст. Внезапно Эрнан схватил ее за запястье и развернул лицом к себе.

- Бет, то, что только что случилось...
- Не должно было случиться ни при каких обстоятельствах, – резко перебила она, отводя глаза.
- Да почему же? Ты ведь уже не подросток. Мы оба взрослые.
- И как взрослые, должны отдавать себе отчет в том, что делаем, – наставительным тоном проговорила Бет.
- Какое чудное английское выражение, – усмехнулся Эрнан.- Что в точности оно обозначает?

Бет сделала глубокий вдох и выпалила:

- Не притворяйся. Ты не хуже меня знаешь, что мы не остановились бы на поцелуях.
- И если бы мы не остановились, кому от этого было плохо?

Как он неугомонен, подумала Бет'. А ведь знает, чем все закончилось в тот раз – первый и единственный. Но, наверное, думает, что теперь она куда более опытна в сексуальном смысле, умеет ублажить мужчину в постели. Без сомнения, именно это он и имел в виду, говоря, что они оба теперь взрослые.

Но, что бы он ни думал, даже не стоит задаваться вопросом, будут ли они спать вместе. Эта мысль просто абсурдна. В тот раз она по крайней мере верила, что они любят друг друга. Но теперь не повторит эту ошибку.

- Всем было бы плохо, – огрызнулась она, желая только одного – чтобы Эрнан повернулся и ушел. Но испанец и не подумал сделать это. Его высокая, мощная фигура заполнила коридор, заставив Бет почувствовать себя попавшимся в капкан зверьком. – Ты был женат, – с укором добавила она.

- А сейчас не женат. Я вдовец, – спокойно ответил он. – Таким образом, мы оба свободны...- Он выдержал паузу. Его черные глаза испытующе смотрели в лицо женщины.- Или ты все-таки не свободна? И по-прежнему связана с этим парнем, Дорианом?

Почему Эрнана так волнует, есть ли у нее кто-нибудь? Пульс застучал у Бет в висках, заставляя лихорадочно размышлять. Может, не стоило будоражить его воображение смехотворной ложью о любовнике?

- Нет, я ни с кем не связана... Ни с Дорианом, ни с кем другим. И не хочу ни с кем связываться! – Последнюю фразу она выкрикнула, желая закончить на этом разговор.

- Так ведь мы уже связаны, – не унимался Эрнан. – Разве произошедшее в лифте тебя ни в чем не убеждает? И не говори мне, что не хотела, чтобы я целовал тебя. Я все равно не поверю, – жестко выговорил он.

Ну конечно же, она хотела этого... Говоря по правде, хотела бы даже гораздо большего... Того же, что и пять лет назад. Бет почувствовала, как внутри нее что-то сжимается при мысли о том, что тогда случилось. И все же она никогда не допустит, чтобы это повторилось.

- Я ничего не хочу от тебя.

- Черта с два не хочешь, – с яростью возразил Эрнан. – Пару минут назад ты была готова на все. Если бы не включился свет, я бы овладел тобой в лифте. И ты бы не возражала.

Горячая волна стыда окатила ее. А ведь он прав. В темноте она как-то сумела абстрагироваться от холодной реальности и едва не уступила позывам тела. Это были низменные позывы.

Бет с трудом сдерживала слезы. Она не должна плакать, нельзя показывать Эрнану, как ей больно. Она действительно была сексуально возбуждена, и отрицать это просто глупо.

Бет подошла к двери своего номера, вставила ключ в замок и повернулась к спутнику.

- Тебе не приходит в голову, что у меня просто-напросто сексуальный срыв? - спросила она, вызываясь вздернув подбородок и заставляя себя говорить уверенным и твердым голосом.- Я уже не та глупенькая, невинная девчонка, которую так легко соблазнить парой поцелуев. Я взрослая женщина с соответствующими возрасту и темпераменту запросами. Ты ведь не думаешь всерьез, что в лифте я хотела именно тебя? Честно говоря, я желала мужчину. Любого мужчину. Я говорила тебе, что Дориан ушел несколько месяцев назад. С тех пор я не могу гм... удовлетворить свои физиологические потребности, а они возникают вне зависимости от моей воли. Вот и все. И нет никакой необходимости создавать вокруг этого целую теорию.

Она знала, что Эрнан сейчас сделает. Он повернется, уйдет, и они никогда больше не встретятся. Бет глубоко стыдилась глупостей, которые наговорила только что испанцу. Но он другого и не заслуживает после той ночи любви. А новой она не вынесет: слишком страшно почувствовать себя снова никчемной куклой.

Она подняла глаза. Лицо Эрнана было черным от ярости.

- Ах ты, маленькая сучка! - зло прошипел он. - Так ты хотела мужчину? Прекрасно! А я всегда думал, что желания женщины нужно удовлетворять. Будет сегодня в твоей постели мужчина. И ты знаешь кто? Я!

6

Потрясенная услышанным, Бет замерла на пороге номера.

- Что это значит? - испуганно вскрикнула она.

- Именно то, что я сказал.- Эрнан подтолкнул женщину в переднюю, захлопнул ногой дверь и повернул в замке ключ.

Бет встревоженно смотрела на него. Не мог же он и в самом деле иметь такие наглые намерения? Она внезапно пожалела о своем подстрекательском заявлении. А ведь была уверена, что ее слова заставят Эрнана повернуться и уйти... Кто же мог подумать, что они приведут к прямо противоположному результату?

Губы ее стали сухи как пергамент, и она облизнула их.

- Прости меня. Я не должна была говорить этого.- Извиняющийся голос ее был торопливым, сбивчивым.- Я просто сама не знаю, что на меня нашло.

Эрнан сложил на груди руки и уставился на Бет, словно посетитель выставки на диковинный экспонат.

- Ты, кажется, говорила о сексуальном срыве? - иронически спросил он.

Бет покраснела до корней волос. Сексуальный срыв! Хорошенькая шуточка для женщины,

которая не была с мужчиной в постели почти пять лет!

- Это неправда...

- Да неужели? - протянул Эрнан.

- Да!

- Хорошо, - мягко сказал он и, сделав шаг вперед, обнял Бет за талию и привлек к себе. - Хорошо, потому что я не хочу, дорогая, чтобы сегодня ночью в твоих мыслях, а тем более в твоей постели, обитали какие-то призраки. Я буду с тобой единственным мужчиной. Понимаешь?

Бет безмолвно смотрела Эрнану в лицо, удивляясь, что не протестует, не отбивается. Вместо этого она медленно кивнула. Ее рот слегка приоткрылся, словно стало трудно дышать. Эрнан поднял к своему лицу ее руку и прижался губами к ладони, потом по очереди начал целовать пальцы.

Бет замерла, изумленная внезапной переменой в мужчине - от крайней ярости к нежности. Она не знала, что опаснее.

- Пожалуйста, не надо, - выдавила Бет и почувствовала, как неубедительно прозвучал ее голос.

- Тебе не нравится, когда я до тебя дотрагиваюсь? - спросил Эрнан.

Какой смысл лгать дальше, тем более что ложь будет очевидной, обреченно подумала Бет. Он же знает, что магически действует на нее.

- Нравится, - прошептала она, сдерживая стон, готовый вырваться из горла.

Эрнан склонился к ее лицу, почти касаясь губами рта.

- Почему ты не просишь меня остановиться? - притворно удивляясь, спросил он.

Боже! Да потому, что ласки уже не казались ей пределом безумия. Напротив, безумием было бы остановиться. Желание охватило ее, словно тисками, и Бет поняла, что вырваться из них уже не удастся.

Язык Эрнана нежно прошелся по губам женщины, заставив ее испуганно вздрогнуть.

- Так ты хочешь, чтобы я прекратил?

- Нет!.. Нет! - простонала она, более не заботясь о том, что своим признанием потешила Эрнана. Ей хотелось, чтобы он продолжал эту изощренную пытку.

Потрясенная предательством собственного разума, Бет широко раскрыла глаза. Ее взгляд мгновенно встретился с черными глазами испанца. Что было в них? Победа? Конечно, у него есть все основания торжествовать. После того, что она сказала ему у дверей номера, не было ничего странного в том, что он наслаждался мгновениями полного триумфа.

Но в глазах Эрнана было не только торжество. С бешено бьющимся сердцем Бет подумала: он хочет меня. Действительно хочет! И это вызвало куда больший шок, чем выражение торжества. Помимо воли женщина дотронулась до Эрнана, провела ладонями по шелковой ткани рубашки, ощущая тепло мускулистой груди.

Он с силой прижал Бет к себе и закрыл ее рот губами. Поцелуй доставил невероятное, высшее наслаждение. Ничего слаще в жизни не могло быть. Ее груди болезненно напряглись, горячее желание разлилось внизу живота.

Настойчивые ласки Эрнана невероятно возбуждали. Они не были расчетливым показом отточенной техники обольщения, нацеленного на то, чтобы наказать ее за издевательство. Теперь они выражали сущность Эрнана – его искреннюю и нестерпимую нужду в ней. Желание, которым мужчина уже не мог управлять.

Он рывком расстегнул застежку на спине платья, и верхняя его часть, словно шелковые крылья бабочки, опала, обнажив груди. Женщина инстинктивно прижала к ним руки, потрясенная собственной уязвимостью.

- Эрнан, пожалуйста, мы не должны...

- Не волнуйся, милая, – успокоительно промурлыкал он, усаживаясь на кровать и привлекая Бет к себе. Стоя между его вытянутыми ногами, она застонала, когда губы Эрнана впились в сосок левой груди. Другую ласкала его рука.

Бет судорожно откинула голову; из волос посыпались шпильки. Волнистый поток золотисторыжих кудрей хлынул ей на плечи. Стон страстного желания вырвался у нее из горла.

Ее пальцы скользнули к пуговицам мужской рубашки, расстегивая их нетерпеливыми, жадными движениями. Подняв удивленный взгляд, Эрнан помог сбросить с себя рубашку и швырнул ее куда-то в угол комнаты.

Бет наклонилась и провела языком по ложбинке около ключицы Эрнана. Дрожь пробежала по его телу. Прижавшись к нему, женщина ощутила напрягшуюся плоть и взглянула на Эрнана; тот смотрел на нее с невинным выражением на лице.

Что он сейчас чувствует? – подумала женщина. Думает о том, что в его объятиях должна бы находиться не она, а любимая жена?

Внезапно ей показалось, что она очутилась в середине самого холодного на Земле айсберга. Бет сжалась в руках Эрнана.

- Я не могу сделать это, – отрывисто сказала она.

- Что ты имеешь в виду?

- У нас ничего не получится.

- Почему?

- Потому что...- Она запнулась, понимая, какую боль причинит ему, если напомним сейчас о жене.

Он вперил в нее мгновенно ставший ледяным взгляд.

- Из-за мужчины, с которым ты жила? Проще всего ответить ему «да», подумала Бет. Она уже нагородила вокруг Дориана столько лжи, что еще одно вранье ничего не добавит. А им обоим будет не так больно.

- Да, – кивнула она.

Эрнан продолжал смотреть на нее, и казалось, что между ними проскакивают голубые искры разрядов, – так велико было напряжение этого мгновения. Внезапно он встал, подняв Бет за собой. Платье упало к ее ногам, на теле остался последний покров – кремовые шелковые трусики.

Она думала, что Эрнан яростно отшвырнет ее от себя. Вместо этого он схватил ее за руки и толкнул назад на кровать.

– Я предупреждал, дорогая, кто этой ночью будет в твоей постели. Я не намерен делить тебя с призраками, – хрипло проговорил он, стягивая с ее ног туфли.

Бет вдавила голову в подушку, глаза широко раскрылись от ужаса. Чего этот человек добивается? Хочет прогнать одолевающих ее воображение призраков или избавиться от своих собственных?

С растущим смятением она наблюдала за Эрнаном. Его пальцы в мгновение ока справились с застежкой брюк. Секундой позже вслед за брюками в угол полетело то небольшое, что еще оставалось на нем, и на бесконечно долгое мгновение он застыл перед нею, совершенно обнаженный.

Скажи же что-нибудь, идиотка, требовал истерзанный разум женщины. Прикажи ему остановиться. Он ничего не сделает против твоей воли.

Но ее рот почему-то не смог – не захотел? – издать ни звука, и Бет как в дурмане смотрела на склонявшегося все ближе к ней Эрнана.

Его взгляд скользнул по обнаженному женскому телу.

– Ты прекрасна... – нежно прошептал он. – Так прекрасна...

Бет закрыла глаза, а Эрнан припал к ее губам с обжигающим поцелуем – столь долгим, что она начала задыхаться. Теперь ей стало ясно – он карал ее. Карал, будучи уверенным, что она хочет другого мужчину. И, что гораздо хуже, сам желал другую женщину. Болезненные слезы набухли в ее глазах. Бет ждала, что он выразит свое разочарование тем, что не встречает ответной ласки, встанет и уйдет. Но Эрнан не сделал этого.

Помимо ее воли, рот женщины открылся шире и их языки встретились. Бет коснулась руками его тела и обняла с той же силой, с какой обнимал он. Отдаться ему безоглядно – так и только так хотела она любить его.

– Пожалуйста, Эрнан, – едва слышно прошептала она.

– Этого мало, дорогая? – медленно выговорил мужчина. – Ты хочешь большего?

– Да, да, да! – простонала она. Глаза Эрнана потемнели.

– Ты предохраняешься?

– Предохраняюсь? – как попугай повторила она.

– Я спрашиваю тебя, принимаешь ли ты противозачаточные таблетки?

Ах, вот о чем речь, дошло наконец до Бет. Она никогда даже не думала об этом. Таблетки, конечно, принимала, но они были нужны для другой цели.

Она кивнула, испытывая облегчения, оттого что снимает с Эрнана ответственность. Однако на его скулах заходили желваки. Он был чем-то недоволен.

Почему? Неужели он испытывает ревность, думая о том, что она спала с другим? Но это же смешно. С чего ему ревновать? Он же не любит ее, а просто... Просто хочет ее.

Боже! Это уже было однажды, но она не удовлетворила его как любовница. А если и в этот раз не сможет? Вопреки тому, что, очевидно, думает Эрнан, она вовсе не опытная женщина. По крайней мере, в том, что касается секса. Бет охватила паника.

- Эрнан... я не могу... Я правда не могу...

- Ты можешь, - уверенно прошептал он ей на ухо.- Это не касается больше никого. Только тебя и меня, понимаешь?

Разум Бет помутился.

- Да, но...

- Никаких «но». - Он оборвал ее протест поцелуем, и вскоре его настойчивый, ищущий язык и нежные пальцы вновь заставили ее трепетать от наслаждения. Всякие страхи и сомнения напрасны: Бет не могла думать ни о чем. Она неслась по течению и ей казалось, что с каждой секундой скорость потока увеличивается. Ее пальцы судорожными, отчаянными рывками металась по телу Эрнана.

107Чувствует ли он то же самое, что и она? - лихорадочно думала женщина. Испытывает ли такую же сладостную муку неудовлетворенного желания? Знать это было для нее очень важно. Ведь они партнеры, любовники и, куда бы ни привело их предстоящее безумное путешествие, должны достичь цели вместе.

- Эрнан, скажи...- Бет мучительно подбирала слова, - ты... Тебе так же хочется меня, как и мне тебя?

На мгновение мужчина замер и изумленно воззрился на нее. Потом, кажется, понял, что ее беспокоит.

- Боже мой! - прерывисто прорычал он. - Тебе нужны еще какие-то доказательства того, что ты довела меня до точки кипения? Ты все еще не чувствуешь?

Он обхватил Бет за бедра и прижался к ней так, чтобы не оставить ни капли сомнения в правдивости только что сказанного. Она слабо вскрикнула, когда он вошел в нее, и погрузилась в нирвану...

7

Бет проснулась от потока солнечный лучей, падавших в открытое окно. Занавески так и остались незадернутыми со вчерашнего вечера. Примятая подушка рядом с ней давно остыла.

От одного ее вида у Бет пересохло во рту. Разрозненные образы заплясали в ее мозгу, превращая минувшую ночь в путаную смесь реального и воображаемого.

В одном она была уверена: это был не сон. Непривычные ощущения в паху убеждали ее в этом. Бет опустила голову и ощупала себя, а потом натянула на голову простыню и застыла.

Неужели трепещущей, стонущей женщиной в объятиях Эрнана сегодня ночью была она? А какой стон удовольствия издал он, когда излил себя в нее!

Несмотря на все опасения, сладость того момента заставила ее глаза наполниться слезами радости. Теперь она знала, что Эрнан доволен ее способностью и доставлять, и получать удовольствие.

Ей хотелось немедленно, сейчас же поделиться с ним своим счастьем, но Эрнан, очевидно, ушел ранним утром, скорее всего, до рассвета. Она ощутила вонзающееся в нее жало острого разочарования. Почему он, уходя, не разбудил ее?

Что за идиотский вопрос! Краска прилила к ее лицу, когда Бет вспомнила свои издевательские насмешки над Эрнаном перед тем, как они вошли в номер. Уже тогда ее переполняло отвращение к себе, а сейчас она чувствовала себя просто мерзкой негодницей.

Но он же не поверил ее словам! Не поверил и именно поэтому не ушел. Неужели он так уверен в ней? Мучительные мысли не оставляли Бет, снова и снова заставляя ее переживать стыд и повергая в смятение.

Необходимо серьезно поговорить с ним.

А что она ему скажет? Что нагородила кучу лжи, что на самом деле у нее не было любовников? С чего бы Эрнан должен слушать такие признания? Он же сказал, что они всего лишь взрослые мужчина и женщина, когда-то проводившие вместе ночь. Зачем ему более серьезные отношения?

И потом, минувшая ночь вовсе не походила на ночь пятилетней давности. Тогда она думала, что он любит ее, а сейчас знает, что это не так. Он потерял женщину, которую действительно любил, женщину, которая была его женой.

Грустно нахмурившись, Бет встала и пошла в ванную. Она долго стояла под душем безуспешно пытаясь размотать плотный клубок противоречий. Какая-то часть существа безумно радовалась захлестывающему ее ощущению женственности, ранее совсем неизвестному. Другая часть требовала бесследно смыть все следы минувшей ночи. Каждая вспышка солнечной радости гасилась мрачным осознанием того, что Эрнан ушел, не сказав ни слова, даже не оставив записки. Опять отвергнута? Она гнала от себя эту мысль, но та вновь и вновь возвращалась.

А может, он оставил записку у портье на первом этаже?

В мгновение ока она вытерлась, натянула джинсы и белую с голубым майку и, сунув ноги в легкие кожаные туфли, выбежала из номера. Заперев дверь, сбежала по лестнице, прыгая через две ступеньки.

- Нет ли для меня сообщений?- спросила она.

Когда администраторша протянула ей листок, сердце Бет запрыгало от радости. Однако послание оказалось телефонограммой от Дориана. Он сообщал, что за время ее отсутствия в квартире появилась кое-какая новая мебель – свадебные подарки от друзей.

Бет тщательно перегнула записку, потом еще раз. После того как Дориан и Элисон попросили разрешения использовать квартиру для временного хранения их свадебных подарков, она стала походить то ли на склад мебели, то ли на посудный магазин. Но сейчас Бет могла думать

только об Эрнана – о том, как он тихо ушел, не имея, очевидно, дальнейших намерений поддерживать с ней отношения.

- А нет ли второй записки? – спросила она без всякой надежды...

Женщина с готовностью проверила папку с бумагами.

- Нет, сеньора. – И она, извиняясь, развела руками.

В какой-нибудь иной день рецепты о том, как в Андалусии готовят овощные салаты и фруктовые муссы, могло бы привлечь внимание Бет. Но сегодня она едва дождалась окончания утренних занятий. Ей не терпелось еще раз проверить у портье, не ждет ли ее сообщение от Эрнана.

Однако она снова была горько разочарована. Нет, для сеньоры нет записки. И по телефону ей тоже ничего не передавали.

Сердце сжалось от обиды и боли. Ночью Эрнан хотел ее, но это желание было вызвано злостью – и ничем иным. Она задела его гордость своими жестокими словами, а он использовал против нее еще более мощное оружие – ее собственное желание. Если между ними было сражение, испанец победил. Похоже, что эта победа – все, чего он на самом деле добивался.

Что же делать, если Эрнан и впрямь не собирается общаться с ней? Она может поступить так, как когда-то, – поверить в худшее и бежать из Испании, не посмев встретиться с ним. А может пойти и посмотреть ему в глаза.

А почему бы и нет? Сейчас не девятнадцатый век. И женщине не пристало безропотно ждать, пока мужчина все решит за нее. Если она хочет увидеть Эрнана и поговорить с ним, почему бы ей так и не поступить? У нее нет никаких причин покорно дожидаться звонка или записки от него.

Бет решила действовать немедленно.

- Не могли бы вы вызвать мне такси? – попросила она администратора. Если уж намерена что-то предпринять, то действовать надо немедленно, пока смелость не покинула ее.

День был замечательным: яркое солнце сверкало на синем небе, дымка нагретого воздуха поднималась над пологими зелеными холмами, покрытыми оливковыми рощами, цитрусовыми садами и виноградниками.

Окрестности Сан-Рокес показались еще прекраснее, чем раньше. Когда такси свернуло на подъездную дорогу и вилла открылась перед Бет во всем своем великолепии, она тихо вздохнула от нахлынувших на нее воспоминаний.

Машина въехала в покрытый гравием внутренний двор, и Бет сразу же увидела «ситроен» Эрнана. Значит, хозяин дома, подумала она с опаской, но, конечно, не ждет ее. Оставалось лишь гадать, как он отреагирует на ее появление. Будет ли польщен или, напротив, разгневан приездом незваной гостьи? Наверное, ей все-таки следовало позвонить и спросить, удобно ли наносить визит... Ну, хватит, оборвала она себя. Этот мужчина прошлой ночью держал ее в своих объятиях... Смешно нервничать из-за того, что предстоит новая встреча. Внутри у Бет все сжалось в тугий узел. Если она сейчас же не выйдет из машины, то может сделать глупость – попросит таксиста развернуться и отвезти ее назад в отель.

Бет быстро расплатилась и вышла из машины; проводила взглядом такси, повернулась к дому. Она сразу же заметила маленького мальчика, который увлеченно наполнял пластмассовое ведерко яркими кусочками гравия. По пути к входной двери она остановилась, чтобы поздороваться с малышом, подумав, что ей редко приходилось видеть таких красивых детей. У него были черные шелковистые волосы и огромные сияющие глаза. Он важно посмотрел на женщину и улыбнулся так ослепительно, что улыбка была похожа на солнце, прорвавшееся сумрачным февральским днем сквозь нью-йоркские тучи. Бет улыбнулась в ответ.

Где-то близко раздались голоса. Гостя повернула голову, и улыбка сползла с ее лица. Из-за угла здания вышел Эрнан, за ним шла молодая женщина. Боже милостивый! Как же он красив! Хозяин был одет по-домашнему – в выцветшие джинсы и белую майку, туго обтягивающую его мускулистую грудь. Темные волосы в полном беспорядке, словно их только что взъерошили, лицо непроницаемо.

Бет сглотнула комок, неожиданно осознав никчемность своего визита. Эрнан был не столько удивлен, сколько неприятно поражен ее появлением. Он что-то сказал сопровождавшей его женщине, которая тут же позвала ребенка. Мальчик смешно протопал к ней, она взяла его за руку, и они ушли внутрь здания.

Бет пыталась улыбнуться, хотя губы внезапно стали непослушными. Волна отчаяния захлестнула ее. Он не хочет меня видеть, шокирован моим появлением – явилась, видите ли, будто только ее и ждали!

Она знала, что должна сказать хоть что-нибудь, но не могла даже вспомнить, что же, собственно, собиралась сказать.

- Он очарователен, правда? – наконец выдавила она из себя с фальшивой улыбкой, показывая рукой вслед малышу.

Эрнан не сказал ни слова, не сделал шага навстречу. Он даже не шелохнулся. Господи, подумала Бет, слабея под его уже нескрываемо враждебным взглядом, зачем я приехала?

- Он сын этой женщины? – не придумав ничего лучшего, спросила она и собственный голос показался ей чужим.

- Нет, – наконец произнес Эрнан. – Это мой сын.

Бет пошатнулась, словно получила удар по голове бейсбольной битой. «Это мой сын». Сын Эрнана... Сын Эрнана, бились в ее голове слова. Этого не может быть! А зачем ему лгать! У него нет причин для лжи.

Она прижала руку ко рту, повернулась и побежала, не зная, куда бежит. Реакция была подсознательной. Так поступает дикое животное, почувствовав опасность: просто бежит, чтобы спастись.

Бет промчалась по дорожке в гущу деревьев. Она слышала шаги Эрнана у себя за спиной, слышала его голос, требующий остановиться, но продолжала бежать. Наконец он догнал ее, схватил за плечи и, задержав, резко развернул лицом к себе.

Они смотрели друг на друга, тяжело переводя дыхание. Это длилось вечность. Молчание прервал Эрнан:

- Что тебе нужно в моем доме?

- Почему ты не сказал мне, что у тебя есть сын? - в отчаянии выкрикнула Бет.

- Отвечай на вопрос.

- Нет, это ты отвечай. Зачем все скрывать от меня? - взорвалась Бет.

Лицо Эрнана ожесточилось.

- Существование Хуана тебя не касается. Мои семейные дела не имеют никакого отношения к тому, что было между нами.

Вот к этому Бет не была готова. Она предполагала, что Эрнан, быть может, раздосадован ее неожиданным появлением, что его холодность объясняется теми гадостями, которые она наговорила ему вчера. Но никак не ожидала, что он будет чудовищно безразличен к ее чувствам.

- Как ты можешь говорить так? - срывающимся голосом спросила она. - Твоя скрытность оскорбительна. Она похожа на ложь.

Эрнан посмотрел на нее тяжелым, злым взглядом.

- Прошлой ночью мы с тобой переспали. И все, - ответил он с ухмылкой. - То, что было, не дает никому из нас прав на личную жизнь другого.

От этих жестоких слов краска сбежала с лица Бет. Переспали! И это все, чем была для него минувшая ночь?

- По крайней мере, мы могли бы рассчитывать на честность друг друга, - ответила она, пытаясь держать себя с достоинством.

- Честность? - Эрнан буравил ее взглядом. - Я готов согласиться. И знаешь, я никогда не лгал тебе.

- Но ты сохранил в тайне существование своего сына. Почему? - Бет, не стесняясь, подняла к глазам руки и смахнула слезы.

- Это вовсе не было тайной. Просто я не хотел говорить с тобой об этом обстоятельстве.

Это что - попытка успокоить ее? Сын для него «обстоятельство», о котором говорить с ней у Эрнана не было причин? Едва ли он мог более ясно продемонстрировать, какое ничтожное место она занимает в его жизни. Слезы вновь навернулись на ее глаза.

- Перестань плакать! - повысил Эрнан голос.

Бет отвернулась, пытаясь овладеть собой.

- Я не плачу, - соврала она.

- Зачем ты приехала? - жестко спросил он.

Все заранее заготовленные фразы внезапно оказались лишними. Ему вовсе не интересно узнать правду о Дориане. Его это уже не интересует.

- Хотела увидеть тебя, но вижу, что мне не следовало приезжать, - дрожащим голосом

ответила Бет. – Я ошиблась. Теперь понимаю это. И, пожалуйста, не беспокойся, долго я здесь не задержусь.

Она попыталась повернуться и уйти, но Эрнан схватил ее за руку и снова заставил смотреть ему в лицо.

– И все-таки ты не сказала, зачем приехала.

– Разве это не понятно? Я хотела поговорить с тобой, – ответила Бет, стараясь освободить руку. – Ты ушел и даже не оставил записки... Не попросил ничего передать мне...

Брови Эрнана поползли вверх, резко очерченный рот скривился:

– Благодарственную, что ли, записку?

Я должен был выразить глубочайшую признательность за то, что мне позволено занять место твоего любовника? Кажется, его отсутствие вызвало у тебя сексуальный срыв? – Он бросил ей в лицо ее собственные слова, и все же это было слишком жестоко. Издевка была столь непереносимой, что Бет замахнулась, почти предвкушая звук пощечины, но Эрнан без видимых усилий перехватил ее руку. – Почему же так зло, миленькая? При свете дня эти слова тебя уже не устраивают?

– Они не устраивают меня ни днем, ни ночь, – отрезала Бет.

– И тем не менее я ясно помню, как сегодня ночью ты заявила мне, что страдаешь именно из-за этого, – с издевкой произнес Эрнан.

Боже, неужели он поверил ее словам? И поэтому так жесток?

– Я ведь объяснила тебе, что это неправда, – возмутилась Бет. – Я же сказала, что Дориан никогда не был моим любовником. И мы даже не живем больше вместе.

– Не живете?

– Нет! – Бет с упреком развела руками и тут же в отчаянии прижала их к груди. – Прошу тебя, Эрнан, послушай. Ночью я сказала кое-что, но это не было правдой. Я все придумала, наврала. Но не потому, что хотела обмануть тебя. Все произошло так быстро, что я запаниковала. Можешь ты понять это? Теперь-то ты знаешь, что я хотела, чтобы ты... чтобы ты любил меня. Мне казалось, что мы оба хотим этого, что мы оба желаем насладиться...

Глаза Эрнана чуть потеплели, и Бет показалось, что она пробила его броню, но лицо его оставалось холодным и непроницаемым.

– Я наслаждался. Я был вполне удовлетворен, – сардонически усмехнулся он. – В моих объятиях ты была отзывчивой и горячей. Чего еще может хотеть мужчина?

Удовлетворен! Это слово прозвучало в его устах так, словно он обсуждал хороший обед в ресторане. Словно все, что они делали, было лишь насыщением утробы. Может, она и лгала насчет своих сексуальных запросов, но как насчет его аналогичных запросов? Возможно, он все еще скорбит о своей жене, но скорбь вовсе не подавила его желания. Он знает, что привлекателен и сексапилен, и пользуется этим. Сколько женщин было у него после смерти жены? А что, если ни одной? Может быть, прошлой ночью ему просто представилась возможность удовлетворить примитивную мужскую потребность? Вот чем, наверное, все было

для него.

- Если бы я сюда не приехала, ты бы не стал разыскивать меня, правда? - поинтересовалась Бет.

- Нет, - ответил он отрывисто. - В этом не было смысла.

Бет вздохнула. Господи! Он не собирался вновь встретиться с ней! Именно это только что и сказал. Он хотел, чтобы она сейчас подобру-поздорову ушла из его дома и из его жизни. Ну так и убирайся отсюда, дура, сказала себе Бет, пока твоя гордость не втоптана в грязь окончательно.

- Да, я тоже так считаю, - согласилась она, с трудом сдерживая яростную обиду. Потом подняла голову и спросила, стараясь сохранять достоинство: - Я надеюсь, тебя не затруднит вызвать сюда такси?

- В такси нет необходимости. Я отвезу тебя.

- Я предпочитаю такси.

- Ну нет, отвезу. Я чувствую, что еще не расплатился.

Бет закусила до боли губу. Он что же, считает, что ему оказана платная услуга? Вряд ли что-нибудь заставило бы ее почувствовать себя более униженной.

8

О том, что сегодня нет ни лекций, ни занятий, Бет вспомнила, только когда встала и оделась. Этот день был запланирован полностью свободным, чтобы дать участникам курсов возможность провести его так, как им захочется: в прогулках по городу, в покупках или просто в отдыхе на пляже.

Бет не хотелось ни того, ни другого, ни третьего. В сущности, если бы она уже не встала, скорее всего, провела бы весь день в постели, задернув занавески и уткнувшись лицом в подушку.

Болезненная улыбка искривила уголки ее рта. Вряд ли затворничество так уж комфортно - подушка все еще мокра от слез, пролитых вчера.

Ей было больно вспоминать о вчерашней встрече с Эрнаном. Она с трудом могла поверить в то, насколько холодно и даже жестоко он обошелся с ней. Что довело его до такой крайности - уж не чувство ли вины? Может, считал, что, переспав с ней, каким-то образом предал память жены, которую любил? Но если он чувствовал себя виноватым, то почему не остановился? У него было время для этого - ему пришлось преодолеть и ее слезы, и сопротивление. Не могли же ее издевки так завести его!

Жестом отчаяния Бет прижала руки к лицу. Так много вопросов и так мало ответов. Почему она не прислушалась к доводам разума и пустила Эрнана к себе в постель? Ведь с самого начала знала, что это принесет ей только несчастье. Возможно, она ошибалась в причинах, но оказалась права в том, что касалось результата.

Бет закрыла глаза, прогоняя мучительные видения. Ей следует чем-нибудь заняться. Чем

угодно. Просто чтобы не сойти с ума от бесплодных размышлений.

В конце концов она решила, подобно остальным участникам курсов, отправиться в город и купить какие-нибудь мелочи в подарок друзьям. В Нью-Йорке она почти не ходила по магазинам и редко бывала в салонах одежды. С нее хватало памяти о годах детства и юности, когда приходилось таскаться за матерью из одного модного магазина в другой, еще более модный. Но была некая разница – все же не часто у нее выдавалась возможность поискать что-нибудь в магазинах европейских городов, а тем более такого своеобразного, как Малага. ...Бет бродила по маленьким улочкам, где были сосредоточены сувенирные лавки и магазинчики с товарами национального испанского быта. Она заставляла себя рассматривать выставленные в витринах ткани, модели одежды, изделия из кожи, но сердце ее было совсем в другом месте. Сделав все же несколько покупок и устав, она стала высматривать какое-нибудь уличное кафе.

- Элизабет? Элизабет Харди? Это вы, не так ли?

Бет повернулась и взглянула в глаза женщины, которую узнала мгновенно, несмотря на то что не видела ее уже семь лет – со дня похорон отца. Он когда-то ушел к этой дамочке.

- Да, это я, – холодно ответила Бет. – А вы – Хелен. Все еще Харди или вы опять вышли замуж?

Женщина нахмурилась, и Бет моментально стало стыдно за свое едкое замечание.

- Да, я по-прежнему Хелен Харди, – слегка улыбаясь, ответила она. – И я никогда не выйду замуж. – На ее лице появилось грустное выражение. – Что привело вас в Малагу? Должна признаться, что была удивлена, увидев вас.

Бет рассказала о кулинарных курсах и своей работе в журнале.

- Ваш отец очень гордился бы вами, – сказала Хелен. – Знаете, он всегда так много говорил о вашем интересе к кулинарии. Как бы я хотела, чтобы он дожил до сегодняшнего дня и порадовался вашей карьере.

Бет была поражена. Она никогда и не подозревала, что отец проявлял какой-либо интерес к ее увлечениям, не говоря уже о том, что мог бы одобрить ее выбор карьеры.

- У вас есть время на чашку кофе? – спросила Хелен. – Мы могли бы поболтать.

Пять минут спустя женщины сидели в маленьком открытом кафе с чашечками кофе по-арабски.

- А что вы делаете в Малаге? – запоздало поинтересовалась Бет. – Вы в отпуске?

- Боже упаси, нет. Я живу здесь.

- Живете здесь?

- Ну да. Я работаю переводчиком в туристическом бюро «Андалусия».

Бет была удивлена тем, что у Хелен такая интересная работа. Когда отец женился на ней, Бет сознательно отказывалась знать о ней больше, чем было необходимо для коротких разговоров во время редких встреч. Она никогда не интересовалась работой Хелен. А судя по ее манерам и облику, эта женщина не привыкла работать.

- Звучит захватывающе, – сказала Бет, стараясь скрыть свое изумление. – И как давно вы

живете здесь?

Лицо Хелен омрачилось.

- Уже почти семь лет. Я переехала сюда вскоре после смерти вашего отца. Хотелось уехать подальше... от воспоминаний, вы понимаете меня?

Бет почувствовала укор совести. Она ни разу не попыталась связаться с Хелен после похорон. Мысли о вдове просто не нашлось места рядом с болью от смерти отца. К тому же эта женщина не вызвала симпатий у Бет. Она просто не могла поверить, что отец бросил ее красивую мать ради столь невыразительной особы.

- Как дела у вашей матушки?

Бет была поражена - в голосе Хелен не было и намека на злорадство. Синди никогда не смогла бы говорить о сопернице так спокойно.

- У нее все хорошо, - чуть запнувшись, ответила Бет.

- Я рада за нее. Я знаю, что она была страшно уязвлена тем, что муж оставил ее. И я радовалась, когда она вышла замуж второй раз. И ваш отец тоже. Он чувствовал себя страшно виноватым.

- Правда? - Бет вспомнила короткое извинение отца. Тогда он вовсе не казался виноватым.

- Конечно же. Настолько виноватым, что, я думаю, он даже не смог толком объясниться с вами. Он должен был сделать это, собирался поговорить с вами, но...- Голос Хелен едва заметно дрогнул. Она ссутулилась. - Наверное, это урок всем нам. Никогда нельзя откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. И особенно если это касается людей, которых ты любишь.

- Он л-любил меня? - чуть дрогнувшим голосом спросила Бет.

Хелен выглядела неподдельно удивленной.

- Господи, милочка, ну конечно же - да! Да вы, наверное, и так ни на секунду не сомневались в этом. Он никогда не хотел уходить от вас, и только моя болезнь вынудила его решиться на это.

Бет непонимающе вскинула брови.

- Болезнь?

- Да, болезнь, - вздохнула Хелен. - У меня была опухоль мозга, и прогнозы врачей были совсем неутешительными. Они говорили, что мне осталось от силы полгода. И ваш отец оказался перед тяжелым выбором - я или его прежняя семья. Конечно, я умоляла его не уходить из семьи, но он считал, что должен быть со мной, говорил, что за все годы нашего знакомства я никогда не предъявляла ему никаких требований, и поэтому он должен служить мне опорой, раз я так тяжело больна.

Бет слушала в изумлении. Несколько лет? Она никогда не думала, что ее отец и Хелен знали друг друга так давно.

- Продолжайте, прошу вас, - с трудом выговорила она.

- А больше особо и нечего рассказывать. Как вы знаете, уход вашего отца причинил боль и принес много горечи всем - в том числе и ему самому. Тогда он был встревожен и обеспокоен моим состоянием и поэтому не смог объясниться с вами. Потом, вопреки всему, я поправилась. Никто не ожидал этого, и меньше всего муж и я сама. Естественно, мы просто с ума сходили от радости, но ваш отец чувствовал себя еще более виноватым перед вами. Он считал, что вы презираете его.

- Презираю? - вскрикнула Бет с мукой в голосе.- Да ведь я очень любила его! Я думала, что он ушел потому, что разочаровался во мне...

Взгляд Хелен был теплым, сочувственным.

- Ну, это уж точно неправда. Ваш отец очень гордился вами. И сегодня он был бы очень польщен, увидев вас - такую красивую и уверенную в себе.

Бет покраснела. Она вовсе не чувствовала себя красивой и уж точно не ощущала уверенности в себе, особенно в последние дни.

- Вы же и впрямь такая, - быстро заговорила Хелен, увидев заливший щеки Бет румянец. - Вы всегда были хорошенькой девочкой, а теперь стали красивой женщиной. Я даже не была до конца уверена, что это вы, когда сегодня увидела вас на улице. Черты лица как будто остались теми же... И в то же время вы стали другой, более зрелой.

Бет знала, как она выглядит сейчас. Не так, как неделю назад, не говоря уже о годах. Это с ней сотворила любовь к Эрнану.

Хелен взглянула на часы.

- Боюсь, мне уже пора идти. Через пятнадцать минут мне нужно быть на работе. Вы еще долго будете в Испании?

Сердце Бет затрепетало. Не слишком долго. Чем меньше, тем лучше.

- Всего несколько дней, - ответила она. Хелен нацарапала несколько строчек на клочке бумаги.

- Вот мой адрес и номер телефона. Я буду рада еще раз встретиться с вами. Какая жалость, что мы никогда по-настоящему не знали друг друга...

Бет смотрела вслед медленно удалявшейся Хелен и думала, что та права. Десять лет назад эта женщина вызвала у ее неприязнь и даже ненависть. Ведь она лишила ее отца. Но сейчас Бет понимала, насколько изматывающей была для него, человека интеллигентного, тонкого, жизнь с ее матерью, женщиной, чьи интересы крутились вокруг нарядов и собственной внешности. Между ними было так мало настоящего взаимопонимания - так удивительно ли, что отец ушел к Хелен.

Конечно же, Бет любила мать, но вовсе не закрывала глаза на ее недостатки. И сейчас она наконец поняла, как несовместимы были родители, и ушел отец не потому, что хотел наказать дочь за какой-то ужасный поступок.

Он не разочаровался в ней, наоборот, гордился ею, любил ее. Если бы только он все объяснил, рассказал о болезни Хелен и причинах своего ухода... Если бы они поговорили, она сказала бы ему о том, как сильно его любит. Конечно, это не повлияло бы на его решение уйти, но

изменило бы ее взгляд на многие вещи.

И тогда, во время первой встречи с Эрнаном, конечно же, она не была бы такой пугливой, ранимой. Возможно, даже нашла бы в себе смелость объясниться с ним, бороться за него и не признала бы свое поражение так смиренно.

Погрузившись мыслями в прошлое, Бет почти перестала обращать внимание на происходящее вокруг нее. У входа в гостиницу она едва не столкнулась с кем-то, выходящим из отеля.

Сильные руки легли на ее плечи, и всплеск тепла, который они мгновенно ощутили, безошибочно дал понять, на кого она чуть было не налетела. Эрнан!

Бет понимала, что его присутствие здесь вполне естественно. Ведь он хозяин гостиницы. Но это не смогло смягчить шок, который она испытала от одного лишь взгляда испанца.

- Привет, Эрнан.

- Привет.

Его руки по-прежнему лежали на плечах Бет; казалось, на ее коже навеки сохранятся отпечатки его пальцев. Он был одет в те же выцветшие джинсы, что и вчера, и свежую белую тенниску. Его подтянутая фигура была невероятно притягательной, и Бет почувствовала магнетическую силу мужчины.

- Извини.- Она двинулась было к дверям, наклонив голову, чтобы он не увидел внезапно выступившие на глазах слезы.

Эрнан загородил ей дорогу.

- Я вижу, ты ходила по магазинам. - Он взглянул на пакеты в ее руках.

- Да, - сухо ответила Бет, услышав в его голосе знакомые нотки издевки. А что бы он хотел? Чтобы она сидела в своей комнате и занималась самоуничижением?

- Искала себе приданое?

Глаза ее расширились от такого издевательского обращения с ней. Какое же извращенное наслаждение он, должно быть, испытывал, бросая упрек.

- Не кажется ли тебе, что разговоры о приданом несколько преждевременны, поскольку я еще не помолвлена? - стиснув зубы, проговорила она.

- Не более преждевременные, чем поступки твоих друзей, уже присылающих тебе свадебные подарки.

Бет уставилась на Эрнана в неподдельном изумлении.

- Не понимаю, о чем ты говоришь.

- Ты не получила сообщение от твоего жениха?

- Какого жениха? Какое сообщение?

- Да от Дориана, милочка, который и есть твой жених. От мужчины, с которым, как ты

утверждала, больше не живешь вместе, – прорычал Эрнан.

Потрясенная его злобным голосом, Бет отшатнулась. Она силилась понять смысл услышанных слов.

– Это просто смешно. Дориан не жених мне. Он женится на другой женщине.

– И поэтому шлет сообщения о свадебных подарках, которые доставляют к тебе на квартиру?

Сообщения? Свадебные подарки? Внезапно Бет с полной ясностью поняла, что произошло. Должно быть, Эрнан вчера увидел записку с сообщением от Дориана и подумал, что они намерены пожениться. Боже, какое безумие!

– Стораешь от любопытства?! – огрызнулась Бет. – Так вот, еще недавно мы снимали квартиру вместе. А теперь он использует ее для хранения подарков ему и невесте.

Эрнан потряс головой и попытался причесать волосы растопыренными пальцами.

– Что? Что ты сказала? Ты не помолвлена с ним?

– Ну конечно же нет!

Неужели он действительно считал ее способной лечь с ним в постель, полагая, что она невеста?

Его слова тут же доказали, что именно так он и думал.

– Когда я увидел записку, то решил...

– Решил, что я врала тебе насчет отношений с Дорианом. Ты вбил себе в голову то, чего нет на самом деле. И даже не дал мне возможности объясниться.

– Мне казалось, что это не требует объяснений.

– Низкий ты человек! – выпалила Бет. – Ты просто сразу пришел к выводу, что я – одна из тех женщин, которые могут предать своего жениха, отправившись в постель с другим мужчиной. Это... Это омерзительно!

Глаза Бет наполнились слезами обиды. Она оттолкнула удерживавшую дверь руку Эрнана и вновь попыталась войти в вестибюль, но испанец мгновенно схватил ее за плечо.

– Дай мне, по крайней мере, возможность объяснить тебе...

– Так же, как ты дал ее мне? Лицо Эрнана окаменело.

– Я не дам тебе уйти, пока ты не выслушаешь.

Схватив Бет за руку, он двинулся через вращающиеся двери внутрь отеля. В дальнем конце холла Эрнан подвел ее к своему кабинету и втолкнул в него. Заперев дверь на ключ, сунул его в карман. Женщина оказалась в ловушке.

– Разве в Испании похищение не считается преступлением? – спросила она. Голос ее был тверд, но глаза лихорадочно метались по комнате в поисках выхода. Сколько понадобится времени, чтобы выпрыгнуть в окно? Слишком много. Эрнан схватит ее еще до того, как она

успеет открыть его.

- Это не преступление, поскольку оно не сопровождается вымогательством денег. Я требую всего лишь несколько минут твоего внимания, - холодно заявил он и, встав рядом с пленницей, положил ей руки на плечи. - Бет, пожалуйста, выслушай меня. Вчера я вел себя не слишком хорошо...

Она вывернулась из его рук.

- Не слишком хорошо? Да ты вел себя со мной так, будто я последняя шлюха!

Его глаза потемнели.

- Бог мой! Не говори так!

- Почему? Это правда! Ты ушел и не оставил даже записки. А сколько гадостей наговорил на вилле!

- Неужели ты подумала, что после всего, что у нас с тобой было, я могу бросить тебя? Я хотел написать записку и вдруг увидел, что для тебя прибыло сообщение из Нью-Йорка от этого самого Дориана.

Значит, их близость не была для него развлечением на одну ночь?! Сердце Бет дрогнуло, но она быстро справилась с этой льстящей ее самолюбия мыслью. Что бы он ни думал, какое это имеет значение?

- И ты сделал свои выводы, даже не поговорив со мной? Ты готов подумать обо мне самое худшее. Вот этого я не понимаю.

Рот Эрнана сжался в тонкую линию.

- Есть очень много вещей, которых тебе не понять. Особенно из того, что случилось в моей жизни в последние пять лет.

Бет посмотрела на него полным укора взглядом.

- Что я могу понять, если ты ничего не рассказываешь о себе? Увиливаешь каждый раз, когда я завожу разговор о твоей семье. Ты даже не сказал мне, что у тебя есть сын!

Эрнан покачал головой:

- Это не секрет. Я собирался сказать тебе об этом.

- Собирался? Или это было одним из тех секретов твоей жизни, которые меня не касаются? - ядовито осведомилась она.

- В моей жизни было кое-что, о чем неприятно вспоминать...

- Я знаю, смерть твоей жены...- осторожно заметила Бет и осеклась, увидев боль в глазах Эрнана.

Он повернулся к окну и, помолчав какое-то время, заговорил:

- Нет, не это. Я думаю об интрижках моей жены. Во время нашего брака у Паолы было

несколько романов...

Бет ошеломленно замерла: не ослышалась ли она?

- Жена была неверна?

- Ты говоришь так, будто тебе в это трудно поверить.

- Да, конечно, - призналась она, с трудом представляя женщину, которая была неверной женой Эрнану.

А тот продолжал:

- Наш брак продлился два года, и в течение этих лет у Паолы был не один любовник. Если не веришь, это могут подтвердить другие. Жена не особенно скрывала свои связи.

- Я не то чтобы не верю тебе... но почему? - пробормотала Бет, все еще пораженная тем, что узнала. Эрнан намекал не раз и не два, что не все было благополучно в его семье, но, увидев вчера прелестного ребенка, она подумала, что ошибалась и брак был счастливым и надежным.

А Эрнан смотрел ей в лицо.

- Причины нашего разлада с женой тебе понятны. Но ты должна уяснить другое. Разве странной была моя реакция на то, что ты спишь со мной, имея обязательства перед другим мужчиной? Любые события оставляют свой след, но некоторые переживания ранят больше других. Я представил на твоём месте жену и провел параллель между твоей и её неверностью. Ты понимаешь это?

Конечно, она понимала. Кто мог бы понять лучше? Как можно не согласиться с тем, что сказал ей сейчас Эрнан?

Она тяжело вздохнула:

- Я тебе объяснила, что никому не изменяла.

Не сводя с неё глаз, Эрнан удовлетворенно кивнул:

- Очень хорошо. Мне хотелось одного - чтобы ты поняла мою вчерашнюю реакцию. Я надеюсь, что если поймешь, то сможешь и простить.

Сердце Бет дрогнуло. Она шагнула к Эрнану и была готова коснуться его плеча, сказать, что все понимает, но не успела. Он властно обнял ее.

- Может быть, нам стоит начать все сначала? Теперь у нас нет секретов друг от друга.

Она кивнула, стараясь спрятать слезы.

- Да, давай начнем сначала.

Его поцелуй был долгим и крепким, и Бет с жаром ответила на него. Неожиданно Эрнан посмотрел на часы:

- Я обещал сыну устроить прогулку. Хочешь поехать с нами?

Бет кивнула, чувствуя себя счастливой.

Через час Эрнан привез ее и сына к песчаному пляжу неподалеку от виллы Сан-Рокес. Единственными признаками цивилизации здесь были площадки для пикников и редкие скамейки под кронами хвойных деревьев, обрамлявших берег.

К облегчению Бет, малыш воспринял ее присутствие с радостью, улыбался ей широкой улыбкой – такой же, как вчера. Сердце женщины сжималось от сознания того, что такой маленький мальчик растет без матери.

Была ли Паола лучшей матерью, чем женой? Этот вопрос не давал покоя Бет. Но разве ей можно выступать в роли судьи? Она не знала Паолу и не могла полагаться на ту скудную информацию, что дал Эрнан. А ей хотелось бы знать больше, чтобы понять этого человека лучше. Но не станет ли он более скрытным, если проявлять к его жизни неумеренный интерес?

Надо наслаждаться сегодняшним днем, твердо решила Бет. Она рядом с Эрнаном. Разве этого мало? Надо довольствоваться тем, что есть сегодня, и не заглядывать слишком далеко в будущее.

- Поиграем в футбол! – потребовал Хуан, вытаскивая футбольный мяч.

Бет засмеялась и объяснила, что она плохо играет в эту игру.

Не жалуйся. Зато ты умеешь хорошо делать другое, – пробормотал Эрнан \ уставился оценивающим взглядом на ее фигуру в бикини. Румянец разлился по щекам Бет. В гостинице она в спешке натянула слишком смелый купальник, которым никогда не пользовалась, и не ожидала, что он будет так обнажать грудь и бедра.

- Мне нравится, что ты краснеешь, – засмеялся Эрнан.

- Да? Почему?

- Я чувствую себя мужчиной, пробудившим в тебе женщину.

- Так оно и есть, – еще больше смутилась она.

Почти два часа они втроем строили песчаные замки, собирали ракушки, играли в футбол и плескались в воде. Эрнан был точно таким отцом, каким его представляла себе Бет: нежным, внимательным, любящим. Она наблюдала, как он гладит Хуана по голове, как с ним разговаривает, объясняет ему непонятное, смешит его. А ведь она могла быть матерью его детей, и ей было грустно, что мальчишка – сын другой женщины.

Набегавшись и накупавшись, они вернулись на свое место и с комфортом устроились на ковриках для пикника.

Пикник по-испански, как быстро поняла Бет, не похож на американский. Здесь не было ни бутербродов, ни гамбургеров, ни фляжек с кофе. Если бы они обедали в лучшем испанском ресторане, вряд ли стол был бы лучшим.

Эрнан устроил просто пир, выложив на тарелки кусочки телятины, ветчины и сыра, пирожки с грибами и зеленью, разнообразные салаты. Была и паэлья, приготовленная из десятков ингредиентов – риса, различных сортов мяса, всевозможных овощей и специй. И на десерт –

банановый пудинг и мусс из персиков и абрикосов.

Малыш пил ананасовый сок, а взрослые – легкое игристое вино.

- Сколько было Хуану, когда умерла его мать? – тихо спросила Бет.

Взглянув на сына, Эрнан так же тихо ответил:

- Всего восемнадцать месяцев.

- Как же ты справляешься? Я имею в виду его воспитание.

- У него есть няня. Мария... та женщина, которую ты видела вчера.

- Хуан, кажется, очень к ней привязан, – сказала Бет, вспомнив, как охотно побежал малыш к няне, когда она его позвала.

- Да. К сожалению, Мария скоро уезжает. У нее близкие родственники в Мексике. Мне нужно подыскать замену.

- А это сложно?

Эрнан пожал плечами.

- Да, приходится побегать, прежде чем найдешь подходящего человека.

И сколько же раз приходилось это делать? – задумалась Бет. Хуану не больше трех с половиной лет. Значит, у него была не одна няня после смерти матери.

Малыш закончил есть, лег на коврик под деревом и быстро уснул, раскинув загорелые ручонки. Пухленький спящий ребенок был олицетворением покоя и безмятежности.

Несколько минут Бет смотрела на него, чувствуя, что ее сердце уже тянется к нему. Какое милое дитя. Его так легко полюбить... Так же легко, как и отца. Мысль была внезапной, как молния, и молодая женщина отвела взгляд. Господи! О чем она думает? Пять лет борется с любовью к этому мужчине и не может все забыть в один момент. Конечно, она испытывает к нему какие-то чувства, но он-то не любит ее. И никогда не любил. Иначе не женился бы на другой.

Она печально уставилась на море.

- О чем ты думаешь? – прервал ее раздумья Эрнан.

Бет встрепенулась. Импровизируй, быстро! – приказала она себе.

- О том, что я буду делать, когда вернусь в Нью-Йорк, – солгала она, страшась самой мысли о том, что в конце недели ей придется уезжать.

- И что ты собираешься делать?

- У меня осталась пара недель отпуска. Мне нужно будет подыскать себе квартиру, – сказала она нарочито небрежным тоном.

- Ты переезжаешь?

Она кивнула.

- Квартира, в которой я живу, будет продана. Она принадлежит Дориану, а после его женитьбы я, естественно, должна съехать.

Бет почувствовала себя невероятно одинокой. По щеке скатилась слеза. Она быстро смахнула ее. Черт побери, нашла место и время, чтобы разреветься.

Внезапно Эрнан оказался рядом и повернул к себе ее лицо. Его сочувствующий взгляд вызвал новые слезы, которые уже ручьями лились по щекам.

- Не надо, Бет, не надо. Этот мужчина не стоит твоих слез, раз собирается жениться на другой.

Он думал, что она плачет из-за Дориана. Все еще уверен, что у нее с ним были романтические отношения. Какая безумная путаница!

Да не было у нее ни одного любовника с тех пор, как вернулась из Испании. Не было, потому что она все еще... Нет! Бет поспешно отогнала мысль, постоянно лезущую к ней в голову. Не любит она больше Эрнана. Конечно, не любит. Просто двое взрослых людей нравятся друг другу... Желанны друг другу... и все.

- И все...- машинально повторила она вслух.

- Нет, черт возьми, не все, - рассмеялся Эрнан и опрокинул Бет на коврик. Его губы закрыли ее рот, потом поднялись по щеке к уху. Он начал покусывать зубами мочку. Его ласки были бесцеремонными и одновременно возбуждающими, и женщина почувствовала, как ее охватывает дрожь желания. Она задохнулась и застонала, требовательно притягивая Эрнана к себе. Но тот снова рассмеялся:

- А он мог сделать такое с тобой?

- Кто? - изумленно спросила она.

- Этот мужчина... Этот Дориан.

- Нет... Никогда... Только ты, - пробормотала Бет.

- То-то же!

С торжествующим возгласом Эрнан снова припал к ее рту. Его руки нашли застежку купальника, высвободили тяжелые набухшие груди и приняли их в колыбель ладоней. Бет издала тихий стон удовольствия.

- Эрнан, мы не можем... не здесь... нас могут увидеть...

- Здесь никого нет.

- А Хуан?

- Он спит.

Язык Эрнана снова проник в ее бархатный ротик. Она закрыла глаза, погрузила пальцы в кудрявую копну его волос.

Оторвавшись от ее губ, он прохрипел, задыхаясь от нетерпения:

- Я хочу тебя... сейчас... здесь...

- Я тоже хочу тебя, - прошептала Бет, не в силах совладать с собственным желанием. Она знала, что Эрнан не любит ее, но разве можно было отказаться даже от всплеска его любовных чувств?! Когда она вернется в Америку, у нее не будет ничего. Женщина инстинктивно потянулась к нему, обвила руки вокруг его шеи и...

Неожиданно Хуан потянулся и зевнул, продирая глазенки. Застигнутые врасплох, любовники вскочили. Бет схватила лифчик и попыталась застегнуть его непослушными пальцами.

- погоди, - резко сказал Эрнан и сделал все сам.

Бет почувствовала себя разбитой. Тело изнывало от неудовлетворенного желания - она никогда раньше не знала, как это мучительно. Теперь-то поняла смысл выражения «сексуальный голод».

Эрнан скользнул взглядом по тельцу еще не отошедшего от сна сына, потом привлек к себе Бет и поцеловал, убедительно демонстрируя не только нежность, но и свидетельство своего возбуждения.

- Мне кажется, мы проделали хорошее упражнение для воспитания силы воли, - сказал он мрачно и разжал объятия. - Поедем в Сан-Рокес, поужинаешь с нами.

9

Как только машина подъехала к парадной двери виллы, навстречу хозяину выбежала Мария, явно очень расстроенная. Она бросила на Бет извиняющийся взгляд и обрушила на Дуареса водопад испанских слов. Девушка чуть не плакала. Эрнан повел ее в дом, что-то тихо говоря. Бет взяла Хуана за руку и последовала за ними.

- Что случилось? - быстро спросила она, как только Мария, закончив разговор, метнулась к выходу.

- Ей позвонили и сказали, что мать неожиданно попала в больницу, - нужна срочная операция. Ее родители живут в деревне под Кордовой. Она собирается сейчас же ехать туда.

- Бедняга, - сочувственно пробормотала Бет. - И что, ее мать серьезно больна?

Эрнан пожал плечами.

- Трудно сказать. Марии сообщили слишком мало, и она сможет все узнать, когда доберется домой.

- Она поедет на машине?

- Нет! В ее теперешнем состоянии вести машину было бы опасно. Сейчас я отвезу ее на вокзал. Через пару часов она будет у матери.

- Чем я могу помочь? Хочешь, я поеду с тобой?

Эрнан покачал головой.

- Если честно, то лучшее, что ты можешь сделать, это остаться дома с Хуаном. Не возражаешь?

- Конечно нет. - Бет улыбнулась, радуясь, что может хоть как-то помочь.

Через час она накормила Хуана ужином, уложила в кровать и присела рядом, рассматривая с ним книжку с картинками. Когда глаза малыша стали слипаться, Бет заботливо укрыла его и наклонилась поцеловать. Ответит ли малыш на ласку? - запоздало подумала она. Однако Хуан потянулся к ней и чмокнул в щеку.

- Спокойной ночи, милый, - нежно сказала она, почувствовав, как ее сердце сжалось.

Каждый вечер ребенок, лежа на этой массивной кровати, не ждет поцелуя матери.

Бет спустилась из детской вниз и стала поджидать Эрнана в том самом огромном зале, где впервые увидела его.

Здесь все поражало ее воображение своими огромными размерами и элегантной обстановкой, а многочисленные портреты на стенах даже слегка утраивали торжественной строгостью. Портрет Эрнана присоединился к ряду портретов его предков. Красивое породистое лицо смотрело на нее с высокой стены и даже на холсте было пронзительно волнующим.

Бет присела на краешек громадного кожаного дивана и полистала несколько журналов, но все они были посвящены бизнесу, так что не заинтересовали ее надолго. Она вздрогнула, когда в дверь постучали. Но это была всего лишь экономка, спросившая, может ли она покормить Бет, прежде чем уйдет домой. Гостя вежливо отказалась, сказав, что сначала дождется Дуареса.

Снова оказавшись одна, Бет ощутила странное беспокойство. Это был день потрясений - уже второй за эту неделю. Она ходила, вставала у окон, осматривала соседние комнаты, пытаясь проанализировать события нескольких прошедших дней. Ее жизнь перевернулась вверх дном, и все же женщина никогда еще не чувствовала в душе такого подъема, как сейчас. Точнее, ни разу за прошедшие пять лет. Мысль о возвращении в Америку вселяла в нее уныние. Казалось, что вся та жизнь находится где-то на другой планете. И вообще не является больше ее жизнью.

А что, если?.. Заманчивая мысль сверкнула в мозгу, но Бет быстро прогнала ее. Это все нереально. Или нет? Она размышляла о некоей возможности, и лицо ее посерьезнело.

Наконец она услышала шум автомобильного мотора, и через минуту хлопнула входная дверь. Она поспешила навстречу Эрнану.

- Мария уехала? Все в порядке? - Бет заметила, что тот выглядел уставшим и озабоченным. Она была обеспокоена его видом, но, с другой стороны, было приятно, что он заботится о людях, переживая за них.

- Да, все в порядке. Поезд ушел вовремя. Я сказал Марии, что она может оставаться дома столько, сколько будет нужно.- Он устало вздохнул. - Ты поужинала?

Бет покачала головой.

- Нет, я решила подождать тебя.

Эрнан провел рукой по волосам.

- Давай пойдем на кухню и перекусим.

- Хорошо. Кажется, твоя экономка нам что-то приготовила.

На плите стояла кастрюлька с мясом в андалусском соусе. Еды хватило бы, чтобы накормить дюжину голодных, не говоря уже о двоих. Бет кипятила воду для кофе, разыскивала в шкафах посуду и приборы и чувствовала себя необычайно счастливой.

Ужинать на кухне было лучше, чем в самом изысканном ресторане. Она была в доме Дуареса. В единственном месте во всем мире, где ей хотелось быть.

- Почему ты улыбаешься?- Эрнан пристально посмотрел на Бет.

- Мне хорошо. Почему бы и не улыбаться?

- Ты, видать, не скучала без меня.

- Конечно нет. У меня был отличный компаньон. Твой сын.

Эрнан обнял ее за талию, и все внутри женщины затрепетало.

- Я слышал о детях, которые затмевают своих отцов, но все же у меня есть кое-что, чего пока нет у Хуана.

- Да? Например?- Бет подняла брови, шутливо демонстрируя недоверие.

Эрнан прошептал несколько слов ей на ухо, и волна краски прихлынула к женским щекам. Он отошел и достал из старинного кухонного шкафа бутылку красного вина.

- Надеюсь, сын хорошо себя вел?

- Конечно, хорошо.- Бет замолчала, собирая всю свою отвагу.- В общем-то я хотела спросить тебя, как ты собираешься с ним справляться... я имею в виду... пока не будет Марии?

Эрнан открыл бутылку и при этих словах замер.

- По утрам он ходит в детский сад, так что это не проблема. А после обеда я смогу брать его с собой.

- По-моему, у тебя возникнут трудности.

- Я могу отменить пару встреч, такое случалось и раньше. Как отец-одиночка я привык, что с ребенком проблемы время от времени возникают.

Бет сделала глубокий вдох и постаралась говорить как можно спокойнее:

- У меня осталась неделя от старого отпуска. Мне не нужно возвращаться в Нью-Йорк немедленно. Если хочешь, я могу остаться и присмотреть за Хуаном... до возвращения Марии.

Когда последнее слово было произнесено, здравый смысл Бет забил тревогу. Что она натворила? После всех ее категоричных рассуждений об отношениях с Эрнаном она готова все погубить. Мудро ли решение продлевать их... даже на неделю?

Эрнан долго и пристально смотрел на нее. Казалось, он обдумывает предложение. Потом неуверенно сказал:

- Я не могу просить тебя об этом. Это будет нечестно.

- Но ты же и не просишь. Это я тебе предлагаю свои услуги, - беззаботно заявила Бет, игнорируя предупредительные сигналы, идущие из глубины сознания.

- Но почему?

- Я вижу, что тебе будет трудно без Марии, и я... готова помочь.

- И это все, чего ты хочешь?

По правде говоря, призналась себе Бет, это не все. В ней шла борьба противоречивых чувств. Да, она боялась, что ей снова может быть больно, боялась зайти слишком далеко.

Но внезапно она поняла, что больше всего боится навсегда потерять Эрнана. И это пугало ее.

- А чего я могу хотеть еще? - спросила она с показной безмятежностью, стараясь не выдать волнения.

Эрнан на какое-то время задумался и, кашлянув, заговорил:

- Бет... Я бы не хотел тебя в чем-то обманывать. Это великодушное предложение, и я был бы неискренним, сказав, что не нуждаюсь в помощи или не хочу, чтобы ты осталась...- Его темные глаза обожгли ее взглядом так, что не оставалось сомнения в правдивости его слов.- Но мое согласие будет лишь временной договоренностью. Мария, вернется в конце этой недели.

- А если она не вернется?

- Тогда мне придется искать ей замену и, видно, не на несколько дней, - твердо сказал он.

Решившись на отчаянный шаг, Бет не собиралась отступать.

- Тогда, похоже, это будет наилучшим выходом для нас обоих. Ты получаешь временную няньку, а я - возможность побыть еще какое-то время под солнышком Испании. В Нью-Йорке в последнее время такая ужасная погода...

- Выходит, что погода привлекает тебя больше всего? - спросил Эрнан с усмешкой.

- И Хуан, конечно.

- И больше никто?

- А кто еще может быть? - невинно спросила она.

Эрнан протянул к ней руки:

- Иди сюда, я тебе скажу кто.

- Сначала поймай меня, - засмеялась Бет. Игривые нотки, прозвучавшие в конце разговора, успокоили ее. Она отбежала в угол кухни.

Какое-то время они, как школьники, играли в догонялки, бегая вокруг большого кухонного стола. Но это было неравное состязание, и очень скоро Бет оказалась в руках Эрнана. Он впился в ее губы с поцелуем победителя - глубоким и страстным, не предвещавшим быстрого

завершения игр.

Эрнан задрал ее блузку, под которой находился уже знакомый ему купальный лифчик. Его пальцы нашли застежку, и женские груди оголились.

- Сюда могут войти, - прошептала Бет, но протест был символическим. Расстегнув блузку, Эрнан ласкал губами набухшие соски. Откинув голову, обхватив любовника за шею, женщина отдалась неудержимому желанию, испепелявшему ее тело.

- Никто сюда не войдет. Прислуга ушла, - обжигал Эрнан ее грудь своим дыханием.

- А Хуан? Он может проснуться.

- Мы услышим.

Ободренная этими словами, Бет больше не могла сопротивляться страсти, вспыхнувшей в ней. Тело горело огнем. Как он сумел разжечь это бушующее пламя лишь касаниями губ и рук?

Она нетерпеливо стянула с Эрнана рубашку и принялась исследовать губами его крепкие мускулистые плечи и грудь. Бет чувствовала влажность его кожи, слышала, как учащается его дыхание, по мере того как ее ласки становятся все более смелыми. Терпкий мужской аромат еще больше возбуждал ее. Она выгнулась дугой, и из ее горла вырвался всхлип удовольствия.

- Разве не в этом причина того, что ты осталась? - прохрипел Эрнан. - Тебе нравится то, что я делаю с тобой? Признайся.

Бет замерла в его руках.

- Что ты делаешь со мной? А разве я не делаю с тобой то же самое?

- Конечно, милая, - отозвался он медовым голосом, глядя губами пульсирующие жилки на ее шее. - И именно поэтому мне так хорошо.

Его эротичные ласки - губами, руками - настолько опьяняли, что Бет не заметила, как он освободил ее и себя от оставшейся одежды. Она поняла, что происходит, только когда Эрнан поднял ее и усадил на прохладную жесткую столешницу.

- Ты ведь никогда не занималась любовью на столе! - Озорные глаза Эрнана пировали на обнаженном женском теле.

Бет покачала головой, не представляя, что это можно делать и таким образом. С Эрнаном для нее не существовало никаких табу.

Неутоленная любовь и жажда удовлетворения, словно два стремительных потока, слились в бурную реку вожделения.

Он поцеловал ее в шею, в грудь и, когда она была готова - так готова! - припал к ней и проник в заветное лоно, сладострастно простонав. Вышедшая из берегов река закрутила их в своих водоворотах, безудержно неся к земле обетованной. Кульминация была такой мощной, что Бет зарыдала, обмякнув в объятиях.

- Я никогда не знала... - прошептала она, отдышавшись.

- Что это может быть так хорошо? - Пальцы Эрнана зарылись в ее волосы.

Она кивнула и прижалась к любимому.

Бет ходила по комнате, собирая вещи и аккуратно раскладывая их по чемоданам. Хотя Эрнан предложил ей перебраться в Сан-Рокес в тот же вечер, когда уехала Мария, она решила остаться в гостинице еще на день. В этом случае ей не нужно было объясняться с Мигелем Родригесом. Теперь, когда кулинарные курсы закончились, она переезжала из гостиницы на виллу Дуареса.

Одна мысль о нем заставила ее пульс биться сильнее, и Бет в тысячный раз спросила себя – не безумная ли она? Как можно было строить радужные надежды в связи с этой сделкой? Разве не было разумнее и безболезненнее просто уехать сегодня из Малаги, как она планировала ранее? А ведь еще труднее будет делать это через неделю, прожитую у Эрнана. И с Эрнаном. Она нахмурилась, отгоняя тревожные мысли.

Бет закончила сборы и оставила чемоданы на кровати. Посыльный заберет их, а она тем временем выпишется из отеля и отправит редактору по телетайпу свои статьи о кулинарных курсах вместе с уведомлением о том, что задержится в Испании еще на неделю. Эрнан ведь ясно сказал, что у него с ней временное соглашение.

Мария позвонила на следующий день после своего отъезда в гораздо более веселом настроении. Она сказала, что операция была сделана по поводу аппендицита и прошла успешно. Очевидно, ее мать сможет выписаться из больницы через несколько дней, но Мария хотела бы остаться дома немного дольше, пока мать не оправится окончательно.

Спустившись вниз, Бет выписалась и протянула дежурной администраторше свои бумаги.

- Отправьте, пожалуйста, корреспонденцию по телетайпу. Адрес указан.

- Нет проблем. Мы к вашим услугам, – ответила женщина, пытаясь говорить на американском английском.

Бет уже собиралась покинуть холл, как вдруг остановилась, раздумывая, будет ли вежливо уйти, не попрощавшись лично с сеньорой Карреньо. Она поинтересовалась у администраторши, где можно найти управляющую.

Женщина улыбнулась извиняющейся улыбкой:

- Ее не будет на этой неделе. Она на курсах менеджеров.

Услышав эту новость, Бет не могла удержаться от облегченного вздоха. Сеньора Карреньо была вежлива, внимательна, но Бет не могла избавиться от ощущения, что она чем-то неприятна этой испанке. А при встрече с ней пришлось бы объяснять, почему она задерживается в Испании.

Бет ощутила внезапную сухость в горле, когда увидела Эрнана, шагающего к ней. Женщины в холле провожали его взглядами, но он, казалось, был абсолютно равнодушен к их вниманию. Через секунду он стоял рядом – смуглый, высокий, невероятно сексапильный, одетый в темный костюм и серую шелковую рубашку. Эрнан улыбнулся ей:

- Ты готова?

Она кивнула. Какие бы опасения ни мучили ее по поводу легкомысленного решения, изменять

его было поздно.

10

- Н-ну, а что ты думаешь об этом?

Бет посмотрела на абстрактную картину и смущенно призналась:

- Ничего не понимаю. Что же это может означать?

Эрнан засмеялся:

- Да все, что пожелаешь.

- Но рисунок должен что-то означать...

Я знаю, что нужно дать волю своему воображению и не пытаться понимать все буквально, но я действительно не вижу здесь ничего – только линии и завитки.

- Что ж, тогда это просто линии и завитки.

Бет покачала головой:

- Нет, в этом должно быть что-то еще.

Эрнан посмотрел на нее удивленно:

- Почему должно?

Бет никогда не посещала выставок современных художников Испании и сейчас была очарована экспозицией картин. Многие ей очень нравились, хотя некоторые работы, как ей казалось, значительно уступали рисункам Хуана, которые он приносил из детского сада.

Она была польщена, что Эрнан согласился взять ее на этот вернисаж, куда гости в день открытия допускались только по приглашениям. Передвижная выставка знакомила публику с молодыми испанскими живописцами. Эрнан знал многих приглашенных, но, общаясь с ними, оставался рядом с Бет в течение всего вечера. Его рука время от времени ложилась на ее талию. Он не собирался скрывать тот факт, что они являются парой.

Да, она – пара, но надолго ли? Сегодня звонила Мария и сообщила, что ее мать поправляется. Через день-другой девушка могла вернуться. Что же тогда случится? С самого начала Бет знала, что ей будет нелегко уезжать, и с каждым днем предстоящее расставание все более пугало.

Она попыталась отогнать мрачные мысли и заставила себя сложить губы в некое подобие улыбки, отвечая на вопрос Эрнана:

- Я не вижу смысла в этой картине... какой-то изюминки. Мне кажется, что в ней нет ни мысли, ни сердца; ни формы, ни содержания.

Эрнан встряхнул кубики льда в своем стакане с соком и сделал большой глоток.

- Не все, что сложно и непонятно, не имеет смысла, – спокойно сказал он. – И наоборот – то,

что выглядит простым и доступным, порою кажется бессмысленным, но притягивает внимание. Первое относится к абстракционизму, второе – к примитивизму....

Господи, о чем мы говорим? О живописи? – внезапно спросила себя Бет. Или речь идет о различных взглядах на отношения между мужчиной и женщиной – таких же различных, как и их взгляды на искусство?

- Конечно, – встрепелась она, – есть разница между простым и поверхностным. Эта картина кажется мне поверхностной.

- Потому что работа так проста?

- Нет, потому что в ней отсутствует глубина.

Глаза Эрнана выдавали его. Кажется, он над ней подсмеивался.

- Не каждый будет искать эту глубину. Некоторые люди просто полюбуются картиной, потому что она им нравится. И не могут объяснить почему.

- Может быть, некоторые...

Бет не успела договорить: к ним подошел пожилой седовласый мужчина.

- Эрнан! Рад видеть тебя. Очень хорошо, что ты смог прийти сегодня.

- Добрый вечер, Хорхе. Я всегда рад поддержать хорошее дело, ты же знаешь. – Эрнан привлек Бет к себе. – Позволь представить тебе Элизабет Харди... Хорхе Фернандес. Элизабет – мой давний друг, она будет гостить у меня несколько дней.

Бет протянула руку.

- Очень приятно.

Она поймала на себе оценивающий взгляд седовласого.

- У Эрнана хороший вкус и в том, что касается живописи, и в том, что касается женщин. Мне очень приятно с вами познакомиться.

- Пожалуйста, называйте меня Бет, – предложила она.

- Сеньорита не одобряет мой вкус в том, что касается картин, – сухо сказал Эрнан. – Мне понравилось вот это полотно, а она считает, что здесь не хватает глубины.

- Это просто мое частное мнение. Я плохо разбираюсь в живописи, – запротестовала Бет.

Фернандес посмотрел на картину.

- Честно говоря, я согласен с вами, только не выдавайте, что я так сказал, – пробормотал он и обратился к Эрнану: – Друг мой, я хотел бы отвлечь тебя от спутницы. Сеньору Мореньо нужна кое-какая информация. Мы не могли бы подойти к нему и переговорить? Он только что приехал из Мадрида.

- Ты не возражаешь? – обратился Эрнан к Бет. – Я отойду на несколько минут.

Она покачала головой.

- Конечно нет. Я посмотрю пока андалусских художников.

Мужчины направились в противоположный конец зала, а Бет кто-то окликнул по имени.

Она обернулась и увидела перед собой Хелен Харди, глядящую на нее с изумлением.

- Хеллоу, Бет! Я не ожидала увидеть вас здесь... думала, что вы уже вернулись в Штаты.

- Здравствуйте, - искренне обрадовалась Бет встрече со знакомым человеком.- Как хорошо, что я вас встретила. Не знала, что вы будете сегодня здесь.

- Я же работаю с туристами со всего мира - нам дают приглашения на подобные выставки, - объяснила Хелен.- Я не всегда на них хожу, но эта мне показалась очень интересной. Так скажите мне, почему вы все еще в Испании?

- Я решила остаться на несколько дней после того, как закончились курсы.

- Одна?

- Нет, не совсем.- Бет почувствовала, как ее щеки розовеют.- Я остановилась... у друга.

- А этот друг, случайно, не Эрнан Дуарес? Я видела вас вместе.

- Да. Вы знаете его?

- Я слышала о нем. Он один из выдающихся бизнесменов города, известный покровитель искусств. Естественно, что в отелях, где мы останавливаемся с туристами, его имя постоянно на слуху. Я не знала, что вы знакомы.

- Мы познакомились, когда я приехала в Малагу пять лет назад. Потом... потеряли друг друга из виду, а на прошлой неделе снова встретились. Оказалось, что он владелец гостиницы, в которой я остановилась.

- А, так вы все еще живете в гостинице?

Бет покраснела еще сильнее и торопливо объяснила:

- Нет, я остановилась в доме Дуареса в Сан-Рокесе. Присматриваю за его сыном, пока няня в отъезде.

- Понятно, - сказала Хелен таким тоном, что Бет стало ясно - ничего ей не понятно.

- Это ненадолго. Я улетаю в Штаты через пару дней. - Она тяжело вздохнула при мысли о скором расставании с Эрнаном.

Хелен нахмурилась, разглядывая ее.

- Бог мой! Что с вами? У вас какие-то проблемы с вашим возвращением?

.Бет чересчур энергично замотала головой.

- Нет-нет, никаких проблем. Действительно, никаких проблем.

Внезапно ее охватила такая слабость, что, казалось, она упадет в обморок.

- Не слишком ли здесь душно? Пойдемте на' воздух, - поспешила на выручку Хелен.

Через минуту они стояли на маленьком балкончике. Бет хваталась за деревянные перила, как будто от этого зависела вся ее жизнь.

- Вам лучше?

- Гораздо лучше, спасибо. В какой-то момент мне показалось, что я теряю сознание. Со мной такого еще никогда не было.

- Наверное, потому, что раньше вы не были влюблены, - доброжелательно заметила Хелен.

Глаза Бет широко раскрылись.

- А при чем здесь любовь? Я ни в кого не влюблена.

- Да? Тогда мне нужны очки. Я никогда еще не видела женщину, настолько похожую на влюбленную. Особенно когда вы улыбались Дуаресу, - спокойно сказала Хелен.

У Бет закружилась голова. Хелен не права. Абсолютно не права.

- Я повторяю, что не люблю Дуареса. Я бы не смогла себе позволить полюбить его, - лихорадочно отбивалась она.

Хелен покачала головой.

- Любовь не нуждается в разрешении - она просто приходит, и все. Поверьте, если бы это было не так, жизнь стала бы протокольно скучной и пресной. Очень долгое время я отказывалась от близких отношений с вашим отцом, потому что считала, что это неэтично, даже безнравственно. И все же я не устояла и полюбила его.

Бет сдержала протест, готовый сорваться с ее губ. Внезапно она поняла, что Хелен права. Зачем обманываться, пытаюсь убедить себя в том, что связь с Эрнаном касается лишь ее тела и разума, а сердце находится в безопасности? Ох, нет - еще в какой опасности! Она отдала его испанцу пять лет назад и никогда по-настоящему не могла востребовать обратно.

Какая ты глупая, горько выговаривала она самой себе. Ты любишь его, ты знаешь, что это так. Вот почему мысль о том, что ты снова теряешь его, так ужасна для тебя.

Хелен смотрела на нее с беспокойством.

- Я права, не так ли? Вы действительно его любите? - И когда Бет безмолвно кивнула, Хелен добавила: - Я не хочу соваться в чужие дела, моя милая, но почему это делает вас столь очевидно несчастной?

Над ними было ночное андалусское небо, усеянное миллионами звезд. Бет смотрела на них, и ей хотелось снова стать маленькой и верить в то, что, глядя на звезды, можно загадывать желания, которые обязательно сбудутся. Она закрыла глаза и в отчаянии уронила голову на грудь, сознавая, что ее мечты никогда не сбудутся.

- Эрнан не любит меня.

Эта сухая констатация факта прозвучала безжалостно для нее самой, но она знала, что это правда. Бет мысленно вернулась к разговору с Эрнаном о живописи. Простая и доступная – так он отозвался о картине, но и отношения с женщинами он хотел бы иметь только такие. Он любил свою жену, женился на любимой, но брак был неудачным. У него нет ни малейшего намерения влюбиться вновь.

- Как вы можете быть уверены в этом? Вы спрашивали его?

Бет уныло покачала головой.

- Мне и не нужно. Я знаю, что он чувствует.

- Вы не можете этого знать, раз не пытались объясниться с ним, – мягко поучала Хелен. – Мы не должны строить предположения о том, что думают другие люди.

- Это не просто предположение, – решительно сказала Бет. – Эрнан дал мне это понять с самого начала – он не заинтересован в длительных отношениях.

- Люди часто говорят все что угодно, а потом передумывают. Почему вы уверены, что его чувства не изменились?

Крошечный огонек надежды зажегся в душе Бет.

- Вы считаете, есть шанс, что он мог передумать?

Хелен криво улыбнулась.

- Я не знаю ответа на этот вопрос... но уверена, что и вы не узнаете, пока не спросите Эрнана. Кроме того, разве у вас есть выбор? Если вы вернетесь в Америку, не выяснив отношений с ним, то будете очень сожалеть об этом. Вспомните своего отца. Он все время хотел поговорить с вами о причинах своего ухода, но почему-то откладывал и откладывал... а потом умер, и было слишком поздно... для вас и для него.

Да, пожалуй, это правда. Не объяснилась с отцом – и потеряла его. А пять лет назад лишилась и еще одного любимого человека, не решившись добиться встречи с ним. И все из-за своей мнительности – дескать, ее отвергли. Не стоит повторять эту ошибку в третий раз.

- Спросить Эрнана? Да он будет взбешен, – беспокойно проговорила Бет.

- Может быть, и так, – согласилась Хелен. – Но если это произойдет, вы по крайней мере будете все знать. Это лучше, чем до конца жизни истязать себя и гадать: а что было бы, если бы хватило смелости поговорить с ним.

Бет тягостно вздохнула.

- Да, наверное, вы правы.

- Конечно, права, – уверенно сказала Хелен. – Не надо жить, сожалея, Элизабет. Сожаления делают жизнь горше.

Советы Хелен все еще звучали в ушах Бет, когда на следующий вечер она с Эрнаном отправилась купаться в бассейне. Вчера ночью после выставки и сегодня утром она намеревалась поговорить с ним, но почему-то никак не подворачивался подходящий момент. А

теперь ее время истекало. Мария должна приехать завтра. Если не объясниться сейчас, то не останется никаких надежд.

Было поздно, около десяти часов. Хуан спал. Он быстро заснул, и экономка обещала подежурить, поскольку у нее еще оставалась какая-то работа по дому.

Вечер был теплый и душный, а вода – удивительно прохладной. Бет нырнула в большой овальный бассейн. Она устремилась к противоположному бортику быстрым кролем. Рядом плыл Эрнан, рассекая воду красивыми, четкими движениями сильных рук.

- Как насчет соревнования? – спросил он, остановившись у бортика и поджидая Бет.

- Нет уж, – фыркнула она, – ты же легко меня обгонишь.

- Я могу дать тебе фору.

- Да? Когда я проплыву девять десятых длины бассейна? – насмешливо спросила Бет. – Кроме того... что мне за это будет?

- Я не знал, что тебя нужно подкупать, но думаю, найду, как вознаградить.

- Хорошо, готовься, – согласилась она и еще до того, как Эрнан ответил, устремилась вперед.

Ей удалось плыть в отрыве какую-то часть дистанции. Он настиг ее и легко обошел. Они вылезли из бассейна.

- Поздравляю, – улыбнулась Бет. – Хотя я же говорила, что ты победишь.

- Могу ли я теперь потребовать свой приз?

- Какой приз?

- Вот этот. – Эрнан притянул к себе мокрое, прохладное тело Бет и прижался ртом к ее губам.

- Существует ли вообще что-нибудь, что ты делаешь плохо? – пробормотала она, вырываясь из объятий.

Эрнан криво усмехнулся:

- Я достиг того возраста, когда делают только то, что хорошо получается.

- Да, я пока не обнаружила ни одного промаха, – не удержалась от комплимента Бет.

- Пожила бы со мной дольше, обнаружила бы.

У Бет сперло дыхание. Она почувствовала себя так, будто балансирует над пропастью. Что он имеет в виду? Уж не хочет ли, чтобы она осталась жить с ним? У нее появился шанс прямо сейчас поговорить с Эрнаном об их будущем. Он дал прекрасную зацепку. Надо только набраться храбрости и...

- Это поправимо, – решила она начать разговор.

- Что?

Бет положила руку на его грудь, чувствуя ровное биение сердца.

- Я не спешу возвращаться в Штаты. Могла бы остаться здесь... с тобой.

- Нет! - Короткий ответ прозвучал настолько резко, что рука Бет упала с груди, будто обожженная.- Мне казалось, мы договорились, что ты остаешься только до приезда Марии.

Бет опустила голову, потрясенная такой откровенной непреклонностью.

- Конечно, мы договорились, но ведь ты мог изменить свое решение. Я думала, тебе нужно, чтобы я осталась с тобой.

Эрнан не скрывал своего раздражения:

- Давай не будем играть в детские игры. Мы взрослые люди. Ты хочешь, чтобы мы жили вместе, да? Ведь об этом идет речь? Может быть, ты даже думала о браке?

- А ты не хочешь этого? - упавшим голосом спросила Бет.

- Нет!

Она и не знала, что ей может быть так больно; не могла поверить, что Эрнан откажет в такой жесткой форме. Горячие слезы скопились в уголках глаз. Она попыталась смахнуть их.

- Значит, ты не захочешь видеть меня после того, как вернется Мария?

Пальцы Эрнана впились в ее плечи.

- Нет, я имею в виду не это. Я часто бываю в Нью-Йорке, а ты можешь прилетать в Испанию. Конечно, мы будем видеться.

Что?! Раз в несколько месяцев? Близкие отношения на дальнем расстоянии? Как же он может довольствоваться такими отношениями после всего, что у них было?

- Но почему, Эрнан? Почему ты так упорствуешь, считая, что мы не можем жить вместе? Ведь я тебе небезразлична, я же знаю это.

Эрнан отпустил ее и отвернулся. Тем не менее Бет заметила боль и муку в каждой черточке его лица. Для него расставание так же тяжело, как и для нее. Зачем, зачем тогда он гонит ее?

- Именно потому, что ты мне небезразлична, я не хочу, чтобы мы жили вместе. Я был женат. Мой брак был неудачным.

- Может быть, потому, что ты был женат не на той. - Отчаяние придало ей смелости. - Так не должно быть, Эрнан. Я знаю, что не должно. Разве прошедшая неделя тебя в этом не убедила?

Он желчно рассмеялся.

- Эта неделя не была браком, Бет. Она напоминала медовый месяц, а все медовые месяцы рано или поздно кончаются.

- Но почему такая безысходность? Почему эта неделя не может стать началом чего-то хорошего?

- Потому что так не бывает. Я только сделаю тебя несчастной, поверь мне. И все кончится так, как...- Он резко оборвал себя.

Бет подошла к нему, дотронулась до его плеча.

- Ты не можешь сделать меня несчастной, Эрнан. Не быть рядом с тобой - вот это действительно несчастье. Ты веришь мне?

- Не надо, Бет, не надо. Не мучай нас обоих тем, чего не может быть. Ничего не получится. Мой жизненный опыт уже доказал, что я не гожусь для брака, и было бы нечестно обрекать тебя на супружество, которое не сможет продлиться долго.

- Я бы хотела попробовать.

- А я нет.

Его отказ кинжалом вонзился в сердце. Почему он так уверен, что их отношения не будут длиться долго? Его брак мог быть несчастлив, но должна же быть тому какая-то причина.

Бет потерянно пошла к шезлонгам, на которых они оставили одежду. Подняв халат, набросила его на плечи.

Ну вот она и сделала то, что советовала Хелен. Поговорила и потеряла последнюю надежду. Сожалеть теперь нечего. По крайней мере, все стало ясно.

Они молча побрели к дому. И эта ночь в череде предыдущих стала первой, когда они были вместе и не занимались любовью.

11

После мучительной бессонной ночи Бет решила, что должна остаться на вилле Сан-Рокес, пока не вернется Мария. Поступить по-другому было бы нечестно по отношению к Хуану, и она не хотела, чтобы он страдал из-за отца, причинившего ей боль.

Как обычно, она забрала малыша из детского сада, и, когда они вернулись, перед домом стояла незнакомая машина. Бет задумалась: кому она может принадлежать? Ей не пришлось долго ждать, чтобы узнать это. Когда они с Хуаном подошли к двери, ее открыла женщина. Бет сразу же узнала ее - сеньора Карреньо. Бет была удивлена ее появлением здесь, но еще больше удивилась, когда малыш тоже узнал гостью и бросился к ней.

Женщина склонилась и расцеловала Хуана в обе щеки.

- Здравствуйте, сеньора Карреньо, - несколько неуверенно приветствовала ее Бет, внезапно задумавшись над тем, зачем эта особа приехала сюда и в каких отношениях она с Дуаресом. Казалось, дама чувствовала себя здесь как дома, да и Хуан явно хорошо ее знал.

- Здравствуйте, рада вас видеть, - спокойно ответила женщина.- И, пожалуйста, зовите меня просто Изабеллой. Теперь, когда вы уже не гостья отеля, мне кажется, нет никакой необходимости в официальном обращении.

Бет озадаченно посмотрела на испанку.

- Могу ли я быть чем-то полезной для вас? - спросила она, не зная, зачем, собственно,

появилась здесь Изабелла. Не к Дуаресу же пожаловала. Она должна знать, что в это время его нельзя застать дома.

Изабелла одарила ее вежливой улыбкой.

- Да нет, - сказала она, ероша пальцами шелковистые волосы Хуана. - Я приехала навестить малыша. Эту неделю я провела на новых курсах и не знала, что Мария уехала, а то бы, конечно, позвонила.

Конечно? Почему, конечно? Какие отношения между ними - Изабеллой, Эрнаном и Хуаном? Почему она говорит о них, будто о близких?

- Я вижу, вы думаете, что для наемного работника я слишком приближена к семейным делам Дуареса? - холодно осведомилась Изабелла.

- Нет, не думаю, - соврала Бет, настороженно глядя на женщину.

Рот Изабеллы насмешливо искривился:

- Не волнуйтесь. Это можно понять. Откуда вам знать, что я не просто работаю у Эрнана, но и являюсь его... близкими другом.

Близким другом? Насколько близким? Бет почувствовала, как замирает сердце. Она поняла, что маленькая пауза перед словами «близкий друг» была преднамеренной попыткой придать двойной смысл сказанному. Неужели эта женщина была любовницей Дуареса?

- Я знала Эрнана задолго до того, как он назначил меня менеджером гостиницы «Звезда Андалусии».

- Правда? - сдержанно поддержала разговор Бет.

Изабелла кивнула.

- Я знаю Эрнана благодаря его жене. Мы с Паолой были близким подругами... почти сестрами. Естественно, что, когда она умерла, я сделала все, что могла, чтобы утешить Эрнана...

Пульс Бет внезапно ускорился. Если эта женщина была лучшей подругой Паолы, то... неужели она была любовницей Эрнана? Память вернулась к тому дню, когда она встретила его в гостинице. Что он сказал по поводу «Звезды Андалусии»? Ах да: «У меня был особый повод купить ее».

- Он приобрел гостиницу для супруги? - Бет глубоко вздохнула. Не спеши с выводами, предупредила она себя, отгоняя подозрения. Здесь может быть другое объяснение.

- Интересно, правда? - продолжала Изабелла. - У нас обеих... личная заинтересованность в Дуаресе, и вот теперь мы обе работаем на него. У женщин может быть много общего. Вы здесь в качестве временной няни вместо Марии, как я понимаю?

Бестактное заявление было подобно пощечине. Что это за личная заинтересованность? Кто сообщил Изабелле о ее пребывании здесь? Эрнан? Назвал ее «временной няней»? Нет, он никогда бы не сказал так.

Это, может быть, и обидно, но это правда, насмеялся над ней внутренний голос. Прошлой ночью Эрнан очень ясно дал понять, кто она и зачем здесь.

Каким-то образом Бет удалось справиться с собой.

- Я не работаю на Эрнана, вернее, это не совсем так. Я предложила ему присмотреть за Хуаном, и это была любезность с моей стороны, вот и все.

Изабелла смерила ее презрительным взглядом.

- Любезность, которую он, не сомневаюсь, высоко оценил.

Еще до того, как Бет оказалась в состоянии ответить на это оскорбительное замечание, Хуан повис на руке Изабеллы и быстро защебетал по-испански. Бет поняла, что он рассказывает об утренних событиях в детском саду.

В течение нескольких минут гостя внимательно слушала малыша, потом погладила его по голове и что-то тихо сказала. Хуан вскочил и убежал.

- Давайте выйдем на веранду, - предложила Изабелла. - У нас не было времени поговорить, пока вы жили в гостинице. Было бы хорошо, если бы мы узнали друг друга лучше.

Бет не могла себе представить более неприятного общения. Не придумав подходящей отговорки, она неохотно направилась на веранду и уселась за ажурный железный столик напротив Изабеллы.

Со стороны могло показаться, что две подруги ведут задушевный разговор. Но это было не так. Бет почти ощущала враждебность, исходившую от сеньоры Карреньо, - ту же враждебность, что и в первый вечер в Малаге, когда управляющая зашла в номер и застала там Эрнана. По крайней мере, теперь она это поняла. У Изабеллы явно была с ним связь, вот ее и возмутило появление в жизни любовника какой-то американки, пусть даже временно.

- Как я понимаю, вы познакомились с Дуаресом несколько лет назад, еще до его брака? - спросила Изабелла.

- Да, это так, - неохотно согласилась Бет. Ее пульс снова участился. Она спрашивала себя, насколько хорошо эта дама осведомлена о том, что случилось пять лет назад.

Но, к счастью, Изабеллу гораздо больше волновало недавнее прошлое.

- Несомненно, вы увидели в нем некоторые перемены. Он стал другим человеком после трагической смерти Паолы.

Бет выжидательно замерла. Ей захотелось узнать о жизни Дуареса больше того, что ей было известно. Она ненавидела сплетни. Но Эрнан так мало рассказал о своей жене, что было трудно подавить женское любопытство. Может быть, если она узнает больше о его браке, то сможет понять, почему он считает, что их отношения не могут длиться долго.

- Как умерла Паола? - Не удержалась она от вопроса.

Изабелла с удивлением и даже с удовлетворением взглянула на собеседницу.

- Так вы не знали? Я предполагала, что Эрнан рассказал вам об этом.

Бет покачала головой, а на лице испанки отразилась искренняя боль.

- Автокатастрофа. По дороге в Сан-Рокес. Навстречу ехала машина, явно превысив скорость.

Паола скончалась мгновенно.

Бет побледнела. Какой бы плохой ни была жена Эрнана, ее смерть не могла не потрясти.

- Какой ужас, - прошептала она.

- Да, это ужасно, - вздохнула Изабелла. Ее глаза увлажнились.- А особенно ужасно то, что погибла не одна жизнь, а две.

- Вы имеете в виду водителя встречной машины?

На какое-то время вопрос повис в воздухе. Наконец собеседница медленно проговорила:

- Нет, я имею в виду не водителя. Паола была беременна.

Тишина стала такой мертвенной, что, казалось, звук упавшей иголки прозвучит словно пушечный залп. У Бет застучало в висках.

- Беременна?- ошеломленно повторила она.- Но я думала...

- Что вы думали? - резко вскинула голову Изабелла.

Бет облизнула пересохшие губы.

- Я думала, что у Эрнана... и Паолы были некоторые проблемы в браке.

- Проблемы? А какой брак обходится без проблем? Они оба были молоды и своенравны - естественно, что время от времени супруги ссорились. А в какой испанской семье этого не бывает? Но они очень любили друг друга. Как Паола могла забеременеть, если бы они жили в разладе?

Конечно, такого бы не случилось, уныло признала Бет. Как же отличались отношения супругов в рассказе Изабеллы от того, что она себе напридумывала! Они были страстными, пылкими, а не отчужденными и несчастливыми, как представлялось ей.

Почему же Эрнан не сказал ей всей правды? Возможно, Паола была ему неверна, но он же не перестал любить ее и спать с ней. Она погибла, нося под сердцем его ребенка. Неудивительно, что он так подавлен и не хочет об этом вспоминать.

- Эрнан обвинял себя, - удрученно продолжила Изабелла. - В тот день он возвратился из-за границы, где надолго застрял по делам, и Паола спешила домой, чтобы встретить его. Конечно, это дикая случайность, но он все же считает себя виноватым в случившемся.

Бет казалось, что в ее теле поворачивается нож. Ничего удивительного, что Эрнан не желает и думать о новом браке, - ведь он все еще носит в себе горе и вину. Почему же он не поделился с ней своими горькими переживаниями?

- Спасибо, что вы сказали мне об этом, - грустно произнесла она. - Как я понимаю, это все еще причиняет боль вам обоим.

- Как вы можете это понять? Паола была мне почти что сестрой, - вспыхнула вдруг Изабелла. Видимо, даже сочувствие Бет вызывало в ней раздражение и враждебность. Правда, последовавший затем вздох означал, что она сожалеет о своей несдержанности.- Простите, - пробормотала женщина, вновь надевая маску благоговия.- Я очень болезненно пережила

смерть Паолы. Из-за этого иногда и срываюсь. К счастью, в последние два года мы с Эрнаном находили утешение друг в друге.

Не могло быть сомнения в том, что имела в виду Изабелла. Эта сеньора явно давала понять, что ее отношения с Дуаресом не были платоническими отношениями друзей, переживших страшную трагедию. Она была любовницей Эрнана и хотела, чтобы он принадлежал ей.

Да и тот, скорее всего, этого хотел. Ему нужна женщина, понимающая его нежелание вступить в новый брак, женщина, готовая смириться с тем, что он сильно любил жену и никогда уже не оправится от своей потери. Та, которая поймет все это, и будет лучшей заменой. Для того, чтобы утешаться время от времени.

Простые, ни к чему не обязывающие отношения, никакой особой глубины – прямо как на той картине в галерее.

Бет не успела произнести ни слова – в дверях появился Хуан в сопровождении экономки, несущей поднос с кувшином фруктового сока и двумя высокими стаканами.

Очевидно, гостю не так уж сильно хотелось пить. Она встала и посмотрела на часы.

– Боюсь, что мне пора идти, – сказала она, холодно глядя на американку, и недвусмысленно добавила: – Я прощаюсь с вами. Думаю, что мы больше не встретимся.

Почему-то Бет тоже так думала.

12

Бет выглянула из иллюминатора самолета, наблюдая, как отдаляется от нее Малага. Она продолжала смотреть на испанскую землю, пока облака не закрыли ее.

Эрнан был там, где-то там внизу... Скоро он вернется в Сан-Рокес и найдет ее записку. Какова будет его реакция? Обрадуется ли, что все закончилось так быстро и просто? Принесет ли ему облегчение то, что она избавила его от мучительных объяснений и признаний в любви?

Бет закрыла глаза, пытаясь остановить слезы, навернувшиеся на глаза, и вжалась в кресло. Она сомневалась, что смогла бы сейчас встать, даже если бы от этого зависела ее жизнь.

Где она нашла силы, чтобы пережить последние несколько часов? Когда Изабелла ушла, Бет продолжала оцепенело сидеть за столом, наблюдая, как Хуан возится в песочнице с машинками и ведерками.

То, что Эрнан и Изабелла была любовниками, уже не имело никакого значения. Она не обвиняла его в том, что он, как мог, искал утешения после смерти Паолы. Но гораздо больше ее ранило другое: он зачем-то лгал ей, заявил, что брак с Паолой был несчастливый. Но ведь его жена ждала второго ребенка. Значит, они любили друг друга.

Конечно, теперь, когда она знала правду, на многие вопросы нашлись ответы. Она поняла, почему Эрнан не хочет, чтобы их отношения стали постоянными. Поняла и то, почему он не любит ее. Грустные размышления вновь вернули женщину в Сан-Рокес...

Бет продолжала сидеть на веранде, пока радостные крики Хуана не вывели ее из задумчивости. Она увидела подъехавшую к дому машину и испугалась, что приехал Эрнан. Но

это была Мария. Няня улыбалась, протягивая руки навстречу малышу.

Глядя на их горячую встречу, Бет поняла, что ей нужно сделать.

- Рада, что вы вернулись, - сказала она Марии с дрожью в голосе.- И жаль, что приходится расставаться с вами и Хуаном.

Девушка вопросительно посмотрела на нее:

- Вы уезжаете?

Бет энергично кивнула, отбрасывая всякие сомнения.

- Да, фактически прямо сейчас. Вы же приехали. Так что мне можно спокойно уезжать.

- Но сеньор Дуарес говорил...

- У меня проблемы с моей работой в Нью-Йорке, - перебила ее Бет. - Сеньор Дуарес еще не знает об этом. Я оставлю ему записку.

Бет чувствовала себя отвратительно - она видела, что Мария встревожена и смущена. Девушка явно чувствовала, что что-то тут не так, но не могла понять, что именно.

- А вы не хотите дождаться его и поговорить с ним?

- Нет, не могу! - решительно ответила Бет. - Мне надо возвращаться, иначе я потеряю работу. Я все объяснила в записке. Сеньор Дуарес поймет меня...

Поймет ли? - спрашивала она себя в самолете, уносившем ее все дальше от Эрнана. Конечно, поймет. И согласится, что действовать надо было именно так - быстро и решительно, а не растягивать мучение на Бог знает сколько. В конце концов, она лишь приблизила неизбежное.

- О Господи, ты выглядишь ужасно! - воскликнула рыжекудрая красавица Маргарет на следующее утро после прилета Бет в Нью-Йорк.- Что с тобой случилось? Ты приняла мои напутствия слишком буквально! Я посоветовала тебе испробовать вино, национальные блюда и испанских мужчин, но имелось в виду - по одному, я не говорила об оргиях.

Бет слабо улыбнулась:

- Очень смешно. Я... просто плохо спала прошлой ночью, вот и все.

- Скучала?

Если бы Маргарет знала. Да не скучала, а просто места себе не находила. Особенно в последние дни.

- Почему это я должна была скучать? - затравленно спросила она.

Маргарет хитро улыбнулась.

- Милая, хоть я и приближаюсь к тому, что называется средним возрастом, но еще кое-что соображаю. Да у тебя на лице написано, что ты страдаешь из-за мужчины. Я бы увидела это и за милую. А ну-ка выкладывай правду.

- Да, хорошо, это правда, - сухо сказала Бет, слишком измученная, чтобы отрицать. - Действительно, был мужчина. Заметь - был. И больше нет, так что давай оставим эту тему. - Сейчас она была не в состоянии делиться своими чувствами с грубоватой Маргарет.

Та прищурилась, глядя на Бет:

- Да, я вижу, тебе пришлось помучиться.

- Что?

- Лицо женщины - зеркало души. Все в нем видно. Любовь, милая, была несладкой?

- Не волнуйся, это скоро пройдет, - вяло сказала Бет.

- Ну, в чем дело, девочка? Он явно сделал что-то плохое. Обидел в кровати? Бросил тебя ради другой женщины?

Если бы все, что произошло, не отзывалось такой щемящей болью, Бет расхохоталась бы.

В каком-то смысле Маргарет была права. Ее бросили - ради призрака!

- Нет, это не так, - возразила она, зная, что, если признается в малом, придется объяснять все, а она сейчас к этому не готова.

- Тогда почему...

- Маргарет, пожалуйста, давай прекратим этот разговор. Я не хочу обсуждать достоинства и недостатки испанских любовников. Лучше поговорим об их кухне. Вам понравились мои отчеты?..

Час спустя Бет сидела у окна комнаты редакторов, мрачно глядя на нью-йоркские небоскребы. Интересно, что сейчас делает Хуан? Как ей не хотелось расставаться с ним. Бедный ребенок так нуждался в женской ласке! А вот его отец - нет...

На своем ломаном испанском она пыталась объяснить малышу, почему ей нужно улетать в Америку, но что мог понять трехлетний ребенок? Скучает ли он по ней? Ей так не хватало его, руки скучали по маленькому теплому тельцу. Она тосковала по Хуану так же сильно, как и по его отцу. Было невыносимо сознавать, что никогда больше не доведется их увидеть.

Громкое жужжание переговорного аппарата вывело ее из задумчиво-грустного состояния.

- Слушаю.

- Бет, тут к тебе пришли. Извините, сэр, повторите еще раз ваше имя...

Раздался приглушенный шум, затем послышался требовательный голос секретарши:

- Извините, сэр, вы не можете пройти, пока... Бет, извини. Он уже ушел. Наверное, будет искать тебя. Может быть, вызвать охрану?

Неожиданно в дверях появилась знакомая высокая фигура, и сердце Бет упало. Эрнан! Что он здесь делает?

- Мисс Харди, так вызвать охрану? - настойчиво вопрошала секретарша.

У Бет перехватило дыхание. Сделав усилие, она выдавила из себя:

- Нет, все в порядке. Я в полной безопасности.
- Не будь так уж уверена в этом, - зловеще произнес испанец, глядя на беглянку тяжелым взглядом. - Я настроен достаточно кровожадно. Что ты себе позволяешь? Взять и удрать от меня вот так...
- Я не удирала, - возмутилась Бет, задетая его воинственным тоном, - я оставила тебе записку.
- Записку, в которой сообщалось, что ты от меня сбегаешь.
- Записку, в которой объяснялось, почему я уезжаю, - поправила она.
- Какая разница, черт возьми! - продолжал негодовать Эрнан. - Ты сбежала.
- Какое это имеет значение? - нетерпеливо перебила она. - Только не притворяйся, будто тебе жалко, что я уехала.
- А мне и не жалко! - заявил он с вызовом.

Сердце Бет оборвалось. Господи, да ему все равно - уехала она, не уехала...

- Жалко, ты говоришь? Да я просто взбешен тем, что ты наделала! - никак не мог он успокоиться. Бет казалось, что испанец готов наброситься на нее, и ей стало страшно.
- Эрнан... вряд ли это место подходит для такого бурного разговора.
- Конечно, не подходит! - раздался голос Маргарет, неожиданно заглянувшей в комнату. Увидев незнакомца, она присанилась, насколько это позволяла ей маленькая фигурка, и замерла. Ее взгляд оценивающе окинул его высокую фигуру в отлично сидящем темно-сером костюме. - Кто вы такой?
- Эрнан Дуарес, - мрачно ответил испанец. - А кто вы?
- Маргарет Милтон, ответственный редактор. - Уверенный тон как бы предупреждал, что она здесь не затем, чтобы разглядывать мужчину. - Боюсь, что мне придется попросить вас уйти, кто бы вы ни были. Мы не можем позволить посторонним...
- Я не посторонний. Я друг Бет, мы познакомились в Андалусии, - перебил ее Дуарес.
- Это правда? - Начальница перевела удивленный взгляд на подчиненную.
- Нет! - гневно воскликнула Бет, взбешенная тем, что испанец посмел заявиться сюда, выдворив ее, по сути, из своего дома, да еще выдавая себя за друга. - Друзья не ведут себя так!
- Хорошо, - спокойным голосом сказал Дуарес. - Не друг. Я ее любовник. - Он проигнорировал испуганный вскрик шокированной Бет и добавил: - И собираюсь очень скоро стать ее мужем.

Бет ухватилась за край стола. Нет, этого не может быть! Услышанное перевернуло мир реальностей. Откуда здесь появился Эрнан? Кто это там заявляет, что собирается жениться на ней? Она закрыла глаза, абсолютно уверенная в том, что, когда откроет их, мир снова станет прежним. Робко открыла - ничего не изменилось. Эрнан смотрел на нее горящим взглядом, а Маргарет, утратив дар речи, недоуменно застыла в дверях.

- Это правда? - спросила она, обретя наконец голос.

- Нет, конечно нет! - закричала Бет.

- Конечно да! - без тени смущения произнес Дуарес, одарив Маргарет неотразимой улыбкой сердцееда. - Так что, как видите, ваша коллега в надежных руках. Можете оставить нас вдвоем и будьте уверены - с ней не случится ничего плохого.

Из строгой дамы Маргарет превращалась в прозрачное желе прямо на глазах. Она не сводила с гостя восторженного взгляда.

- Вы меня убедили, сеньор, - елеинным голосом проворковала она, пятясь в дверь.

- Маргарет, подожди, ты не можешь оставить меня...

- Милая, мне кажется, это не тот случай, когда тебе нужна дуэнья. Испанский гранд собирается предложить тебе руку и сердце.

- Нет, не собирается!

Маргарет подмигнула гостю:

- Если вам не удастся уговорить ее, зайдите в мой кабинет. Уверю, уговаривать меня не придется. - С этими словами она вышла, плотно притворив за собой дверь.

Бет воинственно задрала подбородок.

- Может быть, ты объяснишь, что происходит? Мы же оба знаем, что твое заявление ложь. - Бет была взвинчена до предела. - Он, видите ли, собирается жениться на мне! А ведь и думать об этом не хотел.

- Минуточку, - направился к ней Эрнан. - Все это было раньше. А теперь я передумал, вот и все.

Бет была взбешена этими словами и яростно взмахнула руками.

- И что? Мило улыбаясь, ты объявляешь, что передумал, и предполагается, что я должна принять твою прихоть с благодарностью? Ну уж дудки! Я тоже передумала! Не хочу иметь с тобой никаких серьезных отношений и уж, конечно, не хочу выходить за тебя замуж.

Эрнан вплотную подошел к столу и был так близко, что Бет, ощутив знакомый волнующий запах испанца, предупреждающе выставила руки. Но он не коснулся ее, а просто спросил:

- Можно, я тебе все объясню?

- Чего здесь объяснять? Я же написала тебе, что Изабелла мне все рассказала.

- Нет, не могла рассказать. Она многого не знает.

- Зато я знаю, что она хочет тебя, - горько заметила Бет.

- Я твой. И всегда был твоим.

- Всегда? Не надо лгать, Эрнан. Ты женился на Паоле, потому что любил ее. И все еще

любишь.

Эрнан сокрушенно покачал головой:

- Послушай, ты кругом не права. Я никогда не любил Паолу, в этом-то все и дело. Я о многом не сказал тебе. Может быть, ты все же выслушаешь меня? - Слабый кивок Бет поддержал его, и он продолжил: - Я познакомился с Паолой четыре года назад в ночном клубе, когда она подрабатывала летом в Малаге...

Бет притихла, не зная, действительно ли ей хочется слышать исповедь. Наверное, все же не хотелось ничего знать о бурной, полной похждений жизни Эрнана четыре года назад - она-то в это время страдала из-за неразделенных чувств.

- Я не буду вдаваться в детали, но очень скоро у нас завязался роман...

Бет попыталась отвернуться от Эрнана, но он подошел к ней и повернул за плечи лицом к себе.

- Пожалуйста, выслушай меня. Мы должны поговорить, иначе ты ничего не сумеешь понять. Если это может тебе утешить, - горько добавил он, - мне эта история тоже не нравится. Ну, так вот, через какое-то время Паола сказала мне, что забеременела. Ребенок не входил в мои планы. Я же не любил ее, о чем дал понять в самом начале нашего знакомства. Честно говоря, я хотел лишь поддерживать ни к чему не обязывающие отношения. Считал, что это нормально для двух взрослых людей, которые нравятся друг другу. Вот так все и началось...

- Но у Паолы-то, очевидно, все было по-другому, - резко оборвала его Бет, чувствуя неожиданную волну симпатии к незнакомой ей женщине. - Она же, наверное, любила тебя, несмотря на то что не любил ты. Разве все это...

- Может, ты дашь мне закончить, прежде чем укорять? - перебил Эрнан.

- Хорошо, продолжай, - шумно выдохнув, сказала Бет.

- Паола сказала мне, что принимала противозачаточные таблетки и что опасности забеременеть нет. Потом призналась, что это была ложь. Она решила забеременеть от меня, чтобы вынудить жениться на ней. И она добилась своего...

Старый трюк, подумала Бет, и ее симпатия к Паоле начала угасать. Действительно ли она любила Эрнана или просто стремилась к красивой, обеспеченной жизни?

- Я никогда не лгал Паоле, - продолжал Эрнан, - она знала, что я не люблю ее, но рассчитывала, что я сделаю все возможное, чтобы наш брак был счастливым...

- И сделал?

- Я пытался. - Мрачная усмешка исказила лицо мужчины. - Несмотря на обстоятельства, которые вынудили меня вступить в брак, я хотел жить нормальной семейной жизнью, особенно после рождения Хуана. Я женился на Паоле, не любя ее, и думал, что не буду любить и ребенка. Я знаю, что это звучит ужасно, но это правда. И как же я удивился проснувшимся отцовским чувствам, когда в первый раз держал сына на руках...

- Конечно, ваша любовь к Хуану могла укрепить семью.

- Это ты так думаешь, но ты не права. Слушай дальше: Паола ненавидела все, что было связано

с материнством. Очень скоро она устала заботиться о сыне, и он стал для нее обузой. А когда почувствовала, что я люблю его, все пошло еще хуже. Она считала Хуана виноватым в том, что моя любовь принадлежит ему, а не ей. Конечно, мы пытались как-то разрешить эту проблему, но ничего не получилось. Я нанял няню, чтобы немного освободить Паолу, но очень скоро она стала проводить большую часть своего времени вне дома. Сын ее практически не видел...

- Эрнан, это же ужасно! - вырвалось у Бет, потрясенной равнодушием матери к ребенку.

- Да, это было ужасно, - согласился он, - но потом стало еще хуже. Паола начала изменять мне. Мне кажется, она считала, что если ей удастся вызвать во мне гнев и ревность, то, может быть, я полюблю ее. Но кроме бурных ссор это ничем не кончалось. Постепенно мы все больше отдалялись друг от друга. Бывало так, что жена не появлялась дома по несколько дней - она явно проводила время с другими мужчинами...

- Но она же была беременна, когда погибла. Так мне сказала Изабелла. Она спешила домой встретить тебя.

Эрнан угрюмо кивнул:

- Да, она была беременна, но не от меня. Мы не спали вместе в последний год ее жизни. - Бет издала изумленный возглас. - Паола ехала не в Сан-Рокес, а покидала его. Незадолго до гибели она сказала мне, что нашла другого - какого-то богатого американца, который был без ума от нее. Хуже всего, что жена хотела забрать с собой Хуана. Я приехал раньше, чем она ожидала. Наш брак распался, сына она не любила, и я не мог ей позволить забрать его. Когда ее машина разбилась и она погибла, я был потрясен сознанием своей вины. Если бы я не прогнал ее, этого могло и не случиться...

- Здесь нет твоей вины.- Бет нежно погладила его щеку.- У тебя не было выбора... ты сделал это ради сына.

- Может быть, это и так, но я все же чувствовал вину. А дальше произошло вот что: когда вскрытие показало, что жена была беременна, я не сказал никому, что это не мой ребенок. Жизнь Паолы была такой короткой и трагичной, что мне казалось бессмысленным и жестоким очернять женщину после смерти, делая ее супружескую неверность предметом сплетен и грязной болтовни. Это было единственное, чем я мог хоть чуть загладить свою вину...

Сердце Бет растаяло. Вот каков, оказывается, этот гордый и скрытный испанец. А ведь иной мужчина был бы только рад возможности очернить жену, особенно если бы она вытворяла то, что Паола.

- Но разве Изабелла не знает об этом? - спросила она.

Эрнан покачал головой.

- Нет. Видишь ли, они были очень близки. У Паолы не осталось родственников. Во время учебы в Малаге они познакомились с Изабеллой, и та стала как бы старшей сестрой Паолы - просто боготворила ее, не видела в ней никаких недостатков. Конечно, она знала, что наш брак не так уж благополучен, как казалось со стороны, но не представляла, насколько все было плохо. А Паола, конечно, не говорила ей всей правды. Думаю, что из гордости: ей не хотелось, чтобы Изабелла узнала о развале нашего брака. А потом, после гибели, не было никакого смысла разрушать иллюзии этой женщины.

Бет вспомнила то, что рассказывала ей Изабелла. Конечно, они с Паолой были очень близки, и

все же Эрнан прав, что не открыл ей всей горькой правды. Он пощадил обеих женщин. Но как же быть с заявлением Изабеллы о том, что у них с Эрнаном близкие отношения?

- Она сказала, что у вас был роман, - как бы между прочим заметила Бет.

- Какие глупости, - резко ответил Эрнан.- О романе между нами не могло быть и речи. Изабелла мне нравилась, я восхищался ею, но никогда не хотел, чтобы наши отношения стали близкими. Она потеряла Паолу, а через несколько месяцев и свою работу в Малаге. Вот почему, купив гостиницу «Звезда Андалусии», я назначил Изабеллу менеджером. Надеялся, что это внесет смысл в ее жизнь. Если она говорила о том, что наши отношения выходили за рамки дружбы, значит, просто лгала. В моей жизни не было другой женщины, кроме Паолы, но я не любил ее. А Изабелла... да как бы я мог? Ведь я любил тебя.

Слезы увлажнили щеки Бет.

- Я хочу верить тебе, Эрнан. Но ведь всего два дня назад ты сказал мне, что не хочешь, чтобы мы жили вместе. Не говоря уже о браке. Как после этого я могу поверить, что ты меня любишь?

Пальцы Эрнана смахнули ее слезы.

- Дорогая, не надо плакать. Я полюбил тебя пять лет назад и не переставал любить все эти годы. После того как ты уехала из Малаги, я был взбешен, подозревая, что отчим подставил тебя. Пытался найти забвение в браке с Паолой, но не получилось. Сердце рвалось к тебе. Но я все еще не мог поверить в твои чувства, пока не вернулся позавчера в Сан-Рокес и не нашел твою записку. Вот тогда и понял, что бешусь от того, что ты оставила меня. Вылетел сюда первым же рейсом, намереваясь сказать все, что наболело в душе. И во время полета я спросил себя, почему же так злюсь? - Эрнан умолк и заглянул в глаза Бет. - Ты меня понимаешь?

- Да, да, милый, продолжай.

- Ну вот, после того как умерла Паола, я убедил себя в том, что не способен любить, что принесу несчастье и боль любой женщине, с которой у меня завяжутся серьезные отношения. Но это было не так. Я не мог испытывать горячих чувств к Паоле, потому что все мысли занимала ты. Когда я понял, насколько пустой будет моя жизнь без тебя, то наконец-то увидел истину. Я люблю тебя, Бет, и всегда любил. Я знаю, что смогу сделать тебя счастливой... знаю, что мы сможем принести счастье друг другу. Ты выйдешь за меня замуж?

Бет смотрела на любимого, не в состоянии поверить, что все происходит на самом деле. Это больше походило на сказку.

Ее глаза блуждали по лицу Эрнана и видели в них любовь.

Громкое «гмм» прозвучало со стороны двери, прерывая долгий, страстный поцелуй, последовавший за признанием влюбленных.

- Это сугубо интимная оргия или другие тоже могут присутствовать? - игриво спросила Маргарет. - Можно ли считать, что благородный идальго и дама его сердца заключили вечный союз и обговорили сроки предстоящих торжеств?

Счастливая, Бет кивнула.

- Кажется, да. Только не огорчайся, что место невесты уже занято. Зато место подружки

свободно.

Глаза Маргарет загорелись:

- Знаешь, я никогда еще не была подружкой невесты, а я так хороша в розовых андалусских кружевах, что ты подарила мне!

Бет улыбнулась:

- Ох, не пожалеть бы мне, что ездила за ними в Испанию.

- Нет, не пожалеешь! - воскликнул Эрнан, обвивая рукой талию будущей супруги и прижимая ее к себе.- Обещаю тебе, любимая!

mir-knigi.org